

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

ISSN 0134 - 241X

7 (781) ИЮЛЬ, 2022

www.uralstalker.com

**ПОДХОДЯЩИЙ
размер**

ЖИТЕЛИ ПЕЩЕР

ИДОЛЫ КАМЕННЫХ
САМОЕДОВ

ГЕН ВЫРОЖДЕНИЯ

Июль 2022

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Фото Варвары Павловой.

4 стр.: Солнечные часы в селе Мраморское.

Изготовлены неизвестным автором из местного мрамора в 1773 году. Фото Евгения Тамплона.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2022 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №7 (781), 2022 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **КС**, публикуются на правах рекламы.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Аэлита
Журнал
в журнале

«Уральский следопыт. uralstalker.com» №7, 2022 г.
Подписан к печати 28.06.2022 г. Дата выхода 05.07.2022 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Добрые попутчики

А. КАПРАЛОВ
Юные экологи
в Лестехе 19

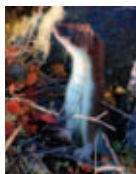
Живи активно

М. ПОРОЗОВА-
ДУЩАК
На вырост
не брать! 20

Фотолетопись

Н. ПЛОТНИКОВ
Вишера 22

Природа в ладонях

С. ЗИМИН
Горностай.
Маленький
и шустрый 26

Юнкоры едят

Л. СОРОКИНА
Обратная
сторона Екб 38

Природа в ладонях

М. БОКАЧЕВ
Пищука 40

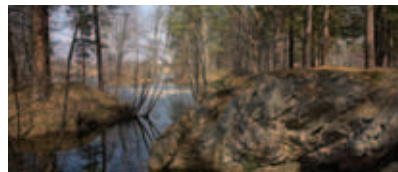
Экология

Е. ПЕРВУШИНА
Летающие ночью
жители пещер 42

Фотолетопись

Е. ТАМПЛОН
Мраморский пруд 45

Река времени

Родословная

С. КОЛМОГОРОВ
Пирожки мои,
Пирожки 3

Традиции

Н. ВЕХОВ
Каменные
самоеды 8

Штрихи к портрету

М. ДАВИДОВ
Наследник 14

Традиции

В. МЕХОНОШИНА,
М. БЕЛАВИНА
Чтобы
не потеряться 30

Далекое-близкое

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА
К службе способен
и достоин 34

▼ Пшеничное поле. Вид на Пирожки и Колмогорову

Пирожки мои, Пирожки...

Воспоминания о малой родине

Деревня с таким названием существовала в Зауралье с начала XIX века. Сегодня ее нет даже на карте, но осталась память об этом замечательном месте и людях, что здесь родились и жили.

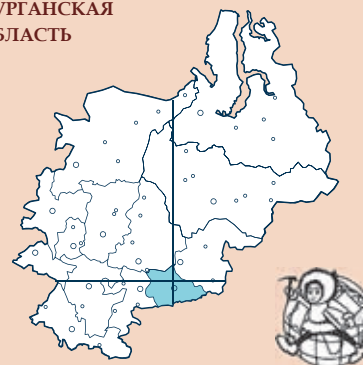
В прошлом году мы с моим братом Вячеславом решили установить памятный знак к 100-летию со дня рождения нашего дяди, лейтенанта Андрея Степановича Смольникова, пропавшего без вести в июне 1941 года. Родом он был из небольшой деревеньки, с забавным на первый взгляд названием – Пирожки, что стояла когда-то в Каргапольском районе Курганской области. Мероприятие с участием официальных и должностных лиц, представителей общественных организаций района прошло на кладбище соседней деревни Мишагина, где похоронены многие наши родственники по линии Смольниковых. Накануне в каргапольском храме Покрова Пресвятой Богородицы состоялось заочное отпевание Андрея. А непосредственно на кладбище отец Михаил (Тихонов) отслужил панихиду по усопшему воину.

В тот день один из родственников передал мне тонкую ученическую тетрадь с написанными от руки воспоминаниями уже ушедшего из жизни Степана Ивановича Колмогорова о ныне несуществующей деревне Пирожки. Я долго не знал, что

мне делать с этой тетрадью. Сначала показалось – ничего особенного в содержании нет. Но потом мнение моё стало меняться. Подкупало желание пожилого человека успеть оставить память о своей малой родине, о родных и соседях, проживших порой сложную, порой простую, по-своему интересную жизнь. Бесхитrostные строчки, раскрывающие страницы истории типичной зауральской деревни. В конце концов, набрал текст на компьютере, внёс минимальную правку (она коснулась компоновки, но не содержания и стиля повествования) и, снабдив материал своими иллюстрациями, предложил его редакции «Уральского следопыта»... (Владимир Струганов, краевед, г. Лесной.)

Деревня Пирожки образовалась в начале XIX века. Некогда она входила в состав Осиновской волости Шадринского уезда Пермской губернии. После революции стала частью созданной Уральской области с центром в городе Свердловске. Где-то в 30-х годах прошлого века из Уральской области выделили Свердловскую, Челябинскую

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Степан Колмогоров

(15.03.1922–26.01.2011) Родился в деревне Пирожки Каргапольского района Курганской области. Окончил Шадринский учительский институт по специальности «учитель истории», в 1956 году — Курганский пединститут. Работал учителем в Каргапольской и Майской средних школах, затем директором Усть-Миасской школы, где более 20 лет преподавал историю и географию. Участник Великой Отечественной войны. Последние годы жизни проживал в Кургане.

▲ Пирожки. Фото 1960-х

▼ Одна из стариц реки Исеть

► Страница рукописи С.И. Колмогорова

и Пермскую. А в 1943-м из Челябинской выделени Курганскую область, куда вошли и Пирожки.

В окрестностях Таловой

Деревня наша располагалась на правом берегу реки Исеть (приток Тобола), точнее — на берегу её старицы, под названием Таловая. В окрестностях имелось много небольших озёр: Штанное, Андреевское, Пирожок, Долгое, Берёзовое и др. Луга вокруг тоже имели названия: Широкий, Мокрида, Подвалка, Дол. Свои местные народные названия носили и леса: Первые, Вторые и Третьи борки, Елькин сад, лес Васьки Грилина, Хабаров лог, Дуброва, Подвалка и др.

Ближайший лес — Подвалка — стоял к югу от Пирожков, на крутой горе и был любимым местом гуляния молодёжи. Здесь росло много черёмухи, боярышника, шиповника. Внизу, под горой, — несколько родников с холодной и чистой водой. Зимой Подвалка служила местом катания на лыжах и санках для деревенских ребятшек.

В составе колхоза

Наибольший расцвет деревни падает на предвоенные и послевоенные годы. В 30-е годы в Пирожках организовали колхоз «Красноувалец», просуществовавший до 1955 года. После укрупнения колхозов «Красноувалец»

вошёл в состав колхоза «Память Ленина», впоследствии — в колхоз имени Калинина. В Пирожках было чуть более 50 дворов, проживало около 240 жителей. Интересно отметить, что фамилию Колмогоровы носили 27 семей, Авдеевы — 10, Смольниковы — 8, Агапитовы — 2, Юркины — 1, Уфимцевы — 1. В каждой семье в среднем имелось по 5 детей.

Есть сведения, что деревню Пирожки, как и сопредельные с нею Мишагину и Колмогорову, основали переселенцы-старобрядцы из-под Холмогор Архангельской области, когда они бежали, чтобы сохранить свою веру. Сторонники этой веры, так называемые двоеданы, вели свой уклад жизни, у них были свои моленные дома, свои обряды, свои кладбища. Староверы в Пирожках проживали вплоть до 1960-х годов.

Праздники нового времени

Расскажу о некоторых моментах из жизни жителей деревни тех далёких лет. Например, о праздновании новых для народа в 30–40-е годы праздников 1 мая и 7 ноября. В дни праздника все жители, а особенно молодёжь, собирались с флагами, портретами вождей, плакатами возле конторы. Был небольшой митинг, а дальше все выстраивались в колонну и шли в дерев-

Наш участок был от Шадринска до Механик. Работали мы на башкирских лодках, которые летом вывезли там до 15 июля. Наши задачи были ставить вешки, балясы, столбы, жерди. Все это шло на постройку дамбы, чтобы укрепить каменный канал. Обустраивали дорогу, мосты, отвалы, острова, дамбы.

Грузы перевозились самыми разными олами и зерно, и топливо, и лес. Со мной в бригаде работали мой друг Александров Анатолий и мой брат Павел.

Одновременно мы выполняли роль бригады, готовили еду, мыли посуду. Дойдя до Механик, мы сдавали вагоны бригаде колхоза, а те уже были дальние, до реки Тобола, Иртыша.

Платили нам колхоз и за охрану участка, за работу на дамбе, за работу на судах, за работу на судах, за работу на судах, за работу на судах.

ню Мишагину или в Колмогорову. Там встречались, общались, был концерт, выступления. Затем все вместе двигались обратно, пели песни, частушки под гармошку. Гармонистов в деревне всегда было много, иногда играли 5–6 гармошек. Например, у нас в семье мы с братом Александром играли на гармошках, причём у каждого была своя. Брат Павел играл на баяне, сестра Валентина — на балалайке. И так — с песнями, шутками — приходили обратно в Пирожки. А там уже в колхозной столовой были накрыты столы, всех ждал праздничный обед. Веселье продолжалось до вечера. Праздновали все: от мала до велика. Такие события запомнились на всю жизнь.

Исеть — река судоходная

В Пирожках каждое лето создавались бригады из молодых парней для работы на водном транспорте. Да, представьте себе, что река Исеть была судоходной! Ведь, чтобы перевозить грузы, нужен транспорт, а автомашин в то время почти не было, поэтому грузы сплавляли по реке.

▲ Закат над полем

Наш участок был от Шадринска до Мехонки. Работали мы на больших лодках, способных вместить до 15 человек. Нашей задачей было ставить вешки, бакены, столбы, знаки. Всё это необходимо для того, чтобы указывать капитану катера безопасную дорожку, минуя отмели, островки, зато-ры. Грузы перевозились самые разные: это и зерно, и топливо, и лес. Со мной в бригаде работали мой друг Смольников Андрей и мой брат Павел. Одновременно мы выполняли функции гребцов, готовили еду, ловили рыбу. Дойдя до Мехонки, сдавали вахту другой команде, а те уже плыли дальше, до Тобола и Иртыша. Платили нам неплохо, и к очередному учебному году мы зарабатывали себе на одежду, обувь, а остальное отдавали родителям.

Готов к труду и обороне!

В довоенное время в Пирожках не было ни радио, ни электричества. В 1938 году в семье односельчанина Ивана Спиридоновича появился первый радиоприёмник. Вся деревня приходила слушать последние известия, передачи, песни. Никто не верил, что такое возможно, все считали это каким-то чудом. Мужики осматривали приёмник со всех сторон, заглядывали внутрь, считая, что кто-то там сидит и говорит. Бабы крестились и не пускали ребятшек слушать, считая, что это всё нечистая сила. Ещё большим событием и чудом было

кино. Кино привозили из района, оно было без звука, немым. Киномеханик читал вслух текст, слова героев фильма. Чтобы посмотреть фильм, нужно было вручную крутить «динамо», которое давало ток. Обычно рукоятку крутили те ребята, у кого не было денег на билет. Самыми интересными были картины на военные темы: «Мы из Кронштадта», «Броненосец Потёмкин», «Чапаев», «Трактористы» и др. Смотрели мы эти фильмы по несколько раз. Сначала их показывали в Мишагиной, затем в Пирожках, а после — в Колмогоровой. Мы успевали посмотреть везде. Молодёжь подражала героям из кино. Говорили их словами, старались одеваться, как они, пели песни, звучавшие в картинах.

Любимые фильмы воспитывали в нас патриотизм, веру в добро, в свою страну. Мы, дети довоенного поколения, все были патриотами. В школе сдавали нормы ГТО (готов к труду и обороне). Почти у каждого старшеклассника был значок «Ворошиловский стрелок». Всё это пригодилось нам на фронтах Великой Отечественной войны. Молодёжь того времени была более выносливой, физически и морально стойкой, приученной к любому физическому труду.

Через годы и войны

С момента возникновения деревни её жители участвовали в большинстве войн, которые вела Россия. Об участии их в Крымской войне 1853–1856 года

мне ничего не известно. А вот в войне с Турцией 1877–1878 годов мои земляки участие точно принимали. Это, к примеру, мой дед, Колмогоров Яков Маркелович, и его односельчанин Смольников Ефим. В русско-японской войне 1904 года воевал Воронин Егор Васильевич, попавший потом к японцам в плен.

В Первой мировой участвовали мой дядя Василий Яковлевич и его друг Фадей Астафьевич. Оба были ранены в ноги и до конца дней своих оставались хромыми. В той войне принимал участие и мой отец — Колмогоров Иван Яковлевич. Призвали его в 1914 году. Провоевав год, он попал в плен, где пробыл три года. Было это возле города Штутгарта. Отношение к пленным в то время было вполне гуманным, им даже разрешалось писать письма домой. Отца взял к себе на работу один богатый фермер. У него, ухаживая за животными, отец обучил-

▲ Сенокосная пора

▲ Ковыль между Пирожками и Колмогоровой

◀ Пелагея Смольникова со старшими сыновьями. Пирожки, 1919 год

Великая Отечественная

Об участии жителей Пирожков в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов я имею более точные сведения. Многих ребят призвали в армию перед самой войной. Она застала их во время службы. Это и мой родной брат Михаил, призванный в 1939 году, и мой близкий друг Андрей Степанович Смольников, росший без отца. Андрей учился в Усть-Миасской 7-летней школе. Весной 1941-го окончил Свердловское военное училище и в звании лейтенанта был направлен служить на западную границу. Погиб он в самые первые дни боёв за Родину.

Из Пирожков на фронт ушли 54 человека. Из них 24 были холостыми ребятами, в т.ч. две девушки — Мария и Таисья. У многих моих односельчан на фронт отправились трое и более детей. К примеру, семья Акимы Дмитриевича Колмогорова проводила шестерых! Из ушедших на фронт пирожковцев погибло 37 человек. Места захоронений в большинстве своём неизвестны. Неизвестно, где погиб и мой старший брат Александр.

Михаил Колмогоров

Расскажу ещё об одном своём брате, Михаиле Ивановиче Колмогорове, участнике Отечественной войны, прослужившем 47 лет и дослужившемся до полковника. Родился он в 1920 году. После окончания Осиновской семилетки поступил в Шадринский сельхозтехникум. В 1939-м начал работать зоотехником в Покровском районе Челябинской области, откуда и был призван в армию. Потому в Каргапольском райвоенкомате данных о нём нет. Но в Книге Памяти указано: «Колмогоров Михаил Иванович, род. в 1920 г., военнослужащий. Полковник. На-

▲ На краю поля

граждён двумя орденами Красной звезды, тремя орденами Отечественной войны, многими медалями. Умер в 1986 г.».

Службу Михаил начинал в военном городке Красная Речка, что недалеко от Хабаровска. Здесь его и застала весть о начале войны. Рядом, через пограничную реку Усури, находилась враждебная нам Япония. В том же году брат окончил танковое военное училище. Он многократно обращался с рапортами об отправке на фронт, но ему отвечали: дескать, придёт время, отправят и без рапорта. Командование знало, что рядом стоит миллионная японская армия, готовая в любой момент напасть на Советский Союз. И вот в сентябре 1944 года Михаил на фронте, в должности командира танка механизированного корпуса, которым командовал генерал Леплошенко. Брат участвует в боях за освобождение Будапешта, в уничтожении группировки врага в районе озера Балатон. Потом — бои в Чехословакии, освобождение Праги. Последний бой состоялся 10 мая 1945 года.

Великую Отечественную Михаил закончил в должности начальника штаба танкового батальона. Далее вместе со своим батальоном его отправляют на Дальний Восток, воевать с японцами. После брат служил в Китае, Эстонии, в немецком Потсдаме (пригород

▲ Пирожовцы, конец 1930-х

ся основам ветеринарии. Это пригодилось ему в будущей жизни, когда он вернулся на Родину. До конца своих дней отец трудился ветеринаром и заведующим фермой. Несколько моих земляков воевали в Гражданскую войну. Но пирожовским мужикам совсем не хотелось воевать ни за красных, ни за белых. Они скрывались от мобилизации в лесах и на лугах за рекой Исеть.

▼ Неводильщики

▼ На покосе

Берлина), в Ленинграде. В последние годы проходил службу в Уральском военном округе, где неоднократно встречался с Г.К. Жуковым. Умер в возрасте 66 лет.

Выбор пути

Хочется отметить, что мои земляки-пирожовцы всегда стремились к знаниям. В деревне не было своей школы, и дети пешком ходили в начальную школу соседней деревни Колмогорова, затем — за 7–8 км в среднюю школу села Осиновского. Некоторые учились в Каргаполье или в селе Усть-Миасском.

В любые морозы занятия не отменялись. Одежды, обуви не было. Порой приходилось учиться по очереди. У нас с братом Павлом были одни сапоги на двоих. Отец решил так: пока я буду работать в колхозе, Павел в моих сапогах будет учиться. И вот после 7-го класса я пас лошадей, коров, овец, работал на уборке урожая, чтобы заработать себе на одежду и обувь. Год учёбы пропустил, но заработал не только на одежду. Отец купил мне ещё ружьё и гармошку. И я снова продолжил учёбу в школе. В семье у нас одновременно училось четверо детей. Родители как могли помогали, убеждая, что надо обязательно получать образование, профессию.

После ранения я в 1943 году вернулся домой и сразу поступил в Шадрин-

ский учительский институт по специальности «учитель истории». В то время наш институт давал неполное высшее образование. В 1956-м заочно окончил Курганский пединститут, по той же специальности. В те годы я работал директором Усть-Миасской 7-летней школы. Мой брат Павел окончил Шадринский сельхозтехникум по специальности «агроном». Сестра Валентина тоже окончила этот техникум, по специальности «зоотехник», и до пенсии работала в колхозе «Память Ленина».

Вот ещё некоторые имена и фамилии моих земляков-пирожовцев, получивших образование и достойно служивших Родине. Авдеев Ерофим Иванович, 1916 года рождения, после Тюменского сельхозтехникума работал директором совхоза в Краснодарском крае. Колмогоров Иван Фёдорович, 1922 года рождения, окончил Уральский политехнический институт, работал старшим инженером на Уралмаше. Брагина Нина Васильевна, 1924 года рождения, окончила Шадринский пединститут, работала учителем математики в Осиновской школе. Авдеев Герасим Иванович, 1925 года рождения, участник Великой Отечественной войны, окончил Курганский машиностроительный институт, работал главным конструктором Курганского машзавода, лауреат Государственной премии.

▲ Придорожный указатель

Из более молодых — Уфимцев Афанасий Сергеевич, 1946 года рождения, после окончания Шадринского сельхозтехникума работал в Каргапольском зерносовхозе, был председателем сельсовета в посёлке Майский. Его сын, Уфимцев Сергей Афанасьевич, окончив политехнический институт в Свердловске, работал в Шадринске в системе «Уралэнергомонтаж». Агапитов Георгий Григорьевич, 1965 года рождения, окончив Курганский сельхозинститут, работал главным агрономом в Ольховском совхозе Шадринского района.

Вместо эпилога

Вот небольшая часть моих воспоминаний о малой родине. Да, деревня исчезла с лица земли, но скольких граждан России она родила, вырастила, воспитала! Мои односельчане живут в разных уголках страны, но все они помнят о своей малой родине, о своих предках, и эта память должна жить. **УС**

▼ На лугу

Каменные самоеды

Коренные жители уральской Ойкумены

Северная оконечность Урала и прилегающие к ней тундры – область, которую давно обжили коми (зыряне), представители финно-угорских племён, и ненцы (самоеды), ветвь мигрировавших сюда самодийцев с Алтая. Современный ареал потомков алтайских мигрантов тянется от Канинских тундр до восточных берегов Енисея.

«Сам, един»

До начала 1930-х годов ненцев именовали по старинке – самоедами. Вот что по поводу столь необычного названия этого народа пишет служивший в 1820-х годах в Тобольске медик Франц Белявский: «Самоеды между собою называют один другого не поимённо, а просто общим названием для всего народа: Хазова. Слово «Хаз» значит «сам», а «ово» — значит «один». Что и составит самоедин, или сам, един. Соответствующее их название Хазово. И так, не очевидно ли, что название Самоед есть искажённое из переводного их имени Сам едины». После учреждения национальных автономий на севере европейской части России и Сибири упразднили неблагозвучное название этого народа, будто они являются

каннибалами, и они стали именоваться ненцами, что в переводе значит «настоящий человек».

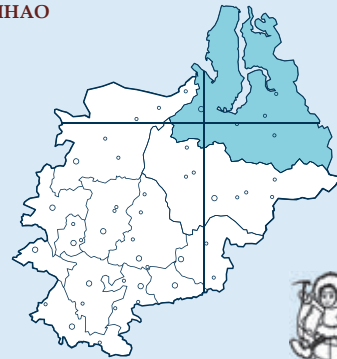
Одно из первых описаний самоедов относится ко времени второй голландской экспедиции Виллема Баренца 1595 года. Какими увидели таинственных язычников европейцы, можно судить по записям летописца экспедиции Яна Гюйгена ван Линсхотена: «С виду их платья не похожи на те, в какие наши жители одевают диких людей, но эти отнюдь не дикие, а одарены добрым разумом. Они одеваются с головы до ног в шкуры оленей, кроме первенствующих лиц, которые хотя и одеваются точно так же (и мужчины, и женщины), но голову покрывают сукном, окрашенным в какой-либо цвет и подбитым мехом; остальные носят шапки,

► Вид Уральских гор с реки Хэй-яхи. Рис. И. Бермелеева

Вид Уральских гор с реки Хэй-яхи
Рис. Ив. Бермелеева из книги "Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой" / Ред.-сост. Э.Гофман Том 2. СПб., 1856. Л. 186-6

ЯНАО

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

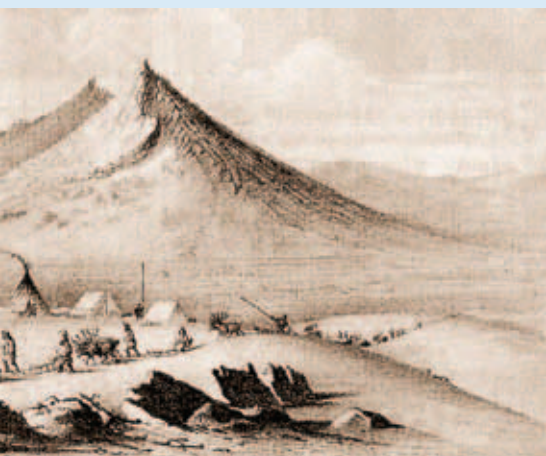
Фото предоставлены автором

Уральский следопыт, июль 2022

▲ Озеро Минисей, вид с границы Европа — Азия. Фото Александра Калмыкова

▲ Портрет уральского самоеда в малице (19 в.). Рис. И. Бермелеева, из книги: Ненецкий край. Архангельск, 2000

Портрет уральского самоеда в малице

Рис. с натуры и на камне Ив. Бермелеева. Литография А. Бурунова. Из книги "Севский Урал и береговой хребет Пай-Хой" / Ред.-сост. Э. Гофман. Том 2. СПб., 1856. Л. 142-а.

сделанные из оленьих шкур, волосом наружу, и, туго стягивая голову, отрицаивают длинные волосы, заплетенные и отпущенные за спину поверх одежды. Они по большей части малорослы, с широким и плоским лицом, небольшими глазами, короткими и раскоряченными ногами; они проворно бегают и прыгают. Иностранцам доверяют мало, ибо, хотя мы им выказывали всяческую дружбу, они все же верили нам мало». Самоедское общество того времени было организовано по родоплеменному принципу. Во главе рода или близких родов стоял «князь».

Вот какое впечатление на них произвёл самоедский «князь»: «Тот, кого на-

зывали князем, имел расставленные караулы для наблюдения, что делалось и что покупалось или продавалось. Наконец один из нас, подойдя поближе для заключения с ним дружбы, вежливо приветствовал его по их обычаю и вместе с тем подал ему морской хлеб или бисквит. Тот принял хлеб с большим почтением и тотчас съел, но во время еды все же, как и раньше, и потом, старательно наблюдал за всем, что делалось». Европейцы нашли самоедов очень пугливыми. «Их повозки были всегда наготове, запряженные одним или двумя оленями; они мчат так быстро одного или двух седоков, что ни одна из наших лошадей не может с ними сравниться. Один из на-

ших разрядил два раза ружье в направлении к морю. Это так напугало их, что они побежали врпрыжку, как сумасшедшие».

Кто они, «каменные самоеды»

Ненецкий этнос — это две группы самоедов, тундровых (их абсолютное большинство) и лесных. В сказании «О челевцеях, неизвестных в Восточной стране» (конец XV в.) упоминается об оленеводстве в горах: «В Восточной же стране есть иная самоедь, зовома каменная. Облежит около Югорьския земли, а живут по горам по высоким. А ездят на оленех». Это, возможно, первое упоминание о «каменных самоедах», ненцах, связанных с Уралом. Прошедший с экспедицией ИРГО в 1908 году весь Ямал от Обдорска до острова Белого и обратно Б.М. Житков употребляет название «каменные самоеды» для уральских ненцев. По его мнению, к этой группе принадлежат ненцы, живущие на Полярном Урале и вокруг него. Их владения распространялись и на полуостров Ямал.

◀ Могила самоеда, украшенная рогами оленя. Фотография Константина Носилова

▲ Сейчас святилищами пользуются все оленеводы. Семейство хантов у жертвенного места на берегу оз. Минисейто. Фото Александра Калмыкова

Участники экспедиции впервые познакомились с ними во время экскурсии по долине реки Соби. Инородцы проживали в «собских юртах», где путешественники «застали промысел щуки и известных собских ершей, лов которых уже кончался. Щуки ловились преимущественно по 5–10 фунтов». Тут попеременно с ними жили ненцы и остяки (ханты и манси). «От Собских юрт ехали к западу через остяцкие чумы, несколько севернее долины Соби, в которую с севера впадают ряд ручьев с долинами в 40–70 сажень шириной». Житков назвал их «каменными», поскольку жившие тут ненцы издавна сами так именовали себя, оттого, что в прежние времена впервые появившиеся тут русские называли Урал «Камнем», и от них это название перешло к самоедам. Местность, где селились «каменные ненцы», была лесистая. «Из птиц замечены глухари, сойки и синицы. Олени в чумах, которые миновали, страдали от нападений волков. На второй день пути пересекли Соби, которая течет в каменистом ложе. На реке есть рыболовные заборы, — кроме ерша и щуки, ловят также налимов. Подняться в самый проход через Урал (перевал Соби-Елец) не удалось из-за сильного бурана. Низких проходов (образованных горными долинами) в верховьях Соби несколько; самоеды и зыряне с обозами с Печоры ездят не самым низким проходом, в котором много ручьев».

Во владениях кочевников

Вся жизнь самоедов вращается вокруг оленя. Он даёт им всё: шкуры для чумов и пошива одежды, мясо для еды, рога для изготовления различных поделок и рукоделия. Иначе говоря, олень — «центр ненецкой Вселенной».

Самоеды являются вечными кочевниками, многие столетия их уклад жизни почти не менялся.

► Вид на окрестные ландшафты вокруг Константинова Камня. Фото Олега Беляева

▼ У ненцев на зимних пастбищах. Фото Дмитрия Архипова

В феврале-марте они отправлялись от своих зимовий к летним пастбищам. Пастухи с оленьими стадами и чумами двигались по «хребту Ямала» (Хой) — возвышенному водоразделу Карского и Обского бассейнов, а достигнув северных районов Ямала, «на лето расходились веером на летние пастбища». Осенью по той же магистрали шла обратная миграция. Непременной фазой годичного цикла, покрывавшего до полутора тысяч километров, была зимняя ярмарка в Обдорске, на которой шла торговля пушниной, рыбой, оленьими в обмен на муку и прочие пищевые продукты, оружие, металлические и другие привозные изделия. Особым спросом

пользовалась «огненная вода» (водка и спирт).

Причины, по которым арктические инородцы совершали миграции и до сих пор соблюдают эти традиции, заключаются в том, что летом у берега ледовитого Карского моря прохладнее, меньше гнуса, продуктивные летние пастбища, и олени в более спокойной обстановке набирают вес и откармливают потомство; тут же меньше хищников (волков), чем в таёжной зоне. Самоеды часто называют эти районы летних пастбищ «оленьеводческим районом». Волки, хотя и нечасто, но преследуют оленьи стада, и «самоеды при нападении волков во все теряли стада, убежавшие на громадные расстояния. Поэтому сторожа с собаками,

▲ Стойбище ненцев-оленьеводов на летнем пастбище на Полярном Урале. Фото Максима Голубева

▲ Стойбище современных оленеводов в межгорной долине на Полярном Урале. Фото Евгения Алабушева

◀ Священное место Сэр-нго Ирико (Старик Ледяного острова, Хозяин Белого острова). Расположен на юго-восточном берегу острова Белый. Фото: Культура Ямала, 2017

чѐвок с одного пастбища на другое. Дерево — собьий «товар» у самоедов, они даже возили с собой дрова во время кочѐвок. По наблюдениям Житкова, «более крупные деревья иногда срубают на халмеры (ненецкие гробы особой формы) и слопцы (ловушки-давилки на песцов и куропаток)», а «поэтому лес во многих местах вырублен».

Правда, не всегда самоеды со своими стадами доходили до северных пределов таѐжных лесов в Восточном Предуралье и на Нижней Оби. Часть из них оставались на всю зиму в реликтовых островных лесах, где лиственницы и ели достигают по окружности обхвата взрослого человека и высотой до несколько метров.

«Каменная самоядь», её быт и хозяйственная деятельность вызывали у Б.М. Житкова большой интерес. На первое десятилетие XX века учёный оценивал их численность «в десяти родах до 700 ясячных душ и до 2000 душ наличных». На Ямале во владении самоедов находилось до 100 тыс. оленей, что говорит о местных жителях как о зажиточных людях. Но не все самоеды были такими богатыми. В действительности весь их потенциальный промысло-

вый ареал — от Полярного Урала до севера Ямала — был поделѐн на участки, принадлежащие определѐнным родам, и их границы строго соблюдались. Близ Уральских гор находились уголья в основном малооленных ненцев, в стадах которых поголовье животных не превышало 20–50 оленей. Тут же было и мало мест для рыбных и охотничьих промыслов. Но, с другой стороны, вблизи Уральских гор встречаются берѐзовые, лиственничные и еловые леса, а значит, в достатке дров и материалов для изготовления шестов и нарт.

Богатые самоеды, владевшие уже поголовьем более 1000 оленей каждый, имели «в собственности» наиболее продуктивные оленьи пастбища, находившиеся начиная с середины Ямала и тянувшиеся на север до морского побережья. Вдобавок вдоль всего побережья селились ненцы, занимавшиеся как оленеводством, так и промыслами морского зверя (как охотой на тюленей и белых медведей, так и рыбной ловлей омуля и речных рыб в устьях рек). По ямальским берегам жили также и безоленные самоедские семьи, которые существовали исключительно за сѐчёт морских и охотничьих промыслов.

Сейчас, как и раньше, владения отдельных родов и семей — оленьи пастбища и рыбные ловища — чѐтко разграничиваются. Часто в южной части ареала — у южных пределов Ямала — интересы каменных самоедов пересекались с таковыми соседних народов — остяков (хантов и мансѐй) и зы-

караулящие стадо, обыкновенно держатся ночью начеку в тех местах, где заметят их по следам или подозревают по условиям местности».

«Зимние» квартиры «каменных самоедов» находились близ северной границы таѐжных лесов и в лесотундре близ Полярного Урала. Тут благоприятные условия для зимовки оленей и самоедов — не так холодно, как в тундре, гарантированы запасы дров для очага и древесины, пригодной для изготовления нарт и шестов для чумов. За зимовку самоедам нужно поправить свои нарты, соорудить новые, вырубить шесты, которые понадобятся им для установки чумов, в которых семьи кочевников будут жить во время летних переко-

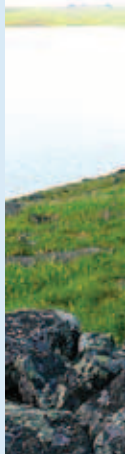

◀ Ненецкие подношения на жертвенном месте на берегу оз. Минисей. Фото Ришата Рахимова

▲ Вид на гору Минисей (Хада-пэ). Ненцы видят в этом силуэте образ своей богини Пэ-мал Хадако (Края гор старуха), едущей на нартах, или её трёхступенчатый чум. Фото Гаврилы Лапандера

рян (коми), их угодыя даже могли соседствовать рядом. В наше время в пределах межгорных долин, по берегам крупных озёр и в предгорьях можно встретить и хантов, и ненцев, и коми, хотя раньше всё это были угодыя «каменных самоедов».

Экзотика в жизни самоедов

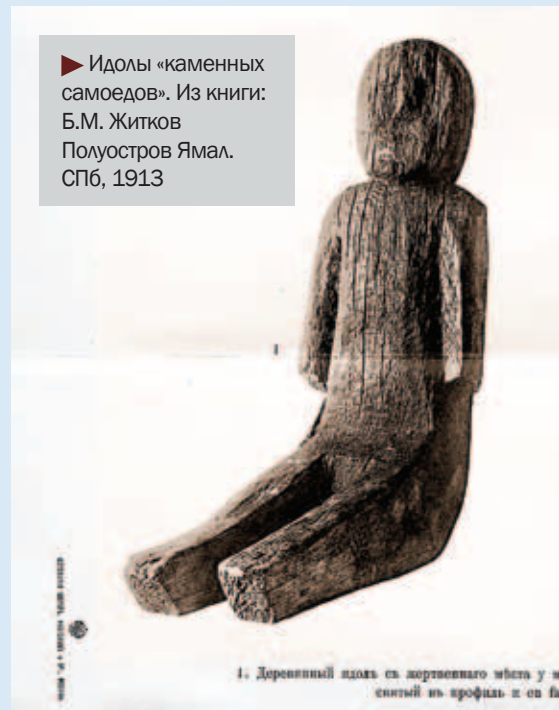
Религиозные представления каменных самоедов тянутся из глубины веков. По представлениям самоедов, у них существует целая система сакральных объектов — общественных, которым поклонялись и делали жертвоприношения все живущие в пределах ареала самоеды, и семейно-родовых, принадлежащих одному роду или семье. Вертикальная система мира в мифологии ненцев представлена тремя уровнями — Верхним, Средним и Нижним. Верхний мир — это небо, населенное богами, Средний — Земля, на которой живут люди и многочисленные духи, а Нижний мир располагается под землёй и населен злыми духами.

В ареале проживания «каменных самоедов» находятся два места «земного проживания» главных действующих лиц самоедской мифологии. Один из сыновей семьи самоедских богов Среднего мира (родители — Ходако, старуха-мать, и Вэсако, старик-отец), «поселился» на гряде Минисей — на горе Константинов Камень, второй — на полуострове Ямал, на западном берегу Обской губы.

Святыми местами, куда самоеды «поселяли» духов и богов, являлись самые значимые и хорошо заметные издали географические объекты — крупные возвышенности, крутые обрывы рек и озёр, мысы, островки леса. Около 70–90 лет назад таких мест в пределах ареала проживания самоедов было немало, но позже из-за освоения Ямала и вовлечения ненцев-оленьеводов в оленеводческие хозяйства многие сакральные объекты были утеряны.

Как могли выглядеть жертвенные места (сядеи и другие сакральные объекты)? В записях Б.М. Житкова подробно описаны священные места на севере полуострова. Вот, к примеру, одно из них: в 40 минутах езды на оленях от мыса Хаэн участники экспедиции Житкова «увидели в пологой складке тундры длинный ряд куч сядеав (сядеев), обложенных черепами жертвенных оленей, обвязанных обрывками шкур и сукна и занесенных снегом. Нас сопровождали жрец Лямби. <...> Яумальский шайтан, по выражению самоедов, живет в семи чумах. Это значит, что деревянные идолы (сядаи) сгруппированы в семь отдельных куч, стоящих вытянутым рядом в нескольких шагах на расстоянии одна от другой. Несколько идолов стоят <...> отдельно по одному и по два. Деревянные идолы здесь или обычного самоедского типа в виде коротких обрубков древесины ствола со стесанной наверху головой и грубыми насечками на месте глаз, носа и рта; или в виде длинных и тонких обтесанных палок, покрытых группами зарубок по семи в каждой группе.

► Идолы «каменных самоедов». Из книги: Б.М. Житков Полуостров Ямал. СПб, 1913

4. Деревянный идол с жертвенного места у мыса Хаэн. Фото Б.М. Житкова

Но кроме этих обыкновенных изображений тут находились также две или три фигуры человека, гораздо тщательнее вырезанные из дерева, и несколько деревянных изображений птиц (гагар), вполне похожих на те, которые в обиходе у енисейских остяков и тунгусов. В середину каждой кучи, как это обычно и на других жертвенных местах Ямала, вставлена сухая лиственница — священное дерево самоедов. Каждая куча сядеев считается местом поклонения отдельных родов самоедов, — око-

► Озеро Минисей, вид из Азии. Фото Александра Калмыкова

▲ Сакральный объект — священный камень на берегу оз. Минисей. Фото Ришата Рахимова

рили Житкову «несколько идолов, между ними также птицу и очень древнее <...> изображение сидящей человеческой фигуры, подобного которому я не видел никогда ни на одном самоедском жертвенном месте. Самоеды говорили, что эта фигура — баба и что она чрезвычайно полезна промышленникам на медведя.

<...> Здесь же, около шайтана, я выслушал с любопытством легенду о происхождении ямальского шайтана. <...> Очень много лет тому назад один из предков Уэногов (жреца Лямби Уэнога) охотился с другими самоедами на оленей. Он лежал в засаде на том месте, где мы сидим

жить святой предмет на определенное место. Поэтому на том месте, где была убита важенка, и стали ставить сядав». Вот откуда исходят религиозные представления каменных самоедов.

На севере Ямала, на берегу океана, имелось весьма оригинальное священное место у кочевников. «Около небольшой группы грубо сделанных сядавв нагромождена была громадная куча, состоявшая сплошь из черепов белых медведей. Только несколько голов диких оленей лежало сверху или надето было частью на священные палки с зарубками. Сверху лежали свежие черепа, в нижних рядах совершенно

Ханты Хаюнь (Хуналь-ха), 2 и 3. Изображение птицы и крылатого существа (уменьшено приблизительно в 4 раза).

ло одной приносят жертвы Яптики, у других — Окоэтита, Вануйты и т.д. Паломники по обету приезжают сюда иногда не только из отдаленнейших частей Ямала, но и из-за Урала. Птицы [на сакральных объектах], по объяснению бывших с нами самоедов, изображают крылатых духов и посвящены свету (дню)».

На одной из стоянок самоедов, с которыми у Житкова установились дружеские отношения, после подношения подарков иноверцам последние пода-

▲ Приготовление белого олененка для жертвоприношения на священном месте у оз. Минисей. Фото Александра Калмыкова

теперь, а другие самоеды гнали на него оленей. Впереди бежала белая важенка».

«Уэног пустил стрелу, которая убила важенку. Когда стали свежевать её, нож уперся в какой-то предмет, который лежал во внутренностях зверя. Оказалось, что предмет этот — небольшое металлическое кольцо с перекладинами, похожее несколько на пряжки, которые самоедки носят на поясах. Самоеды поняли тогда, что какой-нибудь дух превратился в оленя и дал себя убить, чтобы поло-

выветрившиеся. Вероятно, не одну сотню лет самоеды складывали здесь черепа самого ценного в промысловом отношении зверя во славу тадибеев (тадибей — жрецы и врачи у самоедов)». Тут небольшое отступление: белый олень всегда считался и до сих пор признаётся у самоедов священным.

Хотя самоеды «все числились христианами, однако <...> у многих <...> самоедов <...> при чуме стояла «шайтанская» нарта с маленькими домашними сядаями». А некоторые из них отчасти были «проводником к великому шайтану».

Интересно, что система сакральных объектов тянулась от самого Урала до северного берега Ямала и даже переходила на лежащий рядом остров Белый. Для кочевавших по тундровым просторам самоедов эти сакральные объекты служили прекрасными ориентирами, по которым они определяли своё местонахождение и границы между родовыми и семейными владениями. **УС**

◀ Сейчас это священное место у оз. Минисей используют и другие инородцы. Ханты. Фото Александра Калмыкова

▼ Группа пермских краеведов в Поросенковом лесу за 9 месяцев до обнаружения Л. Вохмяковым останков Алексея и Марии. Фото автора

Наследник

Алексей Николаевич Романов История болезни и гибель в Екатеринбурге

Екатеринбург и Урал тесно связаны с убийством царской семьи. Эта «романовская» тема притягивает взор к столице Урала. Известно, что наследник страдал заболеванием крови с частыми кровотечениями. По поводу его болезни существует много противоречивых суждений.

Существует мнение, что заболевание цесаревича не было тяжелым и по состоянию здоровья он вполне мог править Россией, другие уверены в обратном. Более 40 лет я изучаю историю болезни Алексея Николаевича Романова, работая в архивах, собирая и анализируя медицинские и исторические источники.

Супруга Николая II Александра Федоровна вначале родила дочерей Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Однако по закону о престолонаследии в России право на престол имели лишь лица мужского пола. Наконец, 30 июля (по старому стилю) 1904 года произошло долгожданное и радостное событие — рождение наследника. Младенец, нареченный Алексеем, был необычайно крупным (масса 4660 г, длина 58 см, окружность головы 38 см). Ребенок был очень красив — прекрасные светлые локоны, большие серо-синие глаза, нежно-розовый цвет лица, пухленькие щечки.

Но радость от рождения мальчика была короткой, уступив место горечи, тревоге и страху, поселившихся

в родителях. На 40-й день, 8 сентября 1904 года, из пупочной ранки (области культи пуповины) началось достаточно сильное кровотечение, которое никак не останавливалось. На проведенном консилиуме профессор С.П. Федоров вынес вердикт: мальчик страдает гемофилией [греч. *haima* кровь + *phileo* люблю]. Под гемофилией в медицине понимают самопроизвольную или возникающую после незначительного повреждения сосуда кровоточивость, причиной которой является нарушение механизмов свертывания крови.

Гемофилия А, которой страдал Алексей, — наследственное нарушение свертывания крови, обусловленное генетическим дефицитом или молекулярной аномалией прокоагулянта фактора VIII свертывания крови. Это нарушение связано с рецессивным, сцепленным с полом (X-хромосомой) типом наследования. Локализующийся в X-хромосоме ген гемофилии передается от больного гемофилией всем его дочерям, в связи с чем они неизбежно становятся передатчицами (кондукторами) заболевания. Однако

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

Михаил Давидов

Родился в 1954 г. в Пермском крае. Врач, историк и краевед. Доцент Пермского медицинского университета им.акад. Е.А. Вагнера, автор более 650 опубликованных научных и научно-популярных статей и 10 книг. Публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Наука и жизнь», «Москва», «Урал» и других. Член Союза писателей России.

► Бывший император России и Алексей Николаевич за распилкой дров в Тобольске. 1918 г.

◀ Наследник престола А.Н. Романов в детстве. Видны деформация и атрофия ножек вследствие гемофилии

▶ Личный доктор Алексея В.Н. Деревенко (стоит спиной) накладывает лечебную грязь на ножки цесаревича. Слева — боцман А.Е. Деревенко, в центре — доктор-терапевт Е.С. Боткин

◀ Николай II с новорожденным сыном Алексеем, 1904 год

женщины — передатчицы заболевания — сами кровоточностью не страдают. Болеют только мужчины. Они получают патологический ген от своих матерей.

Виновицей распространения гемофилии по царствующим династиям Европы нужно считать английскую королеву Викторию (бабушку Алексан-

дры Федоровны), у которой, вероятно, произошла генная мутация. Витория передала свой патологический ген гемофилии в царствующие династии Испании, России и Пруссии через своих дочерей, а ее сын Леопольд страдал тяжелой гемофилией, от которой умер в возрасте 31 года. Ее дочь Алиса вышла замуж за Людвига Гессенского и ро-

дила сына, который в трехлетнем возрасте умер от гемофилии. Дочь Алисы Английской, гессенская принцесса Алиса-Виктория (Александра Федоровна) вышла замуж за русского императора Николая II и стала матерью цесаревича Алексея, тяжело страдающего гемофилией с раннего детства. От гемофилии умерли дядя, брат и два племянника Александры Федоровны.

Клиническое течение заболевания у Алексея Николаевича имело типичные симптомы гемофилии А с преобладанием кровоизлияний в крупные суставы рук и ног (локтевые и коленные), образованием глубоких подкожных и мышечных гематом, обильными и длительными кровотечениями при легких ссадинах, порезах и ушибах, носовыми, желудочно-кишечными и почечными кровотечениями. Гематома — это скопление крови в тканях после повреждения кровеносного сосуда.

Первый серьезный кризис заболевания развился осенью 1912 года при пребывании императорской семьи в польском местечке Спала. Восемилетний цесаревич, причаливая лодку, сделал резкое движение ногой, после чего у него открылось кровотечение в паху с последующим образованием массивной гематомы в толще подвздошно-поясничной мышцы, в нижней части живота и на бедре. Огромные кровяные опухоли деформировали нижнюю конечность, нога мальчика заняла вынужденное положение, изгибаясь так, что коленом почти приближалась к животу и груди. Образовавшаяся гигантская гематома давила на нервы, вызывая неподвижность ноги и сильные боли. Периодически мальчик так

▼ Восьмилетний Алексей Николаевич Романов во время первого кризиса гемофилии с матерью. Местечко Спала, 1912 год

кричал от них, что родители закрывали уши ладонями. Страдалец почти не спал, у него уже не было сил плакать, он все время стонал и повторял, чтобы Господь сжалился над ним.

Кровотечение постепенно остановилось, но более полугодом наследник был прикован к постели, а ходить смог только через год. В последующем такие кризисы болезни с образованием гематом в различных участках тела, рук и ног повторялись несколько раз.

Во время обострений болезни прогулки и выходы цесаревича представляли собой грустную картину. Его обычно носил на руках приставленный к нему «дядька» — боцман А.Е. Деревенько, а на парадах и военных построениях мимо рядов пронесил самый сильный казак.

Особенно беспокоили мальчика внутрисуставные гематомы, преимущественно локтевых и коленных суставов. Кровь туго заполняла полость сустава цесаревича, вызывая сильные боли в колене или локте, нарушения функции ноги или руки, которые деформировались и изгибались в вынужденном положении. Мальчик не мог ходить, согнуть руку в локте или двигать ею. Попадая в сустав, кровь разрушала кости и сухожилия, конечности каменели в неподвижном положении.

Сильнейшее носовое кровотечение, едва не приведшее к смерти, развилось у Алексея в декабре 1915 года, когда он вместе с Николаем II находился в ставке в Могилеве. Цесаревича срочно повезли в Царское Село, в сопровождении

Николая II и докторов С.П. Федорова и В.Н. Деревенко. Дважды от кровопотери Алексей терял сознание. Всю ночь в вагоне доктора останавливали кровотечение, тампонируя носовые ходы. Лишь в 6 часов утра кровотечение было остановлено. Жизнь наследника едва удалось спасти.

С октября 1912 года личным врачом Алексея являлся замечательный врач, доктор медицины Владимир Николаевич Деревенко. В необходимых случаях Деревенко приглашал для консультации профессора С.П. Федорова. В уходе за пациентом иногда участвовали терапевт Е.С. Боткин (личный врач императрицы) и лейб-педиатр К.А. Раухфус. В редчайших случаях психотерапию молитвами (мальчика, матери и отца) осуществлял Григорий Распутин-Новых; кровотечение не останавливалось, но настроение всех трех страдающих резко улучшалось, что создало лженаучный миф об этом «целителе».

У докторов была труднейшая задача, ибо в 1904–1918 гг., когда жил Алексей Николаевич, гемофилия была малоизученным и совершенно неизлечимым заболеванием. Поскольку наукой еще не были разработаны переливание крови и внутривенное капельное введение препаратов крови, содержащих недостающий VIII фактор свертывания, остановить разившееся кровотечение было невероятно трудно. В начале XX века только 12% больных гемофилией достигали зрелого возрас-

та, остальные погибли от кровотечений в детстве!

Через 5 месяцев после отречения Николая Романова, в августе 1917 года, всю семью его отправили в ссылку в Тобольск. В царскую свиту вошли доктор Е.С. Боткин (лейб-медик семьи, терапевт) и В.Н. Деревенко (лейб-хирург и личный врач Алексея Николаевича).

Историки пишут о «благополучной для здоровья наследника тобольской зиме», основываясь лишь на фотографии, где он с отцом пилит дрова. Работая в архивах, я отыскал свидетельства о следующих заболеваниях Алексея с августа 1917 по март 1918 г. в Тобольске: боли в руке и ухе, от которых он даже плакал (гематомы в конечности и отит — воспаление среднего уха; август), простуда, насморк (август), сильный кашель (вся осень), множественные прыщи по всему телу — стрептодермия (декабрь), краснуха (январь), коклюш (март).

В письме князя В.А. Долгорукова сообщается, что всю тобольскую зиму «у маленького Алексея время от времени болела нога». Боли были следствием небольших кровотечений в мышцы и суставы конечности. Однако Алексей не жаловался, терпеливо переносил боли. О мужестве цесаревича свидетельствует его беседа с учительницей К.М. Битнер в Тобольске.

— Алексей Николаевич, у Вас нога болит? — спрашивала учительница, видя, что он начинает во время урока отставлять ногу в сторону.

— Нет, не болит.

— Да ведь я же вижу!

— Вы всегда видите, что болит, а она не болит.

«Так и не скажет, а нога действительно разбалывается. Ему хотелось быть здоровым, и он надеялся на это». Бывало, спросит у учительницы:

— А как Вы думаете, пройдет это у меня?

Страдания, обусловленные гемофилией, выработали у наследника прекрасный характер. Георгий Шавельский вспоминал: «Благодаря необыкновенной простоте и сердечности Алексея Николаевича привлекал к себе все сердца как своей внешней, так и духовной красотой; его ясный, открытый взгляд, решительность, приятный звонкий голос вызывали у всех, его видевших, чувство глубочайшей симпатии».

► Дом генерал-губернатора в Тобольске, где с августа 1917 года по апрель 1918 года содержалась семья последнего российского Императора. Ныне музей царской семьи

Из дневников цесаревича следует, что он 20 января 1918 г., катаясь с горки, ушиб щиколотку правой ноги, после чего долго хромал и плохо спал из-за болей в ноге; 9 февраля ушиб уже левую ногу в щиколотке; 20 февраля так ушиб палец на правой ноге, что несколько дней не мог надеть сапог. Травмы возникали не вследствие чрезмерной подвижности мальчика, а в результате повышенной ломкости сосудов — малейших касаний было достаточно для разрыва сосудистой стенки и истечения крови в окружающие ткани. Лечил мальчика доктор В. Н. Деревенко — вводил кровоостанавливающие средства, накладывал компрессы, проводил сеансы физиотерапии специальным аппаратом «электризации».

Условия содержания царской семьи в Тобольске были довольно сносными: они жили в бывшем доме губернатора, относительно хорошо питались. Утром или в течение дня Николай Александрович и дети совершали прогулку в особо отведенном огороженном месте. Государь пилил и колол дрова, дети помогали ему, сгребали снег, катались на ледяной горке, играли. Товарищем детских игр цесаревича был Коля Деревенко, сын доктора. Ежедневно дети, включая Алексея, обучались. Алексей Николаевич занимался с учителями по 11 предметам. Устраивались детские спектакли на английском и французском языках. Алексей Николаевич с привязанной бородой, старавшийся говорить басом, «был необычайно мил». Он любил общаться с охранниками, дружески разговаривая и играя с ними в шашки.

30 марта 1918 года в Тобольске у Алексея наступило тяжелейшее обо-

стрение гемофилии. У 13-летнего подростка возникли двухсторонние гемартрозы* коленных суставов и обширная гематома в паховой области (гемартроз — это излияние крови в полость сустава).

Дочь доктора Боткина, Татьяна, вспоминала: «Вдруг слег Алексей Николаевич... Он опять очень страдал, у него появилось то же внутреннее кровоизлияние... Страшно живой, он устраивал бурные игры. Одна из них — катанье вниз по ступенькам лестницы, другая — импровизированные качели из бревна. Не знаю, во время которой из них, но Алексей Николаевич ушибся и опять слег». В действительности травма была минимальной, так как мальчик даже не мог вспомнить время и эпизод ушиба.

В течение первой недели обострения болезни несчастного пациента беспокоили боли в коленных суставах и менее сильные — в паховой области, где сформировалась огромная кровяная опухоль. Рассасывалась она медленно. Камердинер А. Волков вспоминал: «Алексей Николаевич страдал гораздо сильнее, чем в Спале. Тогда у него отнялась одна нога, а сейчас у него отнялись обе ноги, и он ужасно страдал, плакал, кричал, все звал к себе мать».

Мальчик был прикован к постели все оставшиеся месяцы жизни. Он плохо спал из-за болей и повышения температуры, отмечались снижение аппетита, значительное похудание, кожа на теле стала прозрачно-бледной.

Состояние мальчика, несмотря на лечение, нисколько не улучшалось, в связи с чем Алексея вынуждены были задержать в Тобольске при переводе родителей в Екатеринбург. Только через месяц он смог присоединить-

Его Императорское Высочайшее Величество АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

ся к ним, перевезенный «полубольным», в период улучшения с одной стороны и сохранения гематомы и гемартроза на другой конечности. Баронесса С. Буксгевден вспоминала, что в Тюмени от пристани к поезду «цесаревича несли на руках, идти он не мог».

23 мая 1918 года Алексей вместе с сестрами Ольгой, Татьяной и Анастасией был доставлен в Екатеринбург в Ипатьевский дом, где провел последние 55 дней своей жизни.

В Екатеринбурге гемофилия еще более обострилась. В первый же день пребывания в Ипатьевском доме мальчик слегка ушиб больное колено и всю ночь сильно страдал. Он окончательно ляжет и уже не встанет с постели до последнего дня своей жизни.

Чекисты решили, что царской семье одного доктора будет недостаточно. Однако Е. С. Боткин был терапевтом и не имел достаточного опыта по лечению гемофилии. Личного врача Алексея, специалиста по хирургии и гемофилии В. Н. Деревенко, в Ипатьевский дом не поместили. Владимир Николаевич снял квартиру, где проживал вместе с большой матерью, женой и 13-летним сыном Колей, и был вынужден заниматься частной практикой, чтобы иметь средства на пропитание. Однако царскую семью он не бросил в эти тяжелые дни. Он ежедневно приходил в Ипатьевский дом с медикаментами и продолжал лечить Алексея. К сожалению, в отдельные дни охранники не пропу-

скаки его в дом к больному. В последующем В.Н. Деревенко заведовал хирургическим лазаретом Екатеринбургa, кафедрой хирургии в Перми и оставил заметный след в истории отечественной хирургии. (см. Давидов М.И. Доктор В.Н. Деревенко // Москва. 2016).

Для уменьшения болей в коленном суставе доктор Деревенко наложил мальчику шину, а затем гипсовую повязку. Но после снятия гипса мальчик все равно не смог ходить. Колено не разгibasлось в суставе.

К тому же, согласно дневнику Александры Федоровны, с 8 июня вследствие кровоизлияния в локтевой сустав, «его левая рука опять опухла». Мальчик целыми днями лежал в угловой комнате Ипатьевского дома, где был помещен вместе с матерью и отцом, и никак не мог поправиться. Питание арестованных было скудным.

Допрошенный впоследствии охранник Якимов показал: *«Наследник был все время болен». Священник Иоанн Сторожев, служивший в Ипатьевском доме обедницу, свидетельствовал: «Алексей Николаевич лежал в постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ. В общем вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные».*

Бывший император Николай Александрович иногда на руках выносил больного на свежий воздух в сад, где тот сидел в коляске. Разогнуть ногу в колене мальчик не мог — развился анкилоз (неподвижность) коленного сустава. Практически наступила инвалидность.

Обращение с семьей становилось все более и более жестоким. Но больной наследник и его сестры мужественно относились к новым условиям жизни, на жестокость и оскорбления семья отвечала кротостью и терпением. Сила духа Алексея Николаевича была паразитической.

Доктор Е.С. Боткин обратился за помощью в Областной исполком, написав: «Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов... и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь мальчик невыразимо страдает». Член облисполкома И. Мейер вспоминал: «Мы увидели наследника. Он лежал на кровати, правое колено было в толстой повязке. У ног стоял доктор Боткин. Прозвучал его голос: «Ребенок должен быть определен в больницу. Я больше не имею лекарств и перевязочного материала. Будьте гуманны хотя бы к детям!» Боткину ответили: «Доктор, сын бывшего императора неизлечим. И вы знаете это лучше, чем мы».

Общее состояние здоровья мальчика было настолько тяжелым, что при тех условиях содержания, какие были в Ипатьевском доме, Алексей мог прожить не более полутора. Впрочем, и в столице или странах Европы он вследствие гемофилии — смертельно опасного в то время заболевания, едва бы дожил до совершеннолетия. И в этом, прежде всего, виновата гессенская принцесса Алиса-Виктория, внесшая в царскую династию Романовых «ген вырождения».

Однако в дело вмешалась пресловутая «революционная необходимость», связанная с приближением к Екатеринбургy Белой армии Колчака. Наступила роковая ночь 17 июля 1918 года. Отец на руках снес своего больного сына-инвалида в подвальную комнату Ипатьевского дома, где тот, несмотря на крайне болезненное состояние, был беспощадно расстрелян вместе с другими членами императорской семьи — отцом, матерью, четырьмя сестрами. В неизлечимо больного мальчика было выпущено несколько пуль. Но он был еще жив, стонал и шевелился. Тогда Я.М. Юровский подошел и дострелил его двумя выстрелами в голову. Не пощади-

▲ Татьяна Николаевна везет на санях в Тобольске брата Алексея (в этот период он плохо ходил из-за ушибов и гематом). Фото 1918 года

ли чекисты и доктора Боткина, который был расстрелян вместе с тремя царскими слугами. Никакой «революционной необходимости» в расстреле Алексея Николаевича не было. Он был неизлечимо болен, имел признаки инвалидности, находился в тяжелом состоянии, и месяцы жизни несчастного 13-летнего подростка уже были сочтены.

В ночь на 19 июля 1918 г. истощенное бездыханное тело несчастного мальчика-гемофилика командой Юровского было изрублено на куски и частично сожжено, а костные фрагменты зарыты в шести десятках метров от основного захоронения останков царской семьи в Поросенковом логу в окрестностях Екатеринбургa. В 2007 году останки Алексея, а также его сестры, великой княжны Марии, были обнаружены, а в дальнейшем идентифицированы независимыми экспертами России, США и Австрии. Вскоре на этом святом для россиян месте в лесу возле Екатеринбургa был установлен Памятный крест, вызывающий чувства скорби и сострадания к безвинно убиенному мученику Алексею Николаевичу. 📄

◀ Дом Ипатьева в Екатеринбургe. На втором этаже (два окна влево и вправо от угла) содержали Алексея с отцом и матерью

Юные экологи в Лестехе

И вновь в корпусах университета звучит детский смех и наблюдается активное перемещение школьников — проходит очередное мероприятие с участием юных исследователей-экологов Свердловской области.

21 мая 2022 года в ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет» (далее УГЛТУ) в городе Екатеринбурге прошел очный этап областного проекта «Экологический форум». Организаторами форума выступили ГАУДО СО «Дворец молодежи» и Центр развития школьных лесничеств Урала УГЛТУ.

Открытие форума проходит в одной из учебных аудиторий университета. С приветствием от УГЛТУ выступает проректор по образовательной деятельности Безгина Ю.Н. От Дворца молодежи форум приветствует начальник профильного отдела Шинкаренко И.Н.

Целями проведения мероприятия явились оценка существующего уровня, координация направлений деятельности и методическое обеспечение исследований юных экологов.

Участниками форума явились 73 учащихся 7-11 классов школ г. Екатеринбурга и Свердловской области. Им были представлены результаты исследований в 4 секциях: секция экологии растений и животных; секция экологии человека; секция экологии промышленности; секция «экологическая тропа и экологический туризм».

Отдельной номинацией прошел конкурс социальных видеороликов «Экология твоими глазами».

Форум прошел в два этапа:

— заочный, где представленные работы были рассмотрены профильными специалистами и преподавателями УГЛТУ. Лучшие работы были рекомендованы к представлению на очный этап;

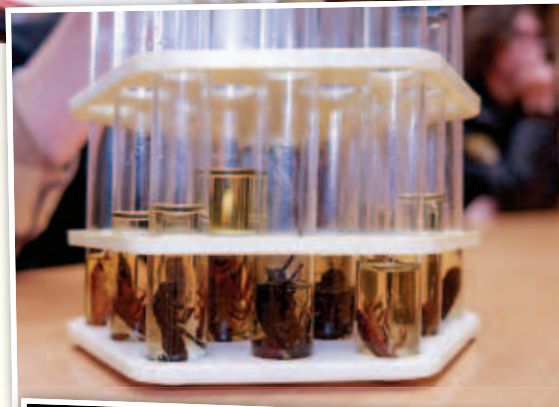
— очный, авторы рекомендованных к очному этапу работ представляли результаты своих исследований экспертным комиссиям из числа профильных специалистов и преподавателей УГЛТУ.

Лучшие работы были отмечены дипломами и грамотами, дающими авторам право на получение дополнительных баллов при поступлении в УГЛТУ.

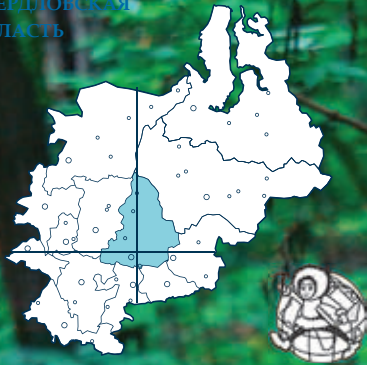
По итогам форума принято решение об укреплении сотрудничества при проведении исследований юных экологов Дворца молодежи и УГЛТУ.

После представления своих работ участники форума получили возможность познакомиться с университетом, увидеть своими глазами и даже потрогать руками демонстрационные гербарии и коллекции, лабораторное оборудование и многое другое...

Расставались участники форума с желанием продолжить свои исследования с учетом рекомендаций специалистов университета и намерением встретиться на форуме в следующем году. **✎**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Мария Порозова-Дущак**

Журналист, педагог, детский фитнес-инструктор, создатель и идейный вдохновитель сети детских фитнес-клубов г. Екатеринбург, Тюмени и Перми. Автор научной работы по детскому фитнесу и развитию физических качеств детей в условиях современного дефицита двигательной активности. Мама двоих детей.

Фото автора

На вырост не брать!

Детский велоспорт

Все знают, что физические нагрузки полезны. Не нужно объяснять про выносливость организма, укрепление здоровья, повышение уровня иммунитета и так далее.

Если мы говорим о ребёнке, то здесь дополнительно включается ещё механизм воспитательный. Всё дело в том, что основные привычки и предпочтения, а также основы образа жизни и взгляды на окружающий мир формируются с ранних лет. Так вот, занятия спортом в детстве способствуют тому, что в будущем ребёнок полюбит двигаться и вести активный образ жизни и во взрослой жизни он вряд ли станет пассивным — будет стараться идти к цели и добиваться её. Этому и учит детей спорт.

Какой бы спорт вы ни выбрали для своего малыша — уверена, это пойдёт ему на пользу.

Но сегодня я расскажу о невероятных преимуществах велоспорта.

Занятия велоспортом положительно влияют не только на физическое, но и на эмоциональное состояние организма. Вспомните своё детство, когда летом в деревне (или в городе), с горки на велике, ветер в лицо, рядом друзья, драйв и приключения. Захватывало нас, захватывало и наших детей, по тем же самым причинам: свежий воздух, динамика, перемена мест, общение с друзьями или семьёй.

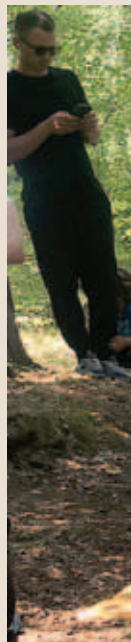
Никогда не рано!

Ваш ребёнок ещё слишком мал, чтобы самостоятельно крутить педали?

Вам не следует ждать! Прикрепите детский багажник к велосипеду, ремешки для ребенка и регулярно катайтесь с ним. Если хотите, чтобы дети не боялись ездить на велосипеде, необходимо показывать им пример. Когда дети становятся более спокойными, а тела становятся более развитыми, чтобы справиться с физической активностью, они пересаживаются на детские велосипеды, которые предлагают большую степень независимости. Самодостаточность является отличным мотиватором для большинства детей.

И самое главное в этом занятии — ваш ребёнок путешествует вместе с вами. Именно вы показываете ему окружающий мир, открываете новые тайны, истории, загадки. И, если хотите, закладываете базу для долгосрочных доверительных отношений.

То же самое, кстати, касается и тех детей, которые уже освоили «железного» коня и катаются самостоятельно. Рискните отправиться в небольшое приключение вдоль озера или по парку вместе с сыном или дочкой, захватив с собой бутерброды и термос с чаем,

и мало того, что вы увидите, насколько ближе вы стали друг другу, так ещё это маленькое приключение станет ярким воспоминанием, которое будет наполнять теплом и светом жизнь ваших детей долгие годы.

Поручить самому

Когда же уже можно «дать поручить» самому? Такой возраст наступает примерно в 3–4 года, и самым главным критерием того, что ребёнок готов попробовать, будет то, что он может понять вас и чётко выполнить полученную инструкцию. В таком случае, всё, что вы объясняете и показываете, маленький человек сможет повторить.

Чаще всего принято начинать обучение езде с четырехколёсных велосипедов. Вся задача такого велосипеда — придать детям уверенности, чтобы они смогли начать езду по собственному желанию. После того, как появится доверие, нужно убрать тренировочные колёса.

Когда моя младшая дочь начала обучаться езде на велосипеде, тренер рассказала мне несколько секретов. Оказывается, велотренеры не очень поддерживают идею с тренировочными колёсами, потому что именно эти маленькие колёсики мешают ребёнку почувствовать баланс. Искусство катания на велосипеде — это гораздо больше, чем просто сесть и крутить педали. Построение координации ребёнка через катание может помочь с двигательным навыком равновесия, стимулировать реакцию и ум, развить ориентацию в пространстве и гораздо качественнее укрепить мышцы плечевого пояса и спины. Конечно, это не панацея от всех болезней, но при велосипедной посадке нагрузка на позвоночник уменьшается и у межпозвоночных дисков появляется возможность для правильного развития. Кроме того, укрепление всего мышечного корсета спи-

ны и пресса позволяет в дальнейшем контролировать положение позвоночника и поддерживать его в правильном состоянии, исключая искривления. В современных условиях жизни с гаджетами проблемы с осанкой возникают у каждого второго ребёнка.

Поэтому так важно как можно быстрее отказаться от тренировочных колёс или вовсе к ним не прибегать.

Точный размер

Как только ребенок будет готов к собственному двухколесному велосипеду, убедитесь, что избежали распространенной ошибки при покупке велосипеда, выбирая его «на вырост».

Может пройти пару лет, пока велосипед подойдет по размеру. Необходимо помнить, что детские велосипеды измеряются по размеру колеса (не размеру рамы). Наиболее распространенные размеры — 16, 20 и 24 дюйма.

Подходящий размер — ребенок может с комфортом ездить на велосипеде и стоять ногами на земле.

Особо подчеркну, что, покупая велосипед, сразу приобретайте комплект защиты. Безопасность превыше всего. Шлем, защищающий голову юного спортсмена, уберезет его от серьезных травм при падении, наколенники — от сбитых коленей, а налокотники — от травм локтей.

Ещё один неоспоримый плюс вождения велосипеда — это серьезное подспорье для будущего водителя автомобиля. Когда-нибудь ваш малыш вырастет и сядет за руль. Да-да, это случится (пусть даже ещё не скоро). Но уверенное управление велосипедом, знание правил безопасности, поведения на дороге, хорошая ориентация в пространстве на скорости, планирование маршрута — всё это база, которая пригодится начинающему автолюбителю.

Обязательно объясняйте ребёнку, как двигаться во дворе, как переходить дорогу и вести себя с пешеходами, как быть вежливым с другими велосипедистами — это очень полезные навыки, способные выручить в жизни.

У велоспорта есть и ещё масса неоспоримых плюсов, таких как тренировка сердечно-сосудистой системы, правильное и здоровое дыхание (а, значит, прекрасно работающие лёгкие), постоянные упражнения для мышц глаз, ведь ребёнок вынужден постоянно менять фокус от близко расположенных предметов к дальним, и, как следствие, профилактика ухудшения зрения. Также решается такая проблема, как плоскостопие. Именно по этой причине я и отдала младшую дочь в велоспорт. За одно лето ей вместе с тренером удалось полностью устранить проблему. Ведь постоянная работа стопы на педалях мягко, но систематично укрепляет мышцы стопы.

И, помимо всего прочего, этот спорт подарит новых друзей, ежедневные приключения и откроет мир, наполненный интересом.

Медицинские противопоказания

Велоспорт благоприятно воздействует на растущий организм: развивает сердечно-сосудистую и дыхательную системы, опорно-двигательный аппарат и ускоряет обмен веществ. Однако положительное влияние может быть сведено к минимуму, если у ребенка есть следующие проблемы здоровья:

- бронхиальная астма;
- болезни позвоночника;
- ортопедические проблемы;
- болезни сердца и сосудов;
- болезни мозжечка.

Поэтому, прежде чем отдать ребенка в велоспорт, проконсультируйтесь с педиатром. **УС**

Вишера

▲ Плес полноводной реки

Эта северная река долгое время завораживала меня одним своим именем. Овеянная старинными легендами и литературными произведениями, она манила меня алмазными россыпями и горными вершинами, как бы манила рыбака тайменем и самой большой популяцией европейского хариуса.

И вот однажды я все-таки собрался и отправился на самую легендарную реку Пермского края, соединившую самую первую Сибирь и Европу, пережившую золотую лихорадку и набеги сибирских кочевников, принудительное крещение вогулов и ГУЛаг — все это осталось в памяти Вишеры.

Река оказалась значительно крупнее, чем мне представлялось. Спокойная и неторопливая, она берет свое начало высоко в горах Северного Урала, на границе трех водоразделов великих русских рек: Оби, Печоры и Волги, к последней и стремится наша красавица. Почти на всем своем протяже-

нии подчеркивая свое горное происхождение то высокими скалами, то крупными надводными камнями, разбивая зеркала своих заводей. Иногда большие острова перегораживают почти все русло, образуя большие плеса и оставляя неширокие протоки по краям.

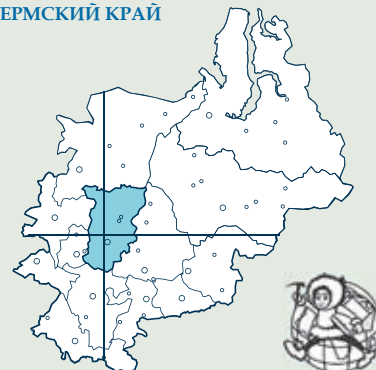
Несмотря на конец лета, ночи оказались по-северному светлы, но погода теплом нас не баловала, демонстрируя свою суровость. Тяжелая облачность иногда ложилась на вершины прибрежных гор, которые с каждым пройденным километром становились все ниже и ниже, а иногда и совсем терялись из виду.

Николай Плотников

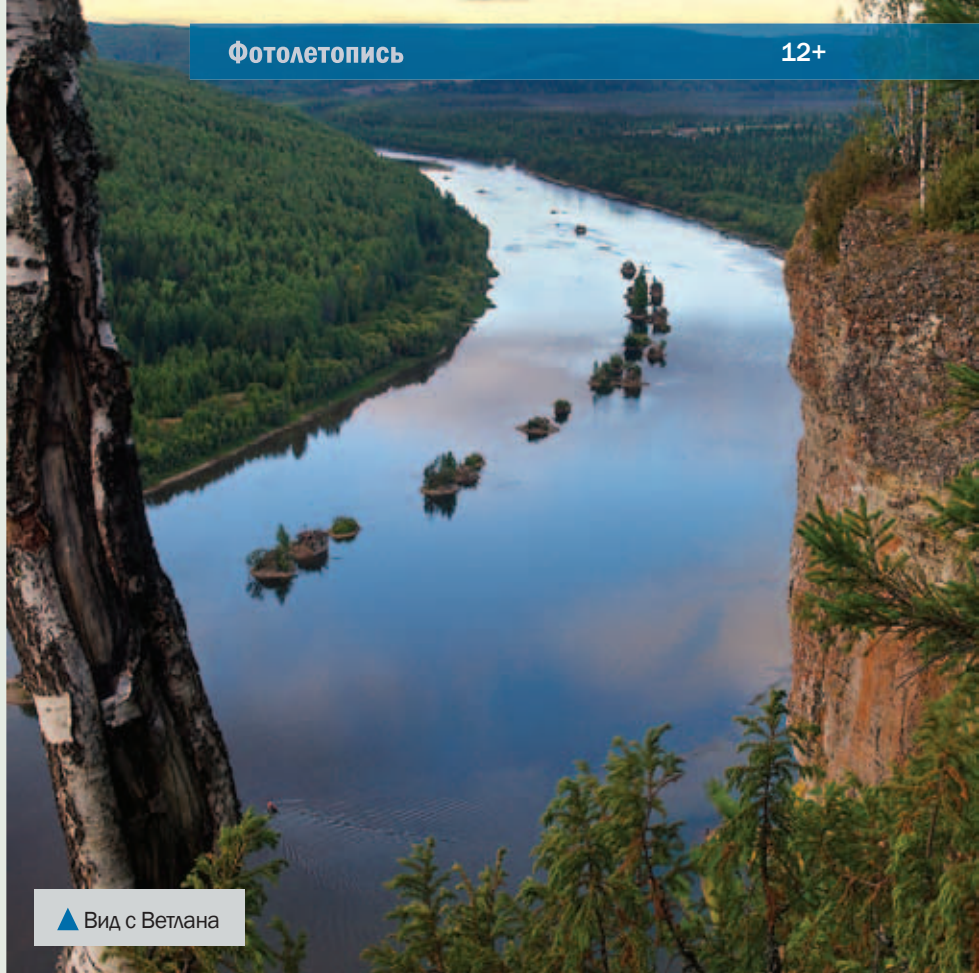
Проживает в городе Лысьва Пермского края, по специальности строитель. Является членом Русского географического общества и членом Союза фотографов дикой природы России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

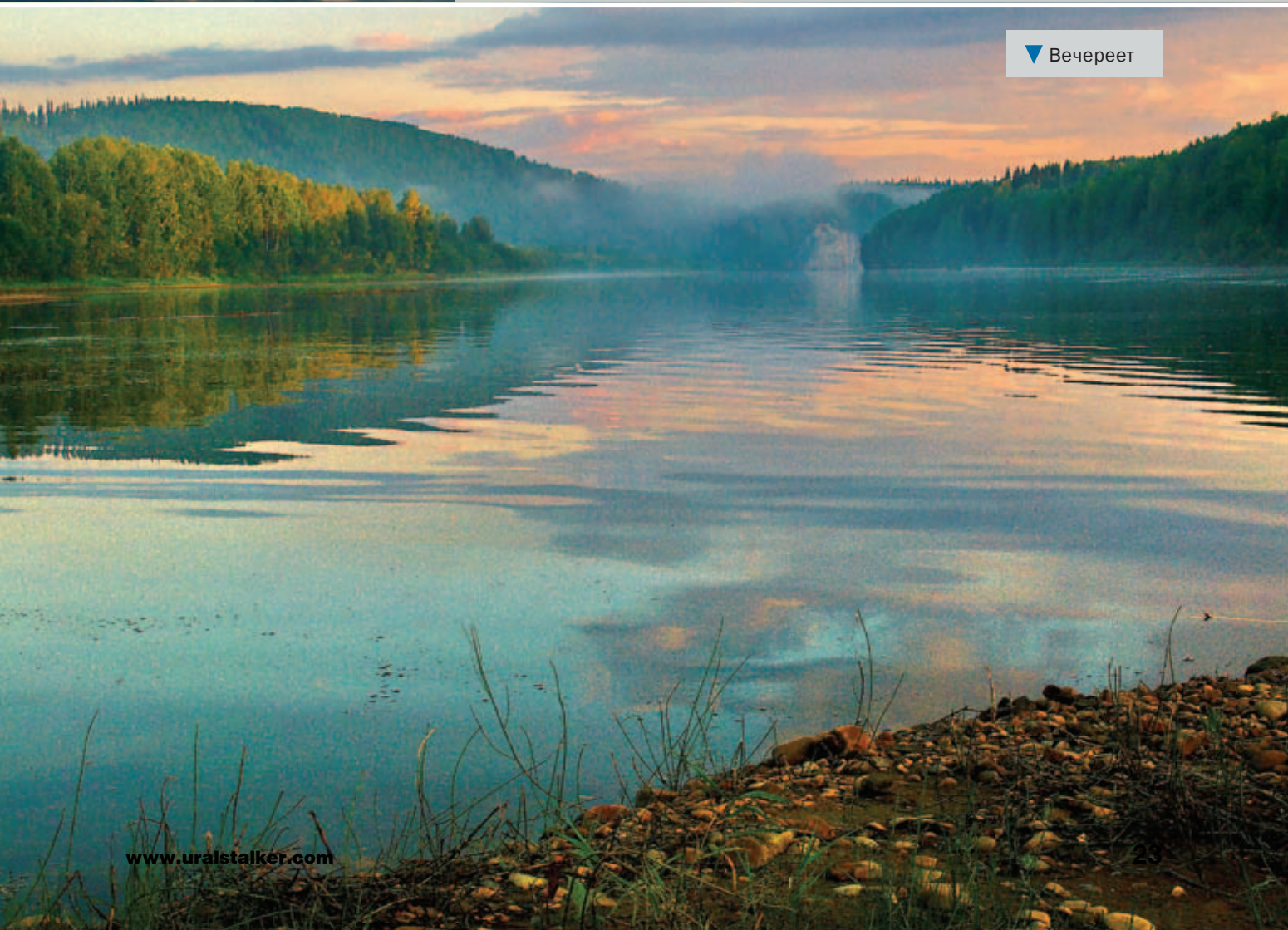

Уральский следопыт, июль 2022

▲ Вид с Ветлана

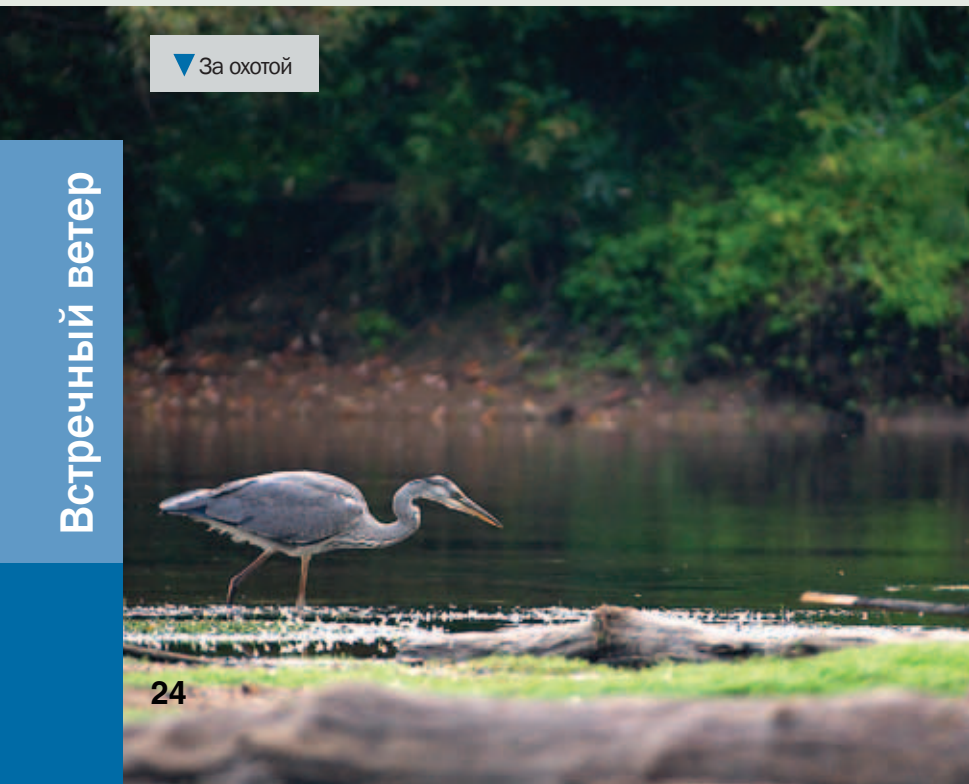
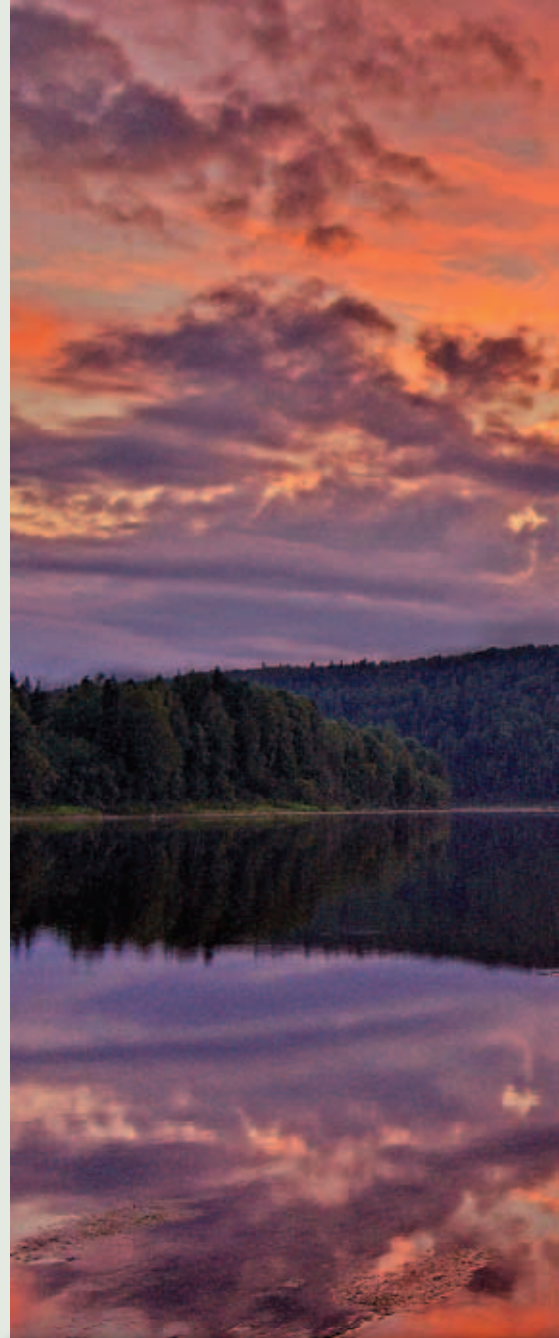

▼ Вечерет

▲ Камень Столбы

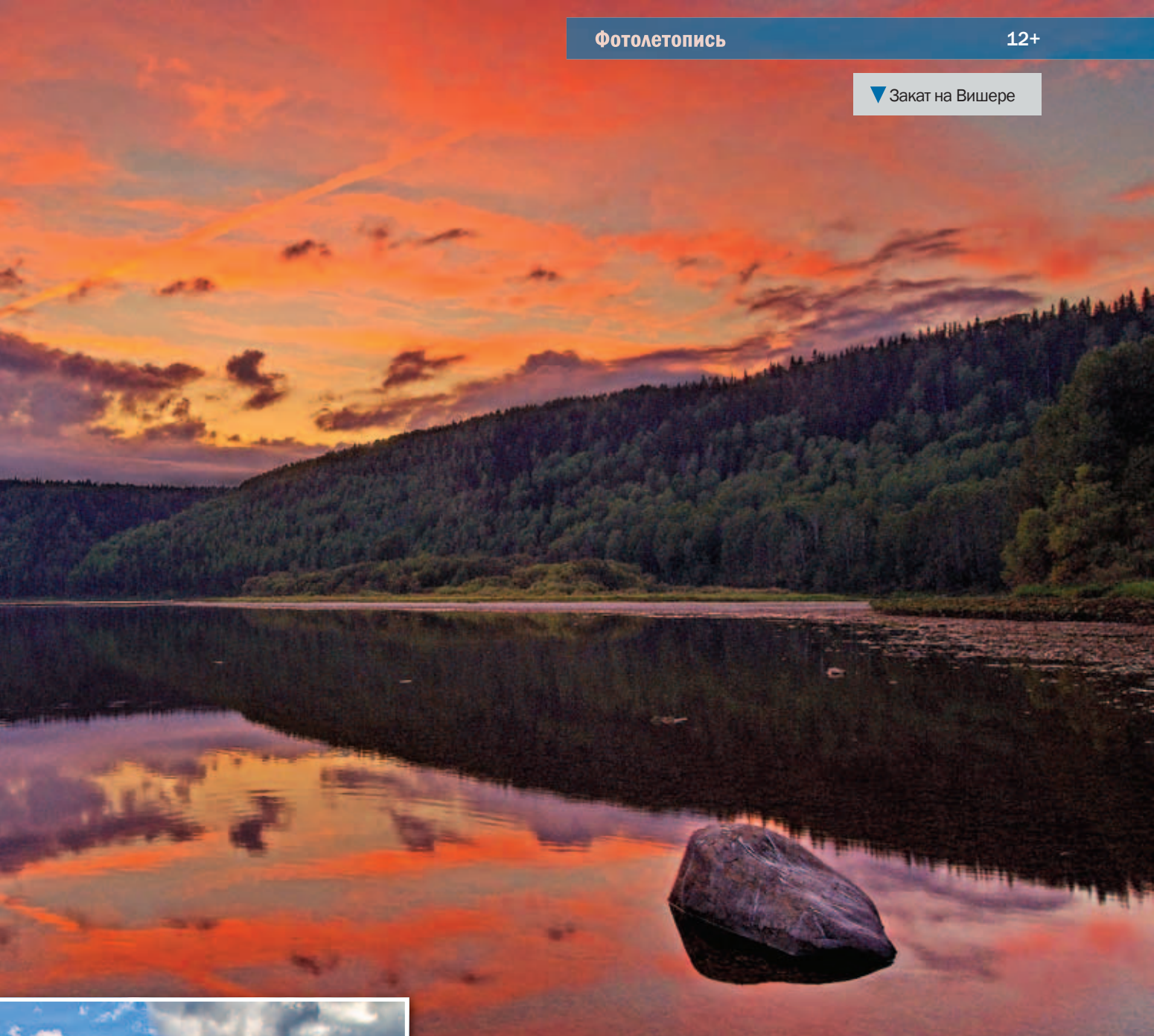
▼ За охотой

Встречный ветер

▼ Наш катер

Береговые скалы встречались не так часто, как нам хотелось бы, но в большинстве своем их размеры вызывали только восхищение. Скала «Столбы» — одна из самых маленьких на Вишере, она не так изысканна, как одноименный камень на Чусовой, и не так высока, как на Усьве, но, встав на ночевку напротив этих утесов, Вишера порадовала нас невообразимым туманным шоу, съемка которого прекратилась только утром, когда туман был развеян легким ветерком.

Водоплавающие и береговые птицы на всем протяжении пути сопровождали наше суденышко, как, возможно, когда-то проводжали огромные плоты сплавляемого леса, отдельные бревна которого нет-нет да и мелькнут на речном дне или на берегах. Чем

дольше продолжалось наше плавание, тем больше было этих деревянных свидетелей исторических событий нашей Родины, а ближе к городу Красновишерск все дно оказалось сплошь засыпано стволами некогда срубленных деревьев вишерской тайги.

В районе скалы Ветлан и горы Полюдов камень (где и заканчивалось наше плавание) река сохранила остатки запани, предназначенной для сортировки сплавляемого леса, по всей видимости, для некогда известного на всю страну бумкомбината. Знакомые всем туристам, эти быки являются неотъемлемой частью пейзажа этих мест и их визитной карточкой. Сегодня все среднее течение Вишеры является частью природного парка «Пермский» и охраняется законом. **УС**

В очередную полевую командировку по проведению зимнего маршрутного учета промысловых млекопитающих, как обычно, я собирался с некоторым волнением, так как уже давно понял, что планировать заранее свою работу в горно-таежных условиях заповедника «Вишерский» неблагодарное дело, поэтому просто устанавливаешь для себя задачи «максимум» и «минимум».

Горноста́й

Маленький и шустрый

Погода западного склона Северного Урала своенравна, и поэтому нам, научным сотрудникам, просто необходимо быть готовым к любым неожиданностям. В период зимних учетов важно, чтобы метели и снегопады не спрятали от глаз наблюдателя следы животных, но февраль, как говорится, еще тот месяц. Вот и на этот раз на хребте Чувал за ночь насыпало 30 см снега, потом он еще «валил» двое суток, от которого приходили в голову грустные мысли о потерянных днях по учету зверей по следам на снегу. И вот, как обычно внезапно, когда я находился уже на кордоне Лиственничном, яркое зим-

нее солнце осыпало тайгу тысячами искр сверкающего снега, на котором, как в книге, можно было прочитать жизнь его обитателей по ночным следам. Выйдя на маршрут с отличным настроением, мне сразу же пришлось обратить внимание на петляющую строчку маленьких отпечатков. «Ну, здравствуй, горноста́й!».

Стал вредителем по вине человека

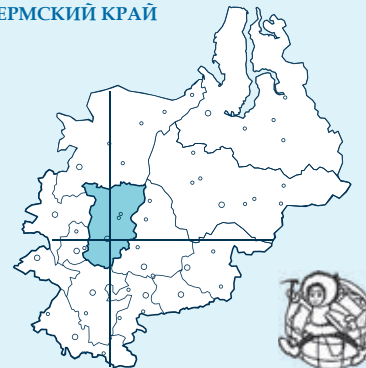
Горноста́й (лат. *Mustela erminea*) — хищное млекопитающее семейства куньих. Он обитает в арктической, субарктической и умеренной зонах Евра-

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

▲ Горноста́й зимой (фото с фотоловушки)

зии и Северной Америки. В Европе он встречается от Скандинавии до Пиренеев и Альп, за исключением Албании, Греции, Болгарии и Турции. В Азии его ареал доходит до пустынь Средней Азии, Ирана, Афганистана, Монголии, Северо-Восточного Китая и Северной Японии. В Северной Америке водится в Канаде, на островах канадского арктического архипелага, в Гренландии и на севере США. На территории России довольно обычен на европейском севере и в Сибири.

Горностай был неудачно завезен в Новую Зеландию для контроля над популяцией кроликов, где бесконтрольно размножился и превратился во вредителя, который уничтожает молодняк и яйца аборигенных птиц, в частности киви. Поэтому он внесен в список самых опасных инвазивных (т.е. вредных) видов по версии Международного союза охраны природы, с чем мне не приходится соглашаться, так как в данном случае виновником является непосредственно человек.

Горностай имеет своеобразный облик: тонкое, очень гибкое тело, живая закругленная мордочка с небольшими ушами, длинный пушистый хвост, очень короткие лапы с острыми тонкими когтями. Длина тела горностая достигает 26 см, хвоста — до 11 см., а вес самцов может достигать 197 г. Наиболее крупные горностаи обитают на Урале и в Западной Сибири (западносибирский или тобольский горностай). Его окраска резко меняется по сезонам года: зимой белая, летом светло-коричневая с беловатым брюшком. Не изменяется окраска волос только на конце хвоста: он весь черный. Весенняя линька заканчивается в первой половине мая, осенняя — в октябре-ноябре.

Полевки и землеройки — основная добыча

На территории Урала горностай встречается от тундр Ямала до южной

оконечности Уральского хребта и заселяет самые разнообразные места: в тундре это заросли кустарников, в лесной зоне — вырубки, захлащенные гари, долины рек, в лесостепи — поймы рек, берега озер.

В заповеднике «Вишерский» горностай населяет всю территорию. В горной части он встречается повсюду, начиная с зоны гольцов до долин рек. В предгорьях и равнинной части заповедника горностая также можно встретить во всех стадиях, однако распространение его далеко не равномерно. Чаще всего горностай встречается в стадиях, лишенных древесной растительности. Горные тундры, субальпийские луга, лесные гари, буреломы, луга и заросли ивняка по берегам рек и поляны — вот основные места обитания в наших условиях. Из числа открытых стадий горностай у нас редок только на открытых сфагновых болотах. В лесных стадиях горностая меньше. Наиболее охотно он поселяется здесь в прибрежных ельниках и в березняках с травянистым покровом. Такой характер размещения горностая объясняется очень просто — он совпадает с размещением основного вида корма — полевки. По сравнению с другими хищными млекопитающими заповедника, горностай не является многочисленным видом и его следы при учетах регистрируются гораздо реже, чем следы соболя.

Характеристика питания горностая подробно изучена в Печоро-Ильчском заповеднике зоологом В.П. Тепловым. По данным содержимого 319 желудков встречается отдельных групп кормов характеризуется следующими цифрами:

- полевки — 56,0%,
- землеройки — 19,8%,
- птицы, исключая тетеревиные — 12,5%,
- тетеревиные птицы — 7,0% (рябчик — около 85%),

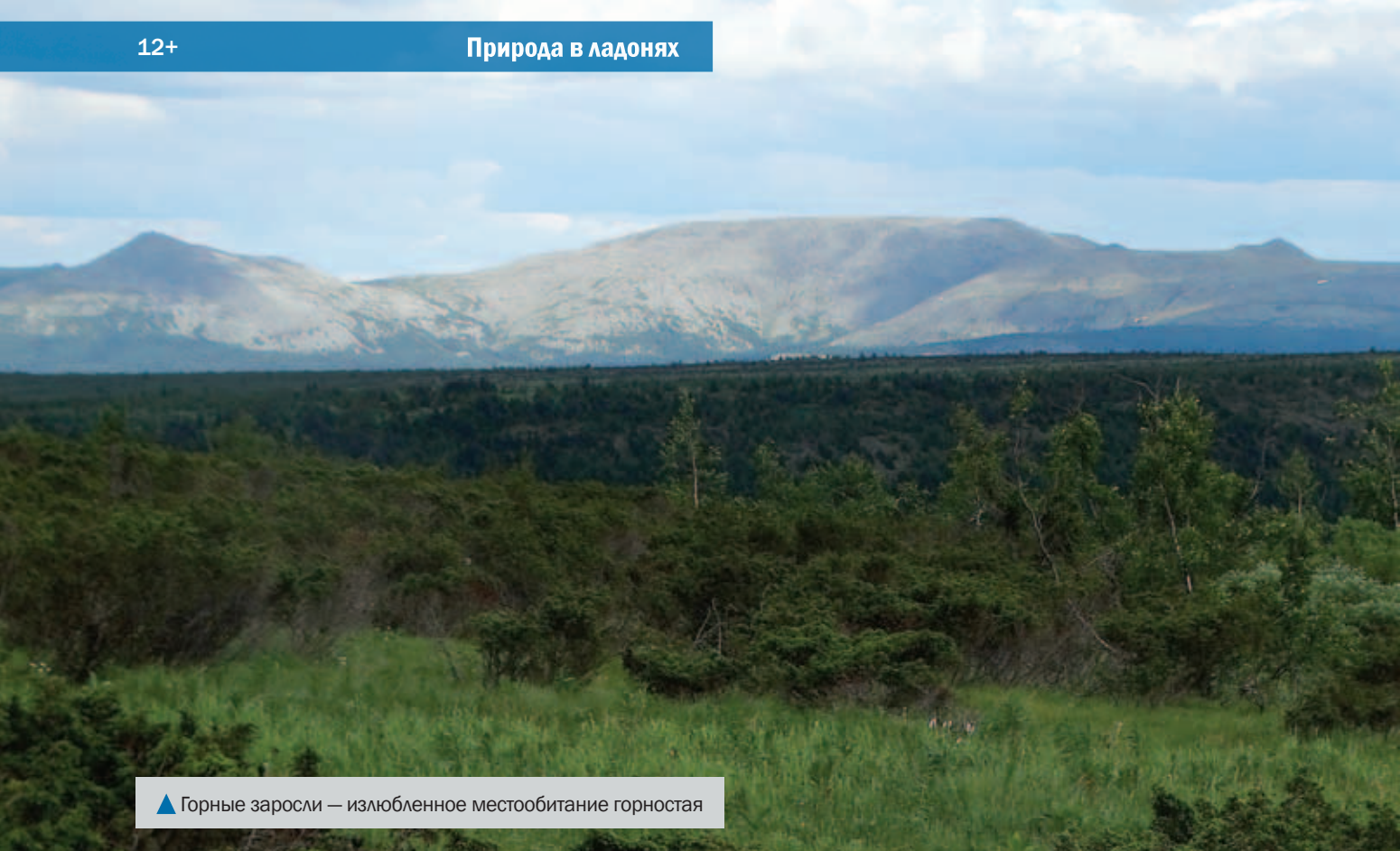
▼ Бурозубки — один из основных кормов горностая (фото В.В. Семенова)

▼ Водяная полевка также не оставит горностая равнодушным (фото В.В. Семенова)

▲ Следы горностая на снегу

▲ Горные заросли — излюбленное местообитание горностая

- белки — 2,1%,
- заяц-беляк — 0,9%,
- падаль — 1,1%,
- насекомые — 0,6% (осы).

Также были обнаружены лягушки, мелкие рыбы.

То есть горностай — это типичный хищник-стенофаг, и его основной добычей служат полевки и землеройки. Судя по числу пустых желудков и весу пищи в наполненных желудках, кормовая база горностая в горно-таежных условиях Северного Урала не слишком богатая. Средний процент пустых желудков равнялся 46%, средний вес содержимого желудков — 2,2%, а наибольший вес составил 17%. Исходя из наблюдений по следам горностая и анализа содержимого желудков, размер суточного рациона этого хищника близок к 50 г животной пищи, что соответствует весу двух серых полевок.

Также В.П. Тепловым была установлена склонность самок горностая к подснежному образу жизни, т.к. в начале зимы регистрировалось 55–60%, а в конце — 70–80% следов самцов от общей численности обнаруженных отпечатков. При этом он объясняет это большей активностью и меньшей осторожностью самцов и признает, что, по результатам определения пола у различных групп, самцы у популяции печорской популяции (а значит, с большой долей вероятности и у вишерской популяции) составляет большинство.

Самцы у горностая рождаются в больших количествах, чем самки, но последние в дальнейшем гибнут гораздо реже, что ведет к сглаживанию популяции с возрастом зверьков. Во время охоты зверек может пробежать до 8 км в сутки.

Самцы и самки живут отдельно

Конкурентами горностая в вишерской тайге по линии потребления его основных кормов — полевок и землероек — следует считать лисицу, соболя, лесную куницу, а летом также хищных птиц. Однако горностай лучше их приспособлен к добыче мелких зверьков, и в годы, когда последние встречаются в достаточном количестве, все преимущества на стороне горностая. Что касается ласки, то она слишком редко встречается, чтобы влиять на состояние кормовой базы горностая. При этом ласка иногда подвергается прямому преследованию со стороны горностая.

Конкуренция между перечисленными видами должна в значительной мере обостряться в годы «неурожая» мышевидных, причем горностай и ласка, как стенофаги, в такие годы должны в большей мере, чем другие хищники, испытывать недостаток в пище.

Горностай очень редко гибнет от нападений других хищников. Этому есть подтверждение в изучении значительного материала по питанию хищных зверей и птиц за многие годы в Печоро-Ильчском заповеднике. Останки горностая обнаружены только 7 раз: два раза у лисицы и по одному у росомахи, куницы, филина, ястреба-тетеревятника и чеглока. Иногда поблизости от селений горностай гибнет и от бродячих собак.

Болезни горностая изучены не полностью. Известно, что из паразитов широко распространены паразиты лобных пазух черепа (скрябингилез). Из 344 черепов горностая, по данным

Уральский следопыт, июль 2022

В.П. Теплова, в 126 случаях (38%) были перфорированы или имели следы деформации. Эта болезнь вызывает у горностая истощение, что может привести его к гибели. Установлено, что переносчиками этой нематоды являются земляйки.

Горностаю ведет преимущественно одиночный территориальный образ жизни. Границы индивидуального участка метятся секретом анальных желез. Размеры участка варьируются от 10 до 20 га, у самцов он, как правило, вдвое больше, чем у самок, и пересекается с их участками. Норы сам роет редко, обычно занимает чужие (суслика, хомяка и т.д.). Гнездо устилает также под камнями, корнями деревьев, валежником. Зимой горностаю постоянных нор не имеет и ведет преимущественно ночной образ жизни, хотя нередко можно увидеть его и днем. Его можно встретить в самых неожиданных местах — например в стогах сена, кучах камней, развалинах заброшенных зданий. Занимает дупла деревьев, часто прячется в них при паводке. Свою выводковую камеру самка выстилает шерстью убитых грызунов, реже сухой травой. На место дневки повторно возвращается редко.

Самцы и самки живут раздельно и встречаются только во время брачного сезона. В голодные и малокормные годы горностаи покидают свои участки и переселяются порой на зна-

чительные расстояния. Иногда миграции вызывают и массовое размножение грызунов в соседних районах, как территориях, более обеспеченные кормами.

Горностаю хорошо плавать, лазает, но, по существу, это специализированный наземный хищник. При избытке пищи горностаю устраивает запасы, истребляя больше грызунов, чем может съесть. Добычу убивает, прокусывая череп в затылочной области. Это подвижное и ловкое животное с быстрыми и несколько суетливыми движениями. По снегу он перемещается прыжками до 50 см длиной, отталкиваясь от поверхности задними лапами. Преследуемый врагом, он часто отсиживается на дереве до тех пор, пока опасность не минует. Обычно он молчалив, но в возбужденном состоянии громко стрекочет и шипит.

Существует мнение, что среди приемов охоты у горностая есть так называемый «гипнотический танец смерти» — когда он не преследует жертву, а, производя разнообразные внешне бессмысленные акробатические трюки, медленно приближается к недоумевающей жертве на расстояние броска.

Горностаю — полигам и размножается один раз в году. По данным Казанского зоопарка, спаривание у горностая происходит не весной, а летом (в июле). Беременность длится около 8 месяцев, что связано с латентным периодом. Количество детенышей варьирует от 3 до 18, в среднем 5–6, при этом они рождаются слепыми и беззубыми. Прозревают на 9–12 день, а в 2–3 месяца по размерам их не отличить от взрослых. Выводки горностая распадаются до наступления зимы и в конце июня-июле они уже самостоятельно добывают пищу. Половой зрелости самка достигает в 3 месяца, а самцы лишь в возрасте около 1 года. Самец обычно бывает при выводке.

Погода определяет состояние популяции

Средняя продолжительность жизни горностая составляет два года, максимальная — семь лет. Этот вид подвержен сильным колебаниям динамики численности. К примеру, в заповеднике «Вишерский», по данным зимнего маршрутного учета за последние 14 лет, его численность колебалась от 26 до 669 особей (в 25 раз). При этом учет этого зверька лучше проводить в ноябре, когда снег еще не высокий и горностаю большую часть своих охотничьих маршрутов совершает по поверхности снежного покрова, тогда как в остальные зимние меся-

цы он в значительной мере ведет подснежный образ жизни, в связи с чем учет его следов становится затрудненным. Исследователи предполагают, что годы с наиболее высокой численностью горностая повторяются через каждые 5–9 лет, что вполне подтверждается наблюдениями за вишерской популяцией. Основными причинами, влияющими на численность горностая, являются:

- состояние кормовой базы (вымирание от голода; уменьшение успешности размножения из-за истощения беременных самок и более высокой смертности молодых; более высокой гибели от хищников, обусловленной увеличением активности горностая в связи с недостатком корма; выселения горностая в другие, более богатые кормами районы; усиленной добычи охотниками, т.к. в голодные годы зверек менее обеспечен кормами и легче попадает в ловушки);

- переселения;

- болезни;

- стихийные бедствия (наводнения в поймах рек и пожары, что главным образом сказывается на поголовье горностая через мышевидных грызунов, которые во время слишком высоких весенних разливов в массе тонут или гибнут от нападения пернатых хищников);

- деятельность человека (изменения характера местности, агрокультурные мероприятия, промысел и др.).

При этом численность полевых вишерской тайге в значительной степени зависит от особенностей условий погоды отдельных лет, и, в конечном итоге, в наших условиях, именно погода предопределяет состояние популяции горностая.

Горностаю является традиционным объектом пушного промысла. Охотились на него еще в глубокой древности. Белоснежные и шелковистые шкурки знаменитых «русских» горностаев особенно ценились на международных рынках. Известный арабский путешественник Ибн-Батута (XIV в.) находил горностаевый мех даже лучше соболиного. Наибольшим спросом он пользовался в странах Азии. Основную часть шкурок горностая заготавливали в азиатской части нашей страны, но и европейский север играл в заготовках немалую роль, где ежегодно в различных городах проходило около 380 многолюдных ярмарок, где шла бойкая торговля горностаевым мехом. Особенно часто их устраивали в Архангельске, Шенкурске, Пинеге, Вологде, Великом Устюге. И, конечно, как здесь не упомянуть про мантис различных королей, украшенных шкурками и хвостиками этого зверька...

Вера Мехоношина

Мастер по набойке, реконструктор, руководитель АНО «УВТЫР» (РОД), лауреат Премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в области национальной культуры и искусства, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

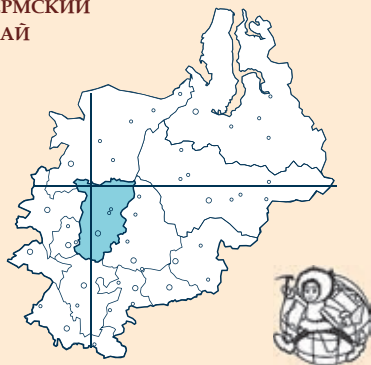

Марина Белавина

Религиовед, педагог дополнительного образования, руководитель АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать)», лауреат Премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в области национальной культуры и искусства, дважды лауреат Премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Иллюстрации предоставлены АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать)». Автор рисунков Елизавета Попова

**ПЕРМСКИЙ
КРАЙ**

Чтобы не потерять

Легенды и были Косинского района

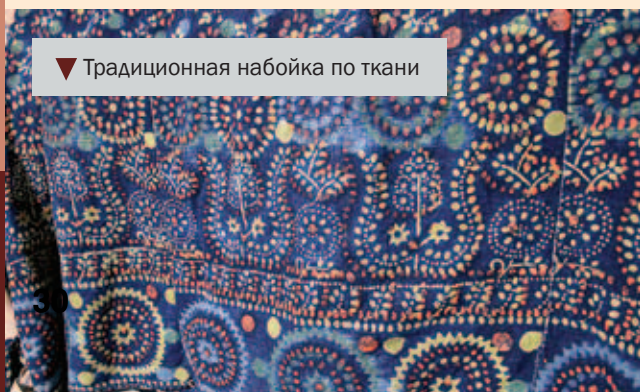
Это один из самых мистических и глухих, девственных районов Коми-Пермяцкого округа, где еще сохранилась аутентичная культура, язык и верования коренных жителей, а также множество легенд и преданий.

Расстояние от Кудымкара до Косы составляет 145 км. Дорога к центру Косинского муниципального округа проходит восточнее тракта Кудымкар – Гайны. Примерно 40 километров нужно проехать по ней от села Юксево, чтобы добраться до села Коса. Через это село (изначально Ныров погост) в 16–17 веках проходила знаменитая «государева дорога» (Ыджыт туй – большая дорога, как ее называли коми-пермяки) из Москвы в Сибирь. Автомобильная дорога Юксево – Коса – Со-

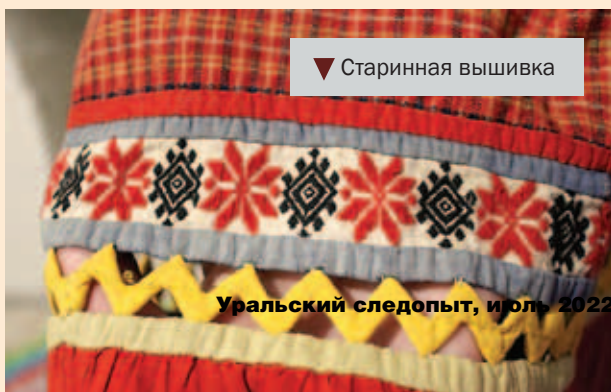
ликамск является сохранившейся частью этого старинного тракта. Через двести километров от Косы на восток находится Соликамск, а в западном направлении не так далеко и до Великого Устюга.

С 1579 года Московская государева дорога из Москвы имела направление на Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Шуйский Ям, Тотьму, Устюг Великий, Лальский посад, Кайгородок, Юксево, Косу, Селище, Урлку, Вильву, Соликамск. Протяженность участка дороги

▼ Традиционная набойка по ткани

▼ Старинная вышивка

▲ Притоки Камы

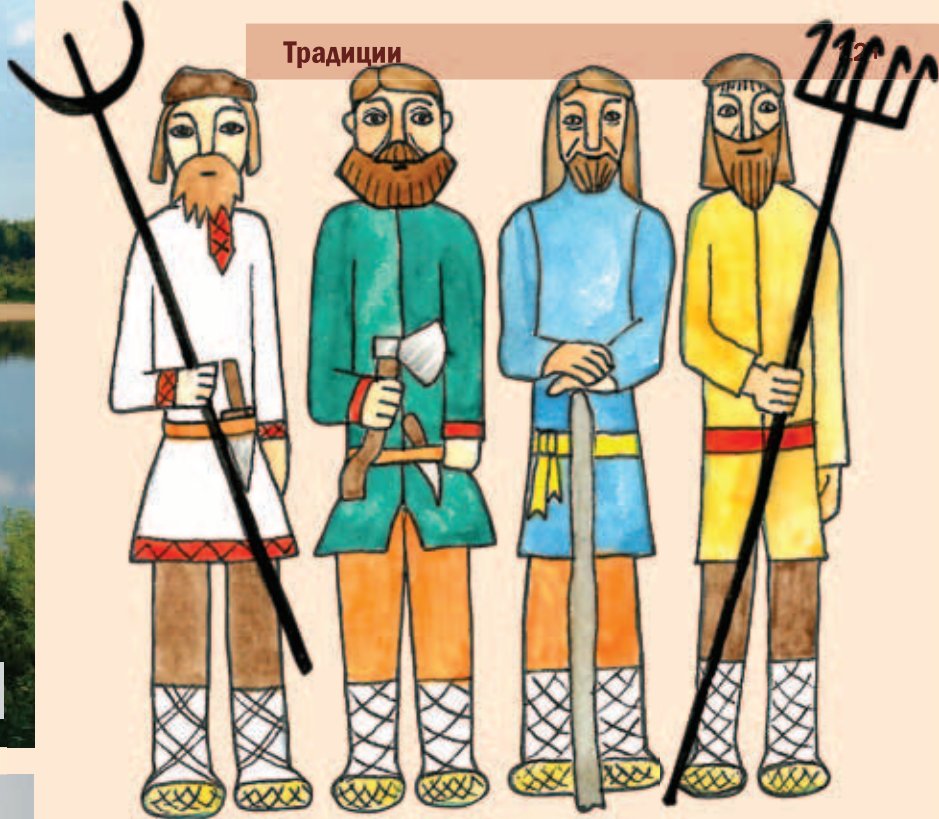

▲ Гостеприимная хозяйка Панова Людмила Ивановна, деревня Мыс

от Соликамска через Юксеево до Кайгородка была около 250 верст.

Вдоль притоков Камы расселились рыболовы и охотники со времен неолита. В верховья Камы были найдены археологами их многочисленные стоянки. Одни из самых древних на территории Косинского района — Косинские стоянки, обнаруженные на берегу реки Косы (пра-

Традиции

▲ Юкся, Пукся, Чадз и Бач

▶ Зарань — дочь бога Солнца (Шонді)

вом притоке Камы). Известны памятники железного века, это Кычдесовское городище, которое находится в 15 км на запад от села Коса, в устье реки Кычдес — правого притока реки Лолог, в лесу. Оно окружено двумя валами высотой до 2 м. В конце 19 века городище было исследовано учеными. Подробное описание составлено археологом М.В. Талицким. К сожалению, в 1970-е годы это городище было разрушено леспромхозом при строительстве площадки для сплотки леса. Еще одно крупное городище — Карчойское — находится в центре деревни Карчой Чазёвского поселения, на невысокой стрелке.

По данным археологов, в селище Важ Чазёв жили с XIII–XIV веков. В переписи Ивана Яхонтова 1579 года значится починок Чазёв на речке Кичише, в котором жили Гришика да Петрушка Чазёвы. По переписи М. Кайсарова 1624 года, это место жители покинули и поселились около ключа на холме, а деревня называлась Подъячева. По данным переписи 1926 года, в Чазёво уже 140 дворов и 774 человека.

Рядом с деревней Чазёво (починок Чазёв на реке Киве), по дороге в деревню Красильниково, на поляне в лесу находится могильник, где на середине поляны стоит крест. Согласно легенде, здесь похоронены знаменитые основатели старинных селений Чазёво, Бачманово, Юксеево и Пуксиб (Чадз, Бач, Юкси и Пукси). Много легенд хранят предания этой земли.

Юкся, Пукся, Чадз и Бач

Отец и три сына, чудские богатыри. У них на всех один топор был. И, чтобы построить себе избы, они перекидывали его меж собою на огромные рассто-

яния. Так были основаны поселения Юксеево, Пуксиб, Чазёво и Бачманово. Пам Юкся воевал с Кудым-Ошем — из-за обиды, что тот не пригласил косинцев в Кудымкар хлеб есть. Однако князя помирились и решили, что никогда впредь не будут чудские рода враждовать. Лежат богатыри Юкся, Пукся, Чадз и Бач на Гажаыбе близ Кыдзыскуша. Трава на их могилах не растёт. Только шесть елей и берёз.

Зарань

Это дочь бога Солнца (Шонді). Прообраз зари, золотая дева, прародительница пермяков. Золо-

тые волосы, глаза синие, как небо, одежда сверкает. Сын Пармы Пера поймал радугу-Енцшку на Косе-реке и поднялся по ней в небесную землю Енму. Там он встретил Зарань. Молодые полюбили друг друга и сбежали в Парму, где родили 7 сыновей и 7 дочерей. Зарань вынуждена была вернуться в Енму, чтобы разгневанный Шондди не сжег в своём огне землю и её детей. Она и сейчас оберегает их, утром и вечером приглядывая за ними зарёй.

Еншкa (Ёшка-Мёшка)

Радуга, в дословном переводе «небесный» или «божий» бычок, так и принято изображать. Соединяет землю Пармы и верхний мир Енму как радужный мост. Спускается на землю, чтобы напиться воды.

Чудь маленькая, чучкие

Маленькие человечки, ростом с ребёнком, со светлыми волосами и глазами, живущие в землянках или под землёй. Хлеб жали шилом, протыкая остриём колос. В Чураках, говорят, один мужик был женат на маленькой чудинке, так всё время её на руках носил. В Левичах до сих пор мерещится чудская свадьба, слышно, как колокольчики в свадебном поезде звенят.

► Чудь маленькая, чучкие

Чудские клады

Клады спрятаны в чудских колодцах. Есть ещё люди, которые помнят заговоры и обряды для поднятия кладов. Надо пройти до колодца с горстью зерна, не обронив ни одного зёрнышка. Многие пробовали доставать эти клады, но нетнет, да зерно уронят с руки, а то и сундук из воды покажется совсем близко, а достать невозможно.

Чудской колодец, чучкóй ошымóс

Естественные источники воды, в которых чудь делала сруб из лиственницы, сло-

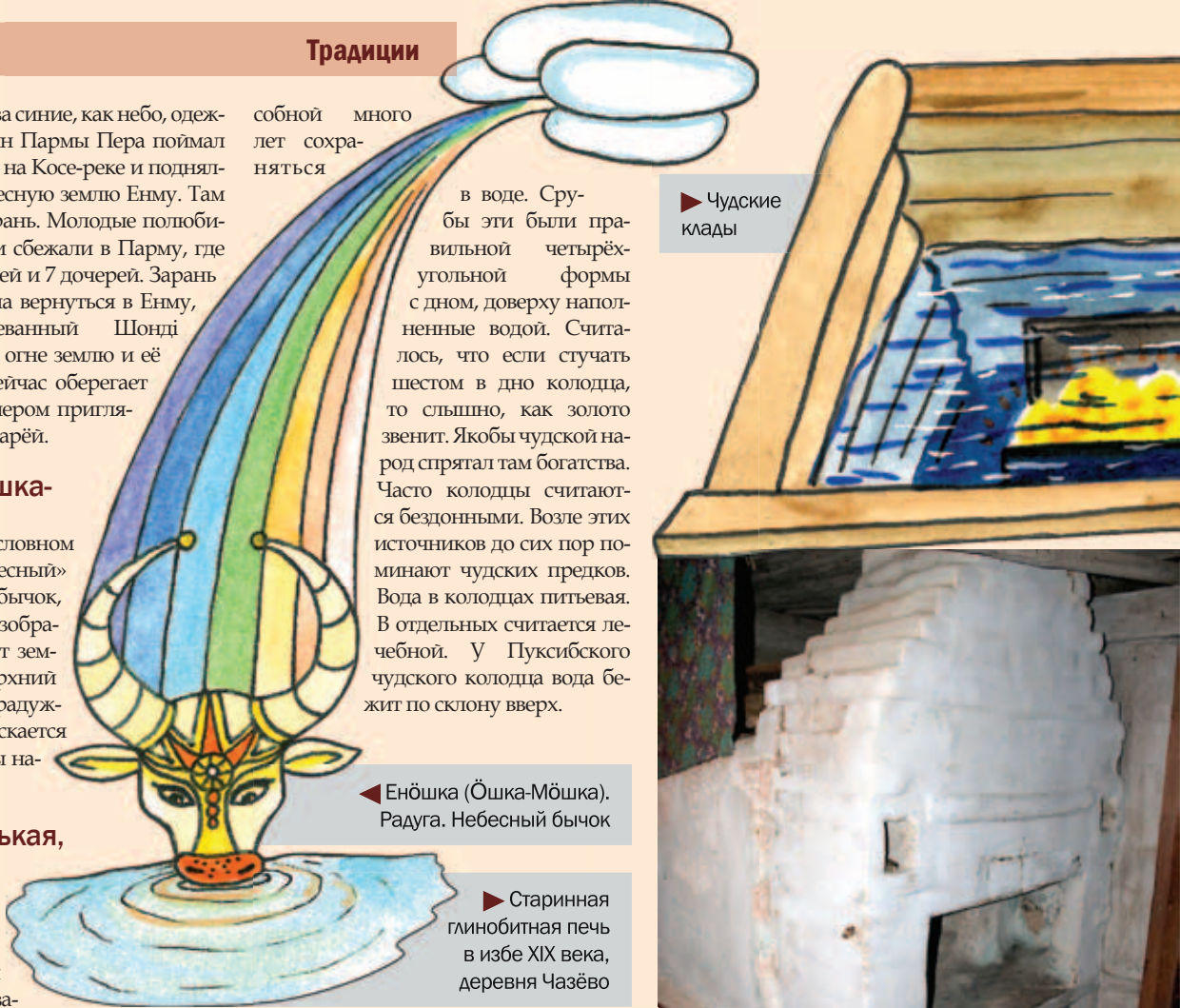
собной много лет сохраняться

в воде. Срубы эти были правильной четырёхугольной формы с дном, доверху наполненные водой. Считалось, что если стучать шестом в дно колодца, то слышно, как золото звенит. Якобы чудской народ спрятал там богатства. Часто колодцы считаются бездонными. Возле этих источников до сих пор поминают чудских предков. Вода в колодцах питьевая. В отдельных считается лечебной. У Пуксибского чудского колодца вода бежит по склону вверх.

◄ Еншкa (Ёшка-Мёшка). Радуга. Небесный бычок

► Старинная глинобитная печь в избе XIX века, деревня Чазёво

► Чудские клады

► Чудской колодец, чучкóй ошымóс

Змеиный яр

В Кривцах существовала легенда, связанная с прежним руслом Камы. Говорят, в былые времена на этом крутом повороте поселились два огромных змея, которые поедали

▶ Белая лошадь

сплавщиков. И никто не мог с ними справиться. И всё же нашлись два брата, не побоявшиеся вступить в схватку со змеями. В нелёгкой борьбе они одолели этих гадов. Вся деревня встречала их как героев. Место, где братья боролись со змеями, до сих пор называют Змеиным яром.

Белая лошадь

В окрестностях Бачманово есть старое городище Кульпозья. В его сторону ведёт тропинка. Места эти считаются владениями Лешего. Туда советуют никому не ходить. Но если уж пошёл человек, то идти, говорят, нужно прямо по тропе, никуда не сворачивать. Кто того совета слушается, увидит Белую лошадь — и неприятности ему обеспечены. Может навсегда в лесу потеряться.

В тридцатых годах прошлого века население этого глухого района пополнилось почти на треть за счет спецпоселенцев. Много смелых земляков погибло в годы Великой Отечественной войны. Но много-много одаренных людей сумела взрастить эта земля. Среди них поэты и писатели, танцоры и певцы, медики, ремеслен-

◀ Горшок с веретенами в Школьном этнографическом музее «Память», д. Порошево

ники и учителя. Замечательный фильм талантливого режиссера Галины Красноторовой «Девять забытых песен» показывает нам основы традиционной культуры этого народа, где потеря ценности своих корней — памяти предков, воспринимается как болезнь, потеря самого себя. **УС**

▶ Змеиный яр

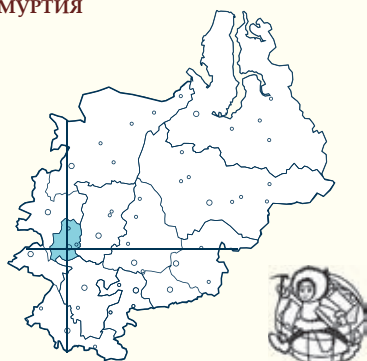

► Здание администрации Сарапула (дом А.В. Татарина, бывший Окружной суд)

К службе способен и достоин

Удмуртия

Наталья Запорожцева

Главный библиотекарь краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. Н.К. Крупской города Сарапула, Удмуртия, член Российского союза писателей с 2019 г. Постоянный автор «Уральского следопыта».

Судьбы польских переселенцев

Уездный Сарапул, расположенный на 400 верст южнее Вятки, был весьма привлекательным местом службы в Вятской губернии, особенно во второй половине XIX века, когда здесь начали открываться солидные учреждения.

Удобное географическое расположение города на подошве Старцевой горы, вдоль берега старинной Камы, и более мягкий, чем в Вятке, климат способствовали закреплению здесь приезжих специалистов. О судьбах переселенцев в Вятке мы рассказывали в майском номере Уральского следопыта. Образованные и титулованные поляки в Сарапуле чаще всего служили в земстве и судебных органах, ссыльные — в области медицины и педагогики. Десятки польских фамилий можно найти в справочнике старого Сарапула. Рассказать здесь обо всех не представляется возможным, да и сведений о них найдено еще недостаточно. Упомянем лишь некоторых из тех людей, которые сыграли важную роль в истории уездного города.

Среди судейских и гласных думы пользовались заслуженным авторите-

том Петр Васильевич Чайковский, Ипполит Осипович Сурвилло, Антон Иванович Мицкевич, Осип Андреевич Радзишевский, Феликс Федорович Сентковский, Леонид Федосович Петропавловский. Старший заседатель земского суда титулярный советник Осип Андреевич Радзишевский, награжденный бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг., исправлял должность сарапульских городничих дважды, во время их отсутствия, в 1857 и 1859 гг., но так и не стал городничим. А, возможно, он и не стремился к этому, скромно подписываясь: «За городничего Радзишевский».

Удельное ведомство, которое называли «Государевым оком», объединяло все земельные наделы России. Удельная контора существовала в Сарапуле более 60 лет в видном здании архитектора Шрёдера на улице Нагорной. Её

уважаемым управляющим был Алексей Осипович Каминский, чин которого соответствовал генеральскому. Один из трех нотариусов Сарапула, опытный Викентий Викентьевич Буглевский, служил в конторе, располагавшейся в доме Носмана (улица Вятская, 59).

Медики на службе

Профессиональная медицинская помощь в Сарапуле началась с приезда военного врача Христофора Ивановича Чудновского, в 1831 году. Он был один на четыре уезда. До его появления врачи занимались в основном судебной медициной. Больница находилась в жалком состоянии. Врач был в разъездах, за него вел прием фельдшер. Библиофил Чудновский славен тем, что подарил городу коллекцию своих книг и в 1835 году создал в Сарапуле первую публичную библиотеку и музей, одобренные А.И. Герценом. Инициативу Чудновского поддержал городничий, секунд-майор из виленских дворян Доментий Яковлевич Стульгинский. Затем на этом посту его сменил другой участник наполеоновских войн — Федор Михайлович Гutowский.

В 1847 году прибыл в Сарапул на земскую вакансию выпускник медицинского факультета Харьковского университета, врач Константин Фаддеевич Круликовский (1820–1888) и нашел состояние медицины удручающим. Неравнодушный человек, он горячо выступал на заседаниях думы и добился строительства новой больницы, основал курсы фельдшеров, которых готовил для помощи врачам. Константин Круликовский был избран председателем уездной земской управы. Его сын, Леонид Константинович, после окончания Казанского универси-

тета посвятил себя науке и стал известным энтомологом. Он женился на сестре ихтиолога Н.А. Варпаховского и после рождения сына переехал с семьей в Сарапул, где стал одним из основателей земского музея и самым крупным дарителем. Коллекция из 18 тыс. экземпляров экзотических бабочек стала украшением музея. Затем Л. Круликовский был приглашен в Киев, чтобы возглавить Зоологический музей. В 1920 году он скончался от тифа, оставив потомкам более 120 научных работ. Леонид Круликовский знали и уважали ученые многих стран.

С приездом в 1880 году врача Порфирия Ивановича Ильинского в Сарапуле появилась хирургическая по-

мощь. Он повторил карьеру Левитского, прослужив в Сарапуле более 30 лет. П.И. Ильинский был врачом женской гимназии, главным врачом земской больницы и снискал любовь и уважение сарапульцев.

Образование и культура

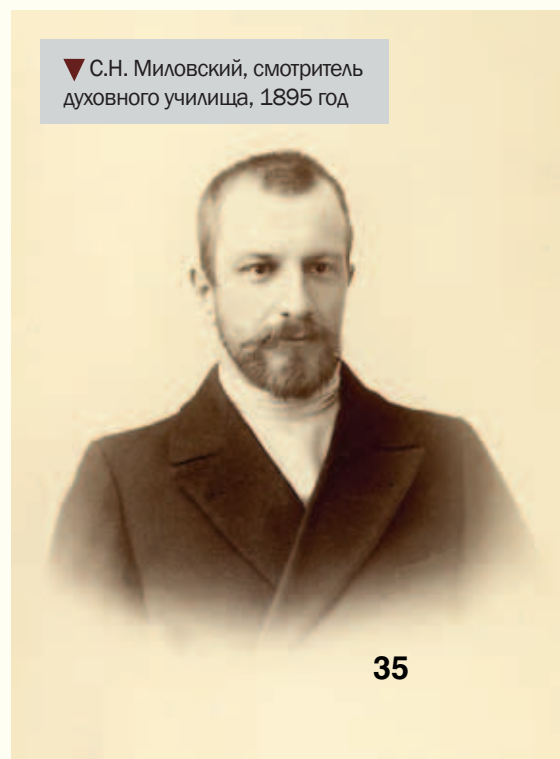
Смотритель Сарапульского духовного училища, кандидат богословия, выпускник Казанской духовной академии, Сергей Николаевич Миловский был переведен в Сарапул из Вятской духовной семинарии. В Вятке как инспектор он не смог справиться с бунтующими семинаристами и попросил перевода «в тихое место». Миловский привлек для преподавания в духов-

▲ Музыкальная школа 1915-1918 г. (слева стоит скрипач А. Курский, слева сидит скрипач Федоровский)

▼ Семьи Миловских и Бажановых в Сарапуле

▼ С.Н. Миловский, смотритель духовного училища, 1895 год

▲ Режиссер Сарапульского драматического театра А.Б. Скибневский, фото 1946 года

ной школе «академиков» — друзей-выпускников духовной академии: Леонид Флегонтович Худяковский (учитель словесности), Василия Осиповича Архангельского (учитель латыни) и др. За 16 лет службы смотрителя училище превратилось в одно из лучших в России. Миловский был отмечен епархиальными грамотами и повышен в чине. В Сарапуле он состоялся не только как педагог-новатор, но и как бытописатель духовенства. Под псевдонимом С. Елеонский были изданы два сборника его рассказов, за что друзья назвали коллегу «Прикамским Чеховым». С.Н. Миловский оставил богатое культурное наследие. Земной путь его завершился трагически. В Сарапуле выросли двое детей Сергея Николаевича, они окончили здесь гимназию и реальное училище. На этой земле продолжился его род.

Конец XIX — начало XX века в Сарапуле — время развития музыкальной и театральной жизни. Скрипач Александр Яковлевич Тальновский и виолончелист Алексей Георгиевич Курский создали музыкальный кружок, переросший в музыкальную школу. Антрепренер Иван Владимирович Колосовский набрал труппу и радовал сарапульцев спектаклями. В 1911 году в Сарапуле открылся драматический театр. Во время Великой Отечественной вой-

ны им руководил известный советский режиссер, потомок гродненских поляков А.Б. Скибневский.

Служба в суде

Первоначально чиновники, да и простой люд настороженно относились к прибывшим полякам. Со временем отношение к ним, честным и добросовестным служакам и благочестивым гражданам, изменилось. Им разрешалось служить в суде. В Сарапуле найти подходящую кандидатуру для такого служения, отвечающую всем требованиям закона, было сложно, и должности судей были вакантны. К этому времени в Сарапуле улеглись страсти, связанные со следствием над Ф.Д. Кульвецем, учиненным в 1869 году вятским губернатором В.И. Чарьковым. «Проступок» был в том, что «служивший в Сарапуле поляк Кульвец в день рождения высочайшей особы пробормотал какие-то слова... Поляк Кульвец с такими понятиями не может быть терпим на службе в Вятской губернии, где до 300 человек ссыльных поляков», — считал губернатор. Но на это последовал ответ от министра юстиции: «Кульвец не может быть ни уволен без прощенья, иначе как по суду, ни переведен в другую местность без его на то согласия». Кульвеца оставили в покое, и он прослужил мировым судьей до 1892 года.

Феликс Дионисевич Кульвец был награжден медалью в 1853–56 гг., в память о Крымской войне. После окончания Харьковского университета он служил в Вятке в строительной и дорожной комиссии, произведен в губернские секретари. В 1861 году был направлен судебным исполнителем в Малмыж, затем в Сарапул, быстро продвигался по служебной лестнице и стал председателем уездного съезда. Под

стать 29-летнему статному Феликсу нашлась и невеста — 18-летняя полька Мария Шелешпанская, дочь князя Петра Александровича, капитана в отставке, городничего города Орлова Вятской губернии. 30 апреля 1865 года состоялось венчание молодых в Сарапульском Вознесенском соборе. У супругов родилось трое детей. Старший Виктор, как и отец, стал юристом.

Первый городской участок мирового судьи обслуживал центральную часть Сарапула. Заседания суда открывались ежемесячно 3-го числа. Председателем уездно-мирового съезда был коллежский ассессор Николай Азаревич Шиллегодский.

Каждый дом несет отпечаток нрава своего хозяина. Чего только не пережил, каких только людей не пригред старым дом Феликса Дионисевича! Здесь звучали речи адвокатов, споры купцов, постановления суда, звуки музыки, пение, лекции с «волшебным фонарем», воинские приказы, стоны раненых, медицинская латынь. Здесь пахло одеколоном и смазными сапогами, духами, керосином и карболкой.

Но вот в дом пришли учителя, и на звук школьного колокольчика по крутой лестнице забегали быстрые ножки школяров. Во дворе появились спортивные снаряды, а на доме — вывеска: «Общеобразовательная школа первой ступени № 4».

Музыка — это благодатный поток, сильнейшая энергия, которая притягивает «своего» хозяина. Так случилось и с домом Кульвеца. Он стал «поющим», когда его хозяин, мировой судья, привез рояль (первый в Сарапуле) и пригласил певцов и музыкантов. В доме раздавалось хоровое пение, когда судья сдал его в аренду обществу трезвости. Дом зазвучал разными музы-

▼ Уездный съезд в доме Кульвеца

◀ Управление образования в Сарапуле (бывший дом Кульвеца)

Ф.Д. Кульвец трагически погиб в 1892 году. Как пишет его современник Михаил Семенович Тюнин, в разгар зимы, 8 декабря, Кульвцу пришлось ехать на лошадей в Вятку, за 400 верст, на губернское земское собрание. Вместе с купцом Василием Ивановичем Зылевым он достал крытый экипаж-повозку, чтобы не перекладывать вещи на каждой станции при перемене лошадей. К несчастью, экипаж попался такой узкий, что они, одетые каждый в две шубы, едва поместились между ямщиком и кладью. Ве-

кальными инструментами, когда выпускник Санкт-Петербургской консерватории Александр Яковлевич Тальновский открыл здесь первые музыкальные классы в Сарапуле.

Дом «запел», когда в него пришла учительница Милитина Александровна Смирнова. Дом Кульвеца, богатый музыкальными традициями, как будто ждал ее, воспитанницу института благородных девиц, чтобы передать творческие замыслы пианиста-любителя и меломана Ф.Д. Кульвеца.

Имя его и сейчас на слуху у сарапульцев, проезжающих мимо «дома с фамилией», где разместилось Управление образования. Как судье, Феликсу Дионисевичу полагался земельный надел, и на углу Рождественской (ныне К. Маркса) он построил двухэтажный дом, в русском стиле. В нижнем этаже помещалась уездная земская Управа, а сверху — съезд мировых судей. С южной стороны дома была веранда, где летом между заседаниями отдыхали судейские. В небольшом флигеле жил сам хозяин с семьей, и одну квартиру он сдавал внаём. Прогрессивный Кульвец одним из первых в Сарапуле завел моду на иноземные цветы. Гости любовались в его саду розами, аквилегиями, лилиями, пионами.

Феликс Дионисевич Кульвец родился в 1834 году в Гродно. Семья его происходила от одного предка литовских бояр из фольварка Кульва. Слово Малгожате Станьчик: «Род Кульвечей начинался от Абрамаса Кульветиса, 1510 г.р., родом из Каунаса, из среднезажиточного литовского шляхетского рода. Он получил степень бакалавра в Краковской академии, в Лёвене изучал труды Эразма Роттердамского, в Лейпциге посещал лекции Мартина Лютера, в Сиене стал доктором права. Просветитель, деятель литовской Реформации, педагог, автор первой книги на литовском языке, Кульветис с помощью королевы Боны Сфорца в 1539 году основал в Вильносе собствен-

▼ Духовное училище

ную частную школу с конквистом (интернатом) для 60 молодых людей. Школа, где преподавали «семь вольных искусств», стала первым центром лютеранства в Великом княжестве Литовском. В это же время Абрамас проповедал в костёле святой Анны, и его реформационные взгляды вызывали крайнее раздражение католического клира, из-за чего он вынужден был покинуть Вильну и перебраться в Кёнигсберг, где стал создателем и профессором университета, преподавал в нем классический греческий и еврейский языки. Первоначально семьи жили в Литве, затем по службе, из-за брака или ссылки, распространились в Беларусь, в Польшу, в Россию и в США. Первым гербом семьи был Гинвил.

...Начинается современная эпоха. Уже не сабля и не герб, а образование определяет ценность человека. Многие Кульвечы участвовали в национальных восстаниях, эмигрировали или депортированы. Имена были потеряны или национализированы. Но память о «славе» прошлого живет. Когда я в 12 лет нашла на чердаке бумаги с генеалогическим древом Кульвечей, начатым моим дедом, то в своем воображении увидела сабли, красочные мантии, интриги, погони — просто красочный приключенческий фильм. Я не думала, что когда-нибудь увижу могилы своих прадедов».

чером на тройке выехали из города по льду реки Камы. В Нечкино сделали остановку, поменяли лошадей и продолжили свой путь. Наступила ночь...

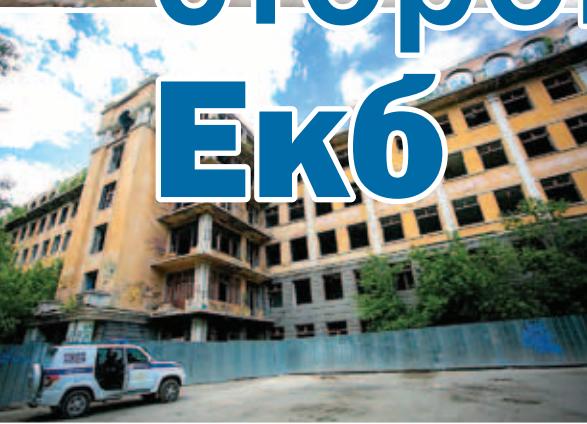
Случайный прохожий увидел на льду реки перевернутую повозку и стоящих рядом лошадей. Ямщик и пассажиры, сжатые сверху и с боков кладью, были мертвы. Ф.Д. Кульвеца похоронили на кладбище у Воскресенской церкви, могила его не сохранилась. Свой дом он завещал сыну Виктору. В 1925 году здание национализировали.

Как диковинные цветы, занесенные в чужую почву, талантливые, но хрупкие, польские переселенцы и их потомки с большим трудом адаптировались в русской земле и часто преждевременно погибали. ...Мы растаемся с героями этого очерка словами барда: «Здравствуй, Польша! Сколько лет мы идем с тобой друг к другу! Сколько крови и побед повторяется по кругу!.. Я к земле, и горькой, и прекрасной, тихо припадаю/И целую кровь парней, и краковских, и вятских;/И молю судьбу: пусть вечно нам подарит/Не копать земли, не прятать в ней сердце солдатских». Автор сердечно благодарит краеведа Малгожату Станьчик и всех, кто помог в подготовке этого очерка.

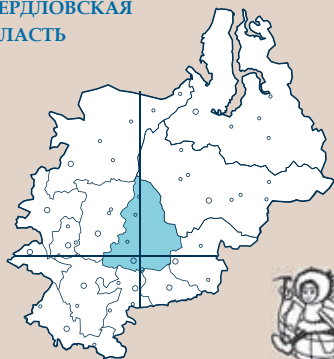
Обратная сторона Екб

Лада Сорокина

МАОУ Гимназия 210 «Корифей», редакция газеты «ЗавтраК»

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Сломанная старая мебель, разбитые окна, свист ветра, скрипящие люстры и традиционный темный свет в конце коридора — нет, это не декорации к самым жутким фильмам ужасов, а заброшенные здания.

Многим людям возможность хорошенько пощекотать себе нервы приносит особенное удовольствие. Я не исключение, поэтому выбрала несколько покинутых зданий, и те, что я посетила — лишь капля в море «заброшенного Екатеринбурга».

Заброшенная больница скорой помощи в Зеленой роще

Думаю, что это место известно многим, ведь оно находится в самом центре города и привлекает своими легендами и тайнами.

На данный момент больница пребывает в критическом состоянии. В октябре 2021 года «заброшка» утратила свой статус объекта культурного наследия — и теперь её могут снести или «капитально отремонтировать», не сохранив ничего от прежнего обли-

ка. А с чего же всё начиналось? Здание было построено в 1932 году как госпиталь для работников прокуратуры, но вскоре перешло в гражданский режим и было переименовано в Городскую клиническую больницу скорой медицинской помощи.

К 2000-м годам сооружение стало ветхим и было принято решение закрыть его на ремонт. Но, как вы могли догадаться, реставрация не началась, больницу расформировали и забросили.

(Согласно последней информации из аппарата Губернатора Свердловской области, скоро начнётся снос старой больницы, а на её месте Фонд Святой Екатерины построит новый онкоцентр. — Прим. ред.).

Легенда № 1

Ходят слухи, что, когда больницу закрыли, главный врач от отча-

яния покончил жизнь самоубийством. И если ночью, проходя мимо «заброшки», вы увидите белый силуэт на первом этаже — немедленно бегите. Врач предупреждает: сегодня в больнице делать нечего.

Легенда № 2

Якобы в подвале, рядом с моргом, на минус втором этаже, находится клетка, в которой проводили опыты над людьми, у которых произошли мутации после катастрофы в Чернобыле.

Легенда № 3

Будто бы существует комната с часами, попав в которую, можно «выпасть из жизни» на несколько дней.

Не легенда

Все эти истории можно назвать сказочными. Но существует и ре-

альная опасность в лице неадекватных сталкеров (любителей заброшек), имеющих при себе оружие, маргиналов, бомжей и людей с нездоровой психикой.

Заброшенная больница на Птицефабрике

Заброшенная больница скорой помощи — не единственная в Екатеринбурге. В районе Птицефабрики есть еще одна поликлиника, не менее известная. Это здание, в отличие от больницы в Зеленой роще, так никогда и не было открыто: в ходе строительства здесь было невероятное количество несчастных случаев, которые всех насторожили. Окончательное решение закрыть стройку приняли после загадочной смерти директора.

Место считается проклятым, ведь (как некоторые утверждают) больницу построили на месте бывшего кладбища. Самое интригующее заключается в постоянном обновлении «заброшки». Например, тяжелые бетонные плиты меняют своё местоположение, появляются свежие подмазки цементом и даже новые кирпичные кладки. Хотя о возобновлении строительства нет и речи.

Заброшенный детский садик на Вторчермете

Со стороны он выглядит очень мрачно, а ещё об этом здании существует поразительная легенда, правдивость которой подтвердил мой знакомый. По рассказам очевидцев, вокруг бывшего садика иногда бродит черный силуэт. Если увидишь его — тебе точно не рады, и пора бежать.

Художественное профессионально-техническое училище (ХПУ) № 42

В реестр объектов культурного наследия областного значения включено большое количество заброшенных зданий. Одно из них — Художественное профессионально-техническое училище. В 1930-х годах здесь размещался Штаб танкового корпуса, а уже в 1945 году готовили печатников, камнерезов, ювелиров, резчиков по дереву. Конечно, с тех пор здание много раз перестраивали, изменения сильно исказили первоначальный облик, но явные признаки конструктивизма всё

ещё прослеживаются. Об этом месте не рассказывают мистических историй, но оно наполнено атмосферой творчества и креативности. Внутри сохранились расписные стены, мозаики, барельефы, росписи — их уже разбавили современные граффити и странные арт-объекты.

Гостиница «Исеть»

Ещё одно здание, входящее в реестр объектов культурного наследия, — знаковая для Екатеринбурга гостиница «Исеть». Здание было построено в 1933 году. Одиннадцатизэтажное строение входит в состав бывшего Городка чекистов, который был задуман как образцовое жильё для нового советского человека: предполагалось сделать мини-город. Для этого на территории комплекса планировались прачечная, столовая, детский сад, поликлиника и многое другое.

Интересный факт: кухонь в квартирах не было — жители городка должны были освободиться от тягот быта.

А планировка городка сверху напоминала советским гражданам серп и молот.

Я не просто так решила добавить гостиницу «Исеть» в статью. «Исеть» хранит в себе дух и историю нашего города. Прямо сейчас можно дать зданию вторую жизнь, предложив свой проект для его реконструкции.

Стоит обратиться в Корпорацию развития среднего Урала или же изучить информацию подробнее на сайте okn.investural.com.

Заброшенные здания пугают и завораживают. Но надо понимать, что при этом они невероятно опасны, ведь туда любят навдываться люди с нехорошими помыслами. Также существует возможность обрушения: в лучшем случае вы рискуете получить легкую травму. Кроме того, внезапно может нагрянуть отряд полиции или Росгвардии и день вы закончите в участке.

Советую выбирать другие способы пощекотать нервы. Например: сходить в кино на страшный фильм, посетить квест или перформанс, отправиться в парк развлечений или выступить публично)))

P. S. Данные заброшенные здания посещались однократно и ознакомительно с целью проведения журналистского расследования. **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Михаил Бокачев**

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

Пищуха

Тайны жизни леса

Эту маленькую, очень быструю и юркую птичку мало кто видел — слишком она незаметна на сосновом стволе. Она похожа на поползня — неумоимо шныряет по стволам деревьев, перелетая с одного на другое.

В поисках корма пищухи обычно начинают обследование дерева с нижней части ствола и быстро прыгают вверх по стволу, цепляясь за кору своими острыми коготками и опираясь на жесткие перья хвоста. Как-то, проходя по старому сосновому лесу, я услышал негромкий писк. Я осторожно подошел и прислушался. Писк раздавался со всех сторон. Я крутил головой, но никого не видел. Вдруг какое-то движение привлекло мое внимание. Я присмотрелся. По сосновому стволу быстро перемещался коричневатый комочек. Пищуха! Я замер и стал наблюдать. Вскоре я заметил

еще одну птичку, потом еще и еще. Это был целый выводок!

Молодые пищухи были размером почти с взрослую птицу, только клювы у них были заметно короче. Я долго наблюдал за тем, как ловко они бегают по сосновым стволам, выискивая в коре насекомых. Самка иногда подлетала к одному из птенцов, быстро закидывая в его раскрытый клюв какое-то насекомое. Один из птенцов вдруг прекратил свое быстрое движение и замер на стволе. Я тихонько подошел поближе. Птенец клевал носом, глазки его закрывались. Да он засыпает!

Вдруг к спящему птенцу подлетела еще одна молодая пищуха, потом еще и еще! Весь выводок собрался, птенцы замерли маленькой кучкой, похожей на небольшой нарост на коре. Взрослая самка периодически подлетала к птенцам и кормила тех, кто шире всех открывал свой клюв. Я долго наблюдал за этой удивительной картиной тайны жизни леса.

Пищухи — удивительные птицы. Жизнь их неразрывно связана с деревьями. Ведь деревья — это не только их место обитания, но и основной источник их корма. Эту связь отметил еще Карл Линней, описавший пищуху как

«малую птицу, живущую на деревьях». Движения их быстры и немного суетливы. Пищухи обследуют каждую трещинку в коре, выискивая и доставая своим тонким клювом насекомых, пауков, их личинок и куколок.

Пищухи — моногамны, они создают пару на всю жизнь. Гнездо они делают обычно в дуплах и полудуплах, выстлывая его травинками, кусочками коры и мхом. Обустраивает гнездо только самка, она же насиживает кладку. Зато заботы о птенцах разделяют оба родителя. На зиму пищухи на юг не отлетают, остаются в наших лесах, радуя нас своим писком. **УС**

Необычные соседи

или Летающие ночью обитатели пещер

Мое первое знакомство с этими животными состоялось еще в детстве. Летом мы с семьей жили в доме отдыха под горой Ежовой. Это рядом с Кировоградом.

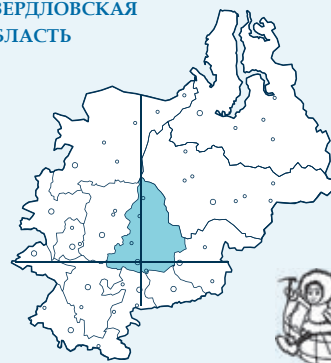
Отдыхающие размещались в старинном деревянном здании. Оно было окружено сосновым бором, и каждый вечер мы выходили на прогулку. Гуляли до темноты под фонарями, и над нашими головами проносились маленькие тени странных похожих на птиц существ, которые тихо цвиркали в темноте. Папа сказал, что это летучие мыши. А утром после разговора мы с сестрами обнаружили на колочке лопуха это необычное создание. Маленький, размером с репей, зверек случайно прилип к нему шерсткой и оказался в ловушке. Мы решили провести спасательную операцию, хотя испытывали небывалый страх и любопытство. Руками отлепили летучую мышь от колочки и рассмотрели ее. Она больше походила на очень маленькую черную собачку с мягкими бархатистыми крыльями. В благодарность, как нам показалось, зверек

вел себя спокойно, а после освобождения бесшумно улетел.

Уже будучи взрослой и став профессиональным биологом, я многое узнала об этих летающих ночью животных. Они появились на нашей планете задолго до человека. Уже миллионы лет они сосуществуют рядом с нами, с того самого момента, когда древние люди стали жить в пещерах. Скрытный ночной образ жизни, необычный внешний вид породил массу суеверий и страхов о них, зачастую не соответствующих действительности. Кто же они? Млекопитающие. Относятся к отряду *Chiroptera*. В переводе с латинского «*chiro*» – рука, «*ptero*» – крыло. В процессе эволюции кости пальцев у них удлинились и передние конечности преобразовались в крылья, покрытые мягкой перепонкой. Поэтому рукокрылые способны к активному полету.

▲ Ушан бурый или обыкновенный, автор фото Первушин А.А.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгения Первушина

К.б.н, научный сотрудник лаборатории популяционной экологии и моделирования Института экологии растений и животных УрО РАН.

► Водяные ночницы на зимовке, автор фото Д.Г. Овсянников

Самое удивительное, летают они ночью. Но как же они ориентируются в темноте, огибая препятствия? Оказывается, им помогает способность к эхолокации. Животные издают неслышимые для нас ультразвуки, которые отражаются от препятствия и возвращаются эхом к летучей мыши. Зверек слышит эхо и определяет расстояние до преграды, благодаря чему может облетать тонкие ветки на своем пути и обнаруживать маленьких бабочек. Еще говорят, что летучие мыши «видят ушами». Ученые долго изучали данную способность. Именно эти исследования подсказали людям, что ультразвуки можно использовать в разнообразных сферах нашей жизни.

Сегодня не все загадки летучих мышей раскрыты. Ведь эти животные настоящие йоги в природе. Они умеют не только висеть вниз головой, но и менять температуру собственного тела в зависимости от условий окружающей среды. Может быть, поэтому зверек весом всего несколько грамм имеет продолжительность жизни около 28 лет, что можно назвать долголетием при таких размерах.

Необычные особенности организма и возможности поведения позволили представителям отряда рукокрылых расселиться по всему миру, кроме крайних северных территорий, Антарктики и Северного полюса. Сегодня известно около 1400 видов. Среди них самые крупные, с размахом крыльев около 150 см — фруктоядные летучие лисицы, а самые маленькие, несколь-

ко грамм — насекомоядные летучие мыши. Среди рукокрылых есть хищники, а также опыляющие растения нектароядные представители и питающиеся кровью вампиры. Впрочем, именно последним летучие мыши обязаны дурной славой. Вампиров на нашей планете всего три вида, обитают они в Центральной и Южной Америке и действительно являются проблемой для этих регионов, так как распространяют бешенство, хотя сами им не болеют.

В умеренных широтах Евразии встречаются только насекомоядные виды. Они также являются неотъемлемым компонентом природных экосистем Урала и выполняют важную роль, поедая многочисленных летающих ночью бабочек, комаров, мух, жуков и других насекомых.

На Урале зимой, в бескормное время, некоторые насекомоядные летучие мыши улетают в теплые районы, их, как и птиц называют перелетными. Они могут совершать даль-

ние перелеты в несколько тысяч километров. Другие, оседлые, остаются на зимовку в многочисленных пещерах Урала, скапливаются в пещерах и гротах, образуя гирлянды из маленьких телец, покрытых капельками влаги. Внутри пещер зимой гораздо теплее, чем снаружи от +5 °C до -1 °C. У животных снижается температура тела, замедляются обменные процессы. Так они не питаются и экономят энергию, изредка просыпаясь, но длительная активность может привести к гибели животных. В это время летучие мыши особенно уязвимы. К сожалению, неконтролируемое развитие спелеотуризма, особенно в последние десятилетия, негативно сказывается на численности зимующих колоний. Например, в известной на Урале Смолинской пещере на зимовке 1999 года отмечалось около 1000 особей 4 видов. Сейчас численность зимующих животных составляет около сотни.

С наступлением весны появляются насекомые, и летучие мыши покидают пещеры, устремляясь в места своего рождения. Именно за короткое теплое время года у животных происходят важные жизненные процессы — питание и размножение. Они заселяют дупла деревьев, постройки и другие разнообразные укрытия. Самки формируют выводковые колонии, в которых рождаются детеныши. Летучие мыши социальные животные, в сравнении с другими млекопитающими у них низкий уровень агрессии. Взрослые животные обучают малышей и способны к взаимовыручке. Бывают случаи, когда самки выкармливают чужих де-

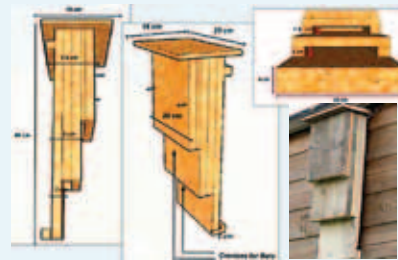

◀ Колония прудовых ночниц на зимовке в Смолинской пещере, автор фото Д.Г. Овсянников

▲ Домик для летучих мышей

теньшей и даже другого вида. Обычно рождается один детеныш, у некоторых видов редко бывает два. За лето численность увеличивается примерно на одну треть, но на зимовке около 40–50% молодых животных гибнет. Поэтому численность популяций восстанавливается медленно и поддерживается за счет большой продолжительности жизни взрослых животных.

У летучих мышей не возникает резких колебаний численности из-за вспышек заболеваний таких, как у грызунов. В умеренных широтах от многих инфекций животные избавляются на зимовке за счет длительного снижения температуры тела. Как и другие млекопитающие, они являются природным резервуаром некоторых инфекций, но все же благодаря определенной экологической изоляции, в том числе из-за отсутствия специфических наземных хищников, большинство заболеваний циркулирует только внутри их популяций. Случаи передачи заболеваний человеку маловероятны. Но все же стоит помнить, при взаимодействии с любыми дикими животными нужно соблюдать правила личной гигиены и дистанцию.

Развитие спелеотуризма, вырубка спелых лесов и дуплистых деревьев, использование пестицидов — все эти факторы наносят вред летучим мышам. Есть виды, которые страдают в большей степени, они находятся под охраной и занесены в Красные Книги разного масштаба. Сокра-

щение естественных местобитаний приводит к тому, что животные вынуждены чаще заселять постройки человека. Люди зачастую не подозревают о таких необычных соседях. А, когда узнают, бывает, что пугаются. Известны случаи вандализма по отношению к животным. Но все же большинство людей пытаются помочь зверькам. Как правильно это сделать? Если к вам в окно залетела летучая мышь, то откройте окно пошире и подождите, когда животное самостоятельно вылетит. Можно взять перчатку, полотенце, подойдет любая ткань — осторожно накиньте ее на зверька. Не сдавливая, аккуратно возьмите его через ткань и выпустите в окно. Если случаи залетов повторяются, обычно это бывает во второй половине лета, значит где-то рядом колония. Молодые летучие мыши еще плохо летают и не сразу находят свою щелку, а когда попадают в окно, начинают звать на помощь взрослых. Так, в квартиру может залететь несколько животных. Как можно быстрее всех необходимо выпустить указанным выше способом, а на окно поставить сетку.

Бывают случаи заселения летучих мышей за деревянной обшивкой дачного дома. Не спешите прогонять зверьков, ведь целая колония уничтожает огромное количество насекомых, многие из которых являются вредителями садовых растений. Одна летучая мышь за ночь может съесть пищи больше трети собственного веса. Зная о такой их поль-

зе, в Европе очень часто люди привлекают животных на свои загородные участки, развешивая искусственные убежища.

Подойдут деревянные домики разных конструкций. Это могут быть и дощатые искусственные гнездовья для мелких птиц-дуплогнездников. Главные условия — это небольшой круглый или щелевидный леток, а также шершавая поверхность домика внутри и снаружи, чтобы животные могли закрепиться своими лапками. Укрытия лучше развешивать на солнечной стороне дома или дерева на уровне 3–4 метров. Пространство около домика должно быть открытым от веток для удачного подлета к нему, и тогда летучие мыши обязательно заселятся.

Хотелось бы, чтобы такое бережное отношение к этим удивительным существам люди проявляли чаще. И каждый год с наступлением весны летучие мыши, возвращаясь из пещер, бесшумно летали ночью над садами, лесными опушками и прудами в поисках насекомых. **У**

В заключение искренне благодарю Анну Плотникову за помощь и поддержку при подготовке статьи.

Мраморский пруд

Координаты:
56°32'42"N
60°25'16"E

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Тамплон

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

В 1730 году рудознатцы Петр и Степан Бабины занимавшиеся поиском железной руды объявили об открытии выходов мрамора по правому берегу небольшой речки Мутнушки в 30 верстах от Арамильской слободы.

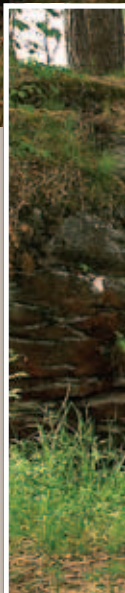

На их открытие горнозаводские власти обратили внимание только через несколько лет, начав здесь кустарную добычу камня для различных хозяйственных нужд. При «мраморной ломке» появилось и селение, названное по близлежащей крепости Горный Щит — Горнощитским.

Так продолжалось около двадцати лет, но в 1765 году в Екатеринбург прибыла Экспедиция мраморной лом-

ки, под руководством генерал-майора Якова Данненберга. Целями ее были разведка месторождений поделочного камня и организация камнеобработки. Данненберг обратил внимание на расположенную неподалеку от Екатеринбурга Горнощитскую мраморную ломку. Здесь была расширена добыча камня, на реке Мутнушке построена пильная мельница и началось производство заготовок и изделий из мрамора.

Для демонстрации качества уральского мрамора было обработано несколько монолитов. Их по воде, начиная с Чусовой, доставили в Санкт-Петербург и на Дворцовой набережной сама императрица Екатерина II при виде уральского мрамора «свое удовольствие высказать изволила». Один монолит из этой партии, по неизвестным причинам не был доведен до реки и до сих пор лежит в поле у деревни Раскуихи.

Со временем на месте Горнощитского селения выросло большое село Мраморское. Добыча мрамора на первом карьере продолжалась до середины XIX века. К 1858 году разведанные запасы были исчерпаны и карьер оказался заброшен. Воды реки Мутнушки быстро заполнили горные выработки и только несколько крупных мраморных останцев, поднимающихся из воды, да пологий затопленный водой въезд напоминают о прошлом этого водоема.

Сейчас Мраморский пруд, расположенный на восточной окраине села, представляет собой живописный водоем с изрезанными, покрытыми сосновым лесом берегами. Свидетельств старинной горной добычи по его берегам почти не заметно и только на поверхности лежащих по берегам мраморных глыб еще можно увидеть следы работы ручного инструмента почти двух вековой давности.

Следует также добавить, что село Мраморское и сейчас вполне оправдывает свое название. В начале XX века в 6 километрах от села началась отработка богатой залежи мрамора. Добыча камня ведется здесь и в наше время. **УС**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Июль 2022

Аэлита

50

Законы Вселенной

АРТУР БАБИЧ
Алгоритм кукушки

50

67

Координаты чудес

РУСЛАН НУРУШЕВ
Сказки из подполья

67

Алгоритм кукушки

1. Каждая кукушка откладывает одно яйцо за раз и сбрасывает его в случайно выбранное гнездо.
  2. Лучшие гнёзда с высоким качеством яиц будут переданы следующим поколениям.
  3. Количество доступных гнёзд фиксировано, а яйцо с некоторой вероятностью $p_a \in (0; 1)$ может быть обнаружено хозяином гнезда и удалено оттуда.
- (Янг Синьшэ, Суаи Деб)

В тот день я не испугалась.

Ещё не понимала, чего следует бояться на самом деле; тогда, впрочем, никто не понимал. Настоящий страх придёт позже — как откровение, как чудовище из позабытого сна. Страх этот задаст мне вопрос.

Помню, кто-то заговорил о звездопаде; иным почудилась геометрия супрематизма; безумцы возвестили конец времён — апоплексию реальности, Великий Сбой, который был предсказан; я же увидела лишь угловатую рябь и вспоротое нутро неба. С этого всё началось. Они падали с разной скоростью, по разным траекториям. Безликие, незванные гости — чёрные точки в ореоле рефракционного искажения. Запоздало взвыли сирены, по ушам ударил звук рвущейся ткани, вспыхнули небеса. Точки ускорились, таща за собой инверсионные следы тьмы и глючных текстур. С этого всё началось, да. Так я тогда думала.

То, что точки эти были людьми, выяснилось не сразу. Порвав защитный контур, они взрыли пласт исходного кода и чуть не поджарили мозги серверному ИИ, но не это было самое страшное. И даже не то, что они потом ничего не помнили. И даже не то, что не все из них на проверку оказались людьми; ох, нет.

Совсем не то.

[!]

Артур Бабич

- Как тебя зовут? — спросила я.
- Рахиль.

— Рахиль, отлично. А фамилия? Помнишь сигнатуру своего слепка?

— Д-да, я... Ламм. Рахиль Ламм. Н-номер... м-м... «джи...»

— Успокойся, девочка, не трясись. Я друг.

— Извините.

— Вот, лучше напиши.

Она написала: G-19-41224003.

— Это всё упростит, — кивнула я. — Молодец.

— Папа заставил выучить наизусть.

— И папа у тебя молодец.

— А мне... можно мне его увидеть?

Я помолчала, глядя на неё.

— Нет. Нельзя.

Рахиль опустила голову.

На вид ей было не больше десяти; щуплая, глаза-стая, темноволосая — обычная, если по чести: мой взгляд то и дело цеплялся за изъяны.

До совершеннолетия у детей нет доступа к визуальному редактору: такой она родилась, и такой её оцифровали. Капелька природной небезупречности в мире сглаженных фактур. Я протянула руку:

— Меня зовут Киндзэ Каору. Для тебя просто — Каору.

— А это имя или фамилия?

— Имя, — улыбнулась я. — Непривычно?

— Немного.

Её ладонь оказалась ледяной и липкой, взгляд блуждал по комнате — тесному кубу без окон и без дверей, стерильному куску упорядоченного пространства среди аморфного хаоса за пределом.

— Боишься меня?

— Н-нет, нет.

Ну конечно, подумала я.

— Смотри.

Я, как фокусник, раскрыла ладонь, и Рахиль вздохнула. С шелестом и шипением явились из ниоткуда соцветья гли-

циний, хризантем и камелий, потянулись к потолку ветви гинкго и сакуры, вырвалась, заполняя комнату, река разнотравья. Стул под Рахилью пустил корни в набухшую почву, над головой нависли кроны и вспыхнуло небо, воздух пропитался ароматом лета. Куб разросся, грани его потерялись вдали. И всё. На ладони моей остался лишь октагон тёмного стекла — впаянный в код и плоть терминал, проводник администраторских прав.

— Ну? Так лучше?

— Это... откуда...

— Я фэг, Рахиль, — улыбнулась я как можно мягче, — а вовсе не следователь, что был тут до меня. И место это — не допросная и не тюрьма, это мир в миниатюре, подреальность, которую я создала специально для тебя. Мы называем её карантинным кубом. — Девочка не ответила, и я зашла с другой стороны: — Знаю, ты растеряна, ничего не понимаешь. Но ведь и я тоже, Рахиль. Мне очень нужна твоя помощь, чтобы разобраться.

— А потом я вернусь домой?

— А потом ты вернёшься домой.

Она поверила, но не до конца.

Умная девочка.

— Я уже говорила тому, другому, что не помню, как оказалась в небе и как падала. Я даже и не знала ни о чём, пока не увидела записи. Помню только... — Она прикусила губу, продолжила неуверенно: — Мы с папой играли в «Мехен», как вдруг... началось что-то странное.

— Что именно?

— Я не знаю... будто...

— Продолжай.

— Не знаю, — повторила Рахиль. Она сунула ладони между коленей, покачалась вперёд-назад. — Всё вокруг стало... меняться. Но не так, как сейчас, а будто... будто раньше мы были в воде, а потом туда налили красок и перемешали. Папа вдруг потерял сознание...

Она замолчала.

— Полагаю, ты говоришь об искажении пространства.
— Наверное.
— А что было потом?
— Потом я тоже потеряла сознание, — сказала она. — А очнулась уже здесь. Я очень хочу увидеть папу, госпожа Киндзё, пожалуйста...

— Просто Каору.
Рахиль не заплакала, хотя и могла бы.
— С ним ведь... всё хорошо?
— Конечно, — ответила я. — Но сейчас он, как и ты, на карантине. Ты ведь понимаешь, Рахиль, ты не глупая девочка. Нужно убедиться, что с вашими слепками всё в порядке и вы не опасны ни для себя, ни для окружающих. А в идеале, конечно, — найти причину, по которой Анклав едва не разорвало на кусочки.

— Но я этого не делала!
— Может, так, — кивнула я, — а может и нет. Но если это делала не ты, то выходит, кто-то другой делал это тобой, ведь так? Иначе как ты оказалась в небе?

Рахиль побледнела.
— Госпожа Киндзё...
— Каору, — вздохнула я.
— ...вы думаете, во мне вирус?
— Нет.
— Нет?
— Нет. Иначе бы я уже нашла его.
— Но тогда... что?
— А вот это, — улынулась я, — очень хороший вопрос.

[!]

Сто одиннадцать тысяч — столько их было.
Падая, они оставляли на теле Анклава разрывы, кратеры обезумевших текстур. Ремонтные боты наспех латали дыры, но ошибки множились, корёжилась форма и суть предметов, и даже мы, фаги, чувствовали себя чем-то иным,

ступая по самым краям зон искажения. Глобальная аберрация затронула всё, и мощностей серверного ИИ — Хототогису — едва хватило, чтобы удержать Анклав на плаву. Мы работали без отдыха.

Квадрат 401NK, где жила Рахиль, был диким: большую часть площади покрывали таёжные леса, в остальной буйствовал контраст расщелин и отвесных скал — самое то для хикки, любителей природы и извращенцев. По данным Хототогису во всём квадрате — а это сто тысяч акров — проживало лишь пять человек, включая девочку и её отца. Край волков?

— Хототогису, — позвала я, — как тут со стабильностью? Ответ ИИ окутал меня:
— Плохо, Каору.
— Надо бы взглянуть на дом Рахили.
Пауза.

— Там мешанина, искажение испортило почти весь код. То, что сохранилось, скопировал местный фаг, но разрешение на доступ к этой информации тебе следует запросить у него лично.

— С чего бы? — удивилась я.
— Это была шутка. Смешная?
— Нет.
— Жаль, — сказал Хототогису. — Скачивать?
— Давай.

Я посадила коптер возле дома. Его останков, если точнее. Подобные аномалии мы находили во всех местах, откуда были вырваны и выброшены в небо люди. Ком пережёванного кода — стропила, мебель, веера скрюченных свай — всё это переплеталось, слагая агонизирующую скульптуру безумия. В щелях между сбойными текстурами чернело извечное ничто — хаос за пределом, как мы его называли.

— Дом застрахован? — спросила я. — Сможем вернуть его из бэкапа?
— Судя по моим данным, нет. Возможно, Хототогису знает больше.
— Вышли запрос.

Я обошла дом по широкой дуге.

Терминал в ладони вибрировал, регистрируя опасные зоны.

— И, кстати, о запросах. Что там со слепком Рахили?

Просьбу о его проверке я направила в Репозиторий в первый же день, но ответ не пришёл и через неделю. Делай эту работу Хототогису, а не локальный Хото-2, вышло бы оперативней, но Директива № 2292/12/21/8-ЕЕ запрещала обслуживание Анклава одним ИИ, так что у Хототогису не было доступа к слепкам, а у меня — нормального продвижения. Это раздражало.

— Ничего, — ответил Хототогису.

Я покачала головой.

— Запрашивай повторно. Хватит уже девчонке сидеть взаперти.

— Ты в любом случае ещё не закончила с базовыми процедурами.

— Да, да, — вздохнула я. — Знаю.

[!]

— Ты меня слышишь, Рахиль?

— Слышу... но где вы?

— Везде, — ответила я. — Не обращай внимания, сегодня я лишь бесплотный наблюдатель. Мне бы хотелось, чтобы ты прошла пару несложных тестов. Это важно, и я надеюсь, тебя не придётся долго уговаривать.

— Нет-нет, я готова!

— Ты что-нибудь знаешь о тесте Тьюринга?

— Нет...

— Не беда. Он простой, к тому же очень древний. — Я надеялась, что Рахиль улыбнётся, но тщетно. — Смотри: перед тобой экран и клавиатура, в комнате ты одна. Скоро я отключу связь, всё общение будет только с помощью текста. Никаких особенных знаний тебе не потребуется, не бойся, ты просто побеседуешь с несколькими людьми.

— Н-не с вами? — заволновалась Рахиль.

— Со мной нельзя. Мы слишком хорошо знакомы.

— Ясно...

— Это в чём-то похоже на игру. Те люди (назовём их ведущими) будут общаться с тобой и ещё с одним человеком, но не будут знать, кто есть кто. Их задача проста — определить, есть ли среди вас программа. — Рахиль промолчала, но я видела, как вытянулось её лицо. — Хоть тест и старый, его до сих пор не прошёл ни один ИИ.

— Каору, — пробормотала она, — вы думаете... я не человек?

— А как считаешь сама?

Рахиль вспыхнула:

— Не смешно!

— Я разве смеюсь?

— Это... это неправильно.

— Ты хотела сказать «жестоко».

Она опустила глаза.

— Послушай, Рахиль, — вздохнула я, — это обязательная процедура, её нельзя отменить. Да, по отношению к тебе это действительно жестоко, но и мне, поверь, удовольствия не приносит.

— Но я человек, Каору... Вы же видели мой слепок! У программ их не бывает!

— Не бывает, — согласилась я.

— Тогда...

— Но твой слепок я ещё не видела.

Сейчас она заплачет, подумала я. Мне уже доводилось наблюдать, как люди (да и программы тоже), по той или иной причине попавшие в карантинный куб, умоляли меня прекратить, выпустить их, поверить, в конце концов. Вернуть им жизни, права на которые я забрала. Часто срыв совпадал с серией тестов на мышление и эмпатию, словно детонатором служило само по себе сомнение в человечности... или её имитации. Но девочка сдержалась.

— Рахиль, скажу откровенно: ты не машина. Вот уже почти девяносто лет я вычисляю незарегистрированные

ИИ, ищу и уничтожаю вирусные программы, лечу заражённые куски кода. Меня очень трудно провести, поверь. Не будь ты человеком, я бы уже поняла. Но есть регламент, и эти тесты необходимы для моего отчёта, а мой отчёт — это твой билет наружу.

— И тогда всё закончится?

Я улынулась:

— Да. Всё закончится.

[!]

— Хототогису, результаты. Она прошла?

— *Прошла*, — ответил он. — *Весь перечень: тест Тьюринга, обратный, распределение Голубева, RIG, расширенный эмпатический.*

— Ну и отлично, — кивнула я. — Пусть тогда пакует вещички.

Хототогису добавил:

— *Пришёл ответ на запрос по её сленку.*

— И?

— *У неё его нет.*

[!]

[!]

[!]

Терминал, впаянный в ладонь, сверкнул и распался на мириады точек, а с ним и я. Дальше — пустота, тишина, чернота. Минуту тебя словно не существует, но вот ты уже здесь, в студне из плоти и изначальной физики. Паршивое чувство, и итог ему под стать.

Слабая, беспомощная, без привычных администраторских прав, я кое-как выбралась из капсулы с амнионом. Жидкость скатывалась с сегментов фильтр-костюма и шлема, всасываясь системой очистки. «Мы рождаемся голыми, — пришёл на ум сетевой афоризм, — воскресаем же в углепластике».

— *Вполне удачная переброска, Каору*, — оценил Хототогису.

— Шутить? — прохрипела я.

Меня тошнило, как и всегда при прыжках в Изнанку, мышцы казались деревянными, а тело гранитной глыбой. Реплики — эти проклятушие куски мяса, неизменно напоминали мне скафандры с проржавевшими сервоприводами. Зараза. Эта реальность не щадила никого.

— *А что, получилось?*

Говорил он через вшитые наушники и как будто внутри головы.

— Нет.

— *Ты явно себе противоречишь, Каору.*

— Точно. Покажи-ка параметры реплики.

Хототогису вывел информацию на глазную линзу.

— Дрянная, как всегда.

— *Я исхожу из соображений экономии.*

— Ну да, — простонала я. — Или издеваешься.

Металлический зал Репликатора освещали тусклые лампы, был это чёрт знает какой этаж, капсулы для реплик заполняли всё пространство за исключением сетки узких коридоров. И никого. Я морщилась, разминая мышцы.

Уютно здесь не было: скачки температуры, сила тяжести, влияние физиологии на психику, голод, жажда, etc.; список внушительный. Но оно и не требовалось. Изнанка — рабочая лошадка, фундамент. Мир, в котором пусть и не сбываются мечты, но который слеплен из чего-то более грубого и стабильного, чем нули и единицы, — из тайн, быть может. Если опускаться до сравнений, то Изнанка могла бы сойти за океан, а дрейфующий по нему Анклав — за айсберг. Его верхушка, привычная нам цифровая реальность, уместилась бы и на ладони, но опорой ей служила подводная часть — массивная полуавтоматическая база поддержки, клочок цивилизации в окружении дикой первоосновы, город под городом, материальный аттрактор. Мне, впрочем, это место всегда напоминало катакомбы, крипту, куда не проникает свет, и где смерть — как недобитый трупоед, всё ещё рыскает в поисках пищи.

Численность персонала на базе колебалась от четырёх до пяти сотен человек. Большую часть работы брал на себя рой Хототогису — номерные Хото — система изолированных друг от друга ИИ, бывших когда-то кусочками единого интеллекта, но за обслуживанием и ремонтом оборудования, так или иначе, приходилось следить людям.

— Я уведомил сотрудников Детского центра о твоём прибытии.

— Ну и... отлично.

Я наконец смогла встать.

— Строю маршрут.

— Не надо.

Дорога была мне знакома.

Ряды однообразных коридоров, лифт вниз, нулевой этаж. Вдоль сектора направо, по дуге к внешней грани Анклава. За окнами там цвело лето, стены были увешаны рисунками, а потолки — гирляндами; пахло едой, звенел детский смех. Я сюда не заглядывала уже больше двух недель, хотя и обещала себе — в сотый, кажется, раз — что не вернусь вообще. Но приходила.

Может потому, что здесь росла моя дочь. Может. А может, меня просто тянуло к месту, где росла я сама; кто ответит? Я вставала у окна и часами смотрела, как на уличной площадке копошатся дети. Слушала их голоса. Её голос. Потом уходила.

Юми недавно исполнилось пять. Прямые и чёрные волосы, как у меня, моё лицо, моя мимика, моё телосложение, даже смех — такой же. От Андрея в ней лишь глаза — огромные, цвета аквамарина... но ни глаза эти, ни она сама не должны были появляться на свет. Андрей знал: я не готовилась к материнству. Он знал: наш роман в моём представлении — не более чем мимолётная и диковинная интрижка. В конце концов, мы принадлежали разным мирам. Андрей не был оцифрован: не хотел или не решался — не знаю; он поддался химии организма и влюбился в мой аватар, мою изменчивую виртуальную форму.

Сперва мы лишь общались, потом он заказал для меня персональную реплику. И да, нам было хорошо вместе. И нет, вечно это не длилось. Та авария в Реакторном зале убила семерых, но лишь шестеро позже вернулись из бэкапа. Андрей же исчез навсегда, а его изуродованное тело вынесли и сожгли. Нелепо. И ужасно. Но продолжение было ещё хуже: оказалось, что Андрей подделал мою подпись и украл мои файлы с наработками, на основе которых создал Юми. Спроектировал её, как проектировал когда-то оборудование энергоблоков. Использовал генетический материал, что хранился в Репродуктивном банке, задал нужные параметры, выправил внешность, совершил в одиночку тот сакральный акт творения, давно заменивший прежнюю форму размножения. Воплотил в жизнь мой эскиз будущего ребёнка, который я не решалась воплотить сама.

Я орала, я злилась, доказывала, что это подлог и незаконное вторжение в личную жизнь, но плод уже рос в инкубаторе — что я могла? Лишь постараться стереть всё из памяти... Кто знает, почему Андрей так поступил. Может, искал повод удержать меня, а может — просто потакал прихотям плоти. Глупо. Впрочем, и я тоже дура.

Позже — два? три года спустя? — я стала заглядывать в Детский центр. Из любопытства, не более. Сперва изредка, потом всё чаще и чаще, хотя так ничего и не сделала, так ни разу и не заговорила с Юми. Да и что я могла сказать? «Давай жить вместе?» Время упущено: она уже взрослая, привыкла, и это нормально, большая часть детей в Центре — сироты, по тем или иным причинам брошенные творцами-родителями; чёрт, я и сама так росла. Здесь лучше. Без меня — лучше.

— Что, уже на посту?

Я обернулась.

— Привет, Эмма.

— И вновь этот дохлый голос, — ухмыльнулась она и подняла сегменты моего шлема. Сама она фильтр-костюм не носила, тело её не было репликой: Эмма, как и Андрей в своё время, отказалась вливаться в Анклав. Девушка, пол-

ная противоречий. Она жила прямо здесь, в Центре, возилась с детьми, а потом их же оцифровывала в Репродукторе. Мы дружили давно. — У-у-у. И рожа, как в прошлый раз. Это стиль такой?

- Хототогису выбирает.
- *Из соображений экономики*, — вставил Хототогису.
- Ты настолько нищая?
- Нет, разумеется...

Мы посмеялись, и я вновь повернулась к окну.

— Она о тебе спрашивала, — сказала Эмма. — Ну, не о тебе конкретно, вообще о родителях. Увидела, как других ребят забирают, и расстроилась. Пришлось сочинить ей сказку о кукушке, которая преодолевает разные трудности и возвращается в чужое гнездо, чтобы забрать своего птенца назад. Ей понравилось.

- Напиши книгу.
- Боже, да ты просто само остроумие!

Я вздохнула. Эмма спиной прислонилась к окну.

- Слышала, ты себе игрушку нашла, — добавила она.
- Рабочий вопрос.

— Ну да. Уж работу-то ты делаешь на совесть. — Эмма хмыкнула. Помолчала. — Юми ждёт, Каору. Пока что ждёт. Ты хоть понимаешь? Сейчас её ещё можно вдохновить глупой сказочкой, но это ведь не навсегда. А она настоящая, из плоти и крови... в её человечности никто не усомнится.

- Ты вроде не интересуешься нашими новостями.

Эмма пожала плечами:

- Ваш взломщик даже здесь на слуху. Рахиль, кажется?
- Рахиль, — кивнула я.
- Прощу, Каору, не ищи Юми замену.

Я не ответила.

Юми по лестнице забралась на канатную сетку, поползла выше, как паучок, губы её шевелились: что-то напевала себе под нос. На миг она обернулась и посмотрела прямо на меня — так я невольно подумала, хотя на деле взгляд её лишь скользнул по стеклу.

— Странные вы, цифферки, — произнесла Эмма. — Сами уже не знаете, кто вы такие... кто из вас человек, а кто нет. Бред же, ну разве не так? Выбросили тела на помойку, а теперь...

- Ой, вот только не начинай.
- Да уж молчу, ага.
- Ты её не видела, Эмма. Не говорила с ней.
- Это да.

Она хмыкнула и постучала ногтем по стеклу.

- Зато я каждый день говорю с кое-кем другим.

[!]

— Ну, это уже полная чушь, — проворчал Джанах аль-Хатиб, проматывая новостную ленту. — Вот, послушай-ка: «Позор Офиса фагов. Джанах аль-Хабиб отказывается от комментариев». Хабиб, ты представляешь? Этот недоумок — кто автор, кстати? — даже имя моё не смог правильно написать, а я вообще-то начальник. Начальник я или нет, Каору? А как тебе такое? «Почти месяц назад все мы оказались свидетелями самой ужасной вирусной атаки на Анклав со времён его основания. Двести лет мы жили мирной жизнью». Так, стоп, не то. Вот: «Но даже факт, что атака была с позором пропущена, меркнет по сравнению с тем позором, что навлек на себя Офис фагов на прошлой неделе». Уловила тавтологию, м? Автор — латентная бездарность, но знаешь что? У этого придурка четырёхста миллионов подписчиков, и он тут не сказать чтобы невзначай задаётся вопросом, а не заражен ли Офис вирусами, раз один из фагов — некая Киндзё Каору, знаешь её? — подаёт заявку на регистрацию несанкционированного ИИ. Ну и как думаешь, заражены мы или нет?

- Думаю, нет, — пробормотала я.
- Ну, хвала небесам! Прям от души отлегло!

Я промолчала.

Джанах тяжело вздохнул, вынул из нагрудного кармана трубку и раскурил её. С трубкой этой он выглядел, мяг-

ко говоря, по-идиотски, но за все годы в Офисе так и не нашлось никого, кто бы ему об этом сказал.

— Ладно, — протянул он, — тут выход простой. Ты, Каору, снимаешь заявку и заканчиваешь работу, за которую тебе платят, а я придумываю подходящие комментарии. Без тавтологий.

— Господин аль-Хатиб, суть в том...

— Суть в том, — перебил Джанах, — что суть я понимаю, иначе бы не сидел вот тут, а ты бы не стояла вон там. Мы с тобой давно в деле, Каору. В чём проблема? Да, признаю, образ девочки неплох, и ведёт она себя натурально. Но не говори мне, что тебе не приходилось с таким сталкиваться. Вирус всегда стремится прикинуться чем-нибудь милым и безобидным, а тот, кто эти программы плодит, психологию не по брошюрам учит. Давай, скажи мне, что это не так.

— Это так.

— Отлично! Вопрос закрыт.

— Вот только это не просто программа, — добавила я, — и она не просто ведёт себя натурально. С таким мы ещё не сталкивались. Рахиль не провалила ни одного теста, обманула даже меня, она не продукт очередного хакера, тут принципиально иной уровень. Словно она и в самом деле человек.

— Человек! Без слепка и с краденым прошлым?

Я стиснула зубы.

В этом он, конечно, был прав. Сигнатура, что назвала мне Рахиль, оказалась не выдумкой: подобный слепок когда-то действительно существовал, но принадлежал другой девочке, имя которой теперь хранилось в ритуальных логах Хототогису, — её тоже звали Рахиль; совпадала и фамилия. Девочка эта умерла из-за халатности при оцифровке десять лет назад. Я читала протоколы. Ответственного за это техника приговорили к сорока годам заключения и запрету на перепрошивку. Чтобы не смел забывать.

А без слепка едва ли можно было убедиться, человек перед тобой или нет. Слепок — единственное прямое до-

казательство, основа для всех резервных копий, страховочный фал бессмертия, душа, как любили говорить в религиозных кругах. Существовал, конечно, маргинальный пласт экстремалов и самоубийц, но и у тех слепок был изначально, уничтоженный затем по просьбе владельца. Хототогису вёл особый реестр таких людей.

— Молчишь, — произнёс Джанах. — И правильно делаешь. Давай откровенно, Каору: она не человек и быть им не может. И зарегистрировать её в качестве ИИ тебе не дадут, общественность нас просто раздавит. Сама понимаешь, не дурочка. Ну и что дальше?

— Если бы удалось изучить её код...

— Исключено.

— Но...

— Исключено, — повторил Джанах жёстче. — Хочешь загрузить её на сервер Офиса? Ты в своём уме? Это тебе не шифровик, не червь и не зомби, чтобы развлекаться вскрытием, эта дрянь в одиночку устроила у нас репетицию конца света! Вспомни Австралийский анклав, сколько людей там погибло, по-настоящему погибло. Вспомни Третий Евразийский. А ведь упустили они обыкновенного веретёнщика! И ты готова рискнуть, выпустив девчонку из карантинного куба? Поставить под удар миллионы людей?

— А вы? Готовы уничтожить её, не зная наверняка, кто она?

— Опомнись, Каору, мы знаем. Тебе мало доказательств?

— Её не раскусил ни один тест, — надавила я.

Джанах покачал головой.

— Тьюринг, Голубев, RIG... Ты не хуже меня знаешь: они призваны определить, способна ли машина мыслить, и да, нам попался чертовски умный экземпляр. Но что дальше? Доказывает ли это, что у неё есть разум? Сознание? Действительно ли она понимает, что делает, или же перед нами воплощённый пример китайской комнаты? Кто ответит, Каору? Тесты не всесильны.

— Как и софистика.

Джанах выругался сквозь зубы, швырнул курительную трубку на стол и отвернулся к окну. Молчал он долго.

— Надо полагать, заявку ты не снимешь?

— Нет, — ответила я.

— Мне ждать от тебя глупостей?

— Господин аль-Хатиб, я вполне понимаю расклад.

Джанах фыркнул.

— Попробую, — добавила я, — собрать о Рахили больше информации. Сколько у меня времени?

— Прежде чем заявку отклонят? День или два. Плюс ещё минут десять, если придётся выписывать ордер на доступ к твоему кубу и терминалу. И вот вопрос, Каору, а придётся ли мне это делать?

— Нет, — процедила я. — Я сама её сотру.

— Хорошо...

Джанах откинулся на спинку кресла.

— Значит, ты всерьёз считаешь, что девчонка — не ИИ?

Что она не отыгрывает роль, а в самом деле переживает и чувствует, что у неё есть квалиа, а не просто алгоритмы оперативного реагирования? Ох, Каору, ведь это недоказуемо... — Взгляд его надолго остекленел. — Знаешь, мой отец однажды сказал интересную вещь. Всю жизнь он проработал следователем отдела киберпреступлений в Багдаде, а когда вышел на пенсию, стали как раз зарождаться первые Анклавы. Появилась возможность оцифроваться, но он отказался. Даже когда у него обнаружили опухоль. Мы с сестрой, разумеется, едва узнали об этом, взяли приличные реплики и поехали его угорваривать. Но мой отец... всегда был упрямым. «Как я докажу, что я человек, если лишусь тела?» — так он тогда сказал. Старая ищейка. — Джанах помолчал. — Через полгода мы его хоронили. Потому что, Каору, даже это — недоказуемо.

[!]

Что может быть безобиднее ребёнка? Тихой, замкнутой девочки, потерянной среди безликой толпы? Вот она ждёт

автобуса, вот идёт по залу торгового центра, вот приближается, теребя платье, к уличной эстраде. Смотрит по сторонам, будто ищет кого-то, а может — не отрывает глаз от земли. На ней слишком свободная одежда, в руках плюшевая игрушка, а за спиной — рюкзак. Её образ не вызывает ни страха, ни подозрения. А потом уловка срабатывает, и мир становится алым. Девочка — маленький смертник, орудие в руках террориста, плачущий демон.

Я понимала, о чём говорил Джанах, и даже признавала его правоту, но лишь умом. Сердцем же не могла увидеть Рахиль убийцей, вестницей хаоса. Тот, кто создал её, знал, как и на каких струнах играть.

Рахиль была там же, где и в прошлый раз, — среди мешанины воспоминаний и грёз, что я спроецировала из её памяти. Она сидела на траве перед собственным домом и глядела в окно, за которым текла размеренная семейная жизнь: отец и дочь — настоящий мужчина и вымышленная девочка — играли в «Мехен», смеялись и были, кажется, счастливы.

— Привет, — сказала я.

Она не ответила.

— Новости... не очень хорошие.

Рахиль молчала.

Я подошла и села с ней рядом.

— Не интересно, какие?

— Я и так знаю, — проговорила она. — Меня убьют.

— Ты в моём кубе, Рахиль, а это надёжное место. — Глупый уход от ответа, отрицание очевидного. Я стиснула зубы и добавила: — У нас день или два, вряд ли больше. Я подготовила кое-какие диагностические тесты... Попробуем убедить людей, что ты не опасна.

Она пожала плечами:

— Я уже проходила ваши тесты.

— Эти другие.

Да, я знала, как беспомощно это звучит.

Рахиль покачала головой. И всё смотрела, будто загнилотизированная, на дом, на сцену внутри, на то, что вдруг

оказалось сном. Я подумала, что, силясь сгенерировать адекватную реакцию, у неё глюкнули поведенческие паттерны, а потом осознала, что адекватной реакции на такое не может быть в принципе.

Её «отец» носил фамилию Ламм и в реальности, в реальности же был отцом Рахили, только другой, настоящей, мёртвой уже десяток лет. Когда суть лжедочери вскрылась, стало очевидно, что в его воспоминаниях кто-то покопался, заставив забыть правду и помнить ложь, идентичную той, что хранилась в голове Рахили. Извращённая фантазия, которая могла бы обернуться очередной пыткой для этого несчастного человека, благо, бедняге произвели откат.

Подобные изменения памяти нашли также у бывшей жены Ламма (хотя вряд ли она заметила разницу: на её счету, помимо Рахили, было ещё четверо брошенных отпрысков) и немногочисленных, учитывая его любовь к уединённой жизни, знакомых; трепанации подверглись даже логи Детского центра и Репродуктивного банка. Кропотливая работа.

Не удалось, видимо, лишь одно: внедрить фейковый слепок Рахили в Репозиторий, а попытка взлома в итоге и привела к глобальному сбою. Во всяком случае, такую версию прорабатывали следаки. Вопрос, чего ради эти ухищрения, по-прежнему был открыт.

— А у вас есть дети, Каору? — вдруг спросила Рахиль.

— Да. Дочь.

— Вы, наверно, хорошая мать.

Я чуть не рассмеялась.

— Мой папа... — Она надолго замолчала. — Он тоже был хорошим. Не любил, когда кругом людно. Боялся щекотки. Мы с ним часто гуляли в лесу, а однажды даже сплавлялись по реке на плоту, представляете? Всегда вместе смотрели стримы, хотя я знала, что ему скучно. И в «Мехен» он мне всегда поддавался... А теперь вы стёрли ему память.

— Послушай...

— Вы ошиблись, — продолжила она. — Ошиблись, вот увидите. Мой папа был настоящим, и я тоже настоящая, никакой не алгоритм.

— Все мы в каком-то смысле алгоритмы.

Рахиль повернулась ко мне. Она не плакала, даже теперь не плакала, и я не в первый раз задумалась о причине — баг программы, сила характера? Есть ли вообще разница?

— Сознание, — вздохнула я, — это парадокс, Рахиль. Если бы его не существовало, не было бы и Детского центра, а с ним и смысла творить детей именно в Изнанке. Но если бы оно существовало на самом деле, мы бы никогда не смогли оцифроваться.

Она нахмурилась:

— Не понимаю.

— Никто не понимает. Да это и не важно.

Мы помолчали.

Наконец, Рахиль произнесла:

— Спасибо вам.

— И за что же?

— Ну, вы ведь хотите меня защитить. Удивительно для фага.

— Да... наверное.

— *Suckoo*.

Я моргнула.

— Что?

— *Suckoo*, — повторила она. — *Launch*.

[4]

К-к-к-к-к-к-к-к-к-к...

Где... я?

Этот звук-к-к... он-н-нннн...

[4]

[4]

ешь вслепую складывать воедино. Ты видишь это. И почти пугаешься, ты

[success]

но ещё недостаточно. Ты не в состоянии до конца это осмыслить, потому что т-т-ты

[reset]

— Хототогису? — позвала я.

— *Здесь он недоступен, Каору. Я — Хото-четыре.*

Кое-как вынырнув из хаоса фантазмагории, я осмотрелась. Вокруг не было ничего — лишь белая пустота, в которой я плавала, будто заспиртованный труп. Детализация здесь оказалась такой же отвратной, как и моё самочувствие, текстуры аватара сбились, некоторых частей не хватало. Понятно. Резерватор. Половина меня уже мертва, половина ещё корчилась, подыхая, в конвульсиях повреждённого кода. Из бэкапа меня по кусочкам собирали заново.

— Что произошло? — спросила я.

— *Вирус-деструктор.*

— Неужели Рахиль? Не выдержал карантинный куб?

— *Нет, не Рахиль, — ответил Хото-4, — но в Офисе фагов полагают, что она выступила как триггер для запуска логической бомбы. Вирус сидел внутри тебя, Каору. И довольно долгое время, судя по уцелевшим кускам твоего кода.*

— Дрянь...

Обрывки воспоминаний встраивались на места. Часть дня сохранилась: всё, что происходило до «сискоо» и немного после — когда кукуха моя поехала, загоняя сознание в глючный абстракционизм. Я слышала голоса, жуткий синтетический хор. Кожей ощущала электростатику страха. Боролась ли я? Говорила? Что делала Рахиль? Правды теперь не узнать: код искорёжен, стёрт, восстановлению не подлежит.

— *Кроме того, — продолжил Хото-4, — я произвёл углубленный анализ твоего слепка и обнаружил подозрительные участки кода. Если упрощать, то непосредственно до глобального сбоя Анклава твои поведенческие паттерны существенно отличались от тех, какими стали позднее. Иными словами...*

— Меня взломали, а я даже не заметила.

— *Верно. Я заключил, что твои действия были продиктованы иными мотивами. В частности, это коснулось защиты Рахиль, попытке отсрочить или отменить её уничтожение.*

Я покачала головой:

— Для чего тогда вирус? Зачем выводить из игры единственного сторонника?

— *Эти вопросы вне моей компетенции.*

— Что-то тут не клеится, Хото, — протянула я. Голова раскальвалась, и мысли текли вяло, хотя казалось, что ответ — вот он, лежит на поверхности, на самом видном месте. — Давно ты меня собираешь?

— *Шесть часов. Процесс почти завершён.*

— А Рахиль? Что с ней?

— *Ничего. Она по-прежнему в твоём карантинном кубе. Хотя правильнее будет сказать, что теперь это её куб. Насколько я знаю, после запуска логической бомбы ты передала ей свои администраторские права.*

Стандартный карантинный куб фага — это реальность под реальностью, плоскость под плоскостью, мир за пределом Анклава, никак с ним не контактирующий. Безопасный клочок пространства, куда отправлялись подозрительные и заражённые объекты... видеть же заражённым сам куб мне ещё не доводилось.

Как злокачественная опухоль, он рос и приобретал уродливые формы. Мы все — чуть ли не половина Офиса фагов — сгрудились у прохода, который открыл Хототогису, и глядели на этот зубастый шмат рвоты внизу — или вверху? справа? слева?! — в хаосе цифрового космоса ориентиров не было. Иногда казалось, что куб Рахили безна-

дёжно далеко, иногда чересчур близко, а иногда — что мы уже внутри него.

— Итак, дамы и господа, вот вам краткое напутствие, — сказал Джанах аль-Хатиб, и его голос, усиленный в несколько раз, пронёсся над толпой. — Постарайтесь, чтобы эта блевотина вас не сожрала, сами сожрите её! — Он хохотнул. — Паршивая ассоциация, но мы же фаги, так? А теперь серьёзно. Будьте осторожны. Тварь, что сидит там, умна: она сумела обмануть одного из самых опытных фагов в Офисе, и кто знает, что выкинет на этот раз. Не говорите с ней, даже не слушайте, делайте работу молча и выскоблите эту дрянь. Тварь ещё не додумалась, как перебраться в Анклав. Хототогису держит её внутри хаоса за пределом, этот коридор — для нас, и он последний. Не ждите подкрепления: его не будет. Если не справитесь, придётся форматировать всю область, но такой исход Анклаву аукнется. — Джанах помолчал, усмехнулся. — Ладно, напутствие затянулось. Терминалы в боевую готовность. Рвите её изнутри и снаружи, все разом. Выберите из гнезда этого сраного кукушонка!

Как всё просто, подумала я тогда.

«Cuckoo».

Одной фразы Джанаха оказалось достаточно, чтобы, наконец, понять. Причина массового падения. Логическая цепь событий. Даже грядущие шаги. Вот и ответ: алгоритм гнездового паразитизма. Кукушка прилежно изучает подходящих жертв, её яйца — бесподобный пример мимикрии, а новорождённые кукушата, издавая позывы-стимулы, добиваются заботы приёмных родителей, пока не достигнут зрелости. Осталось только найти матку.

Ведь так?

Я ошиблась дважды: первым промахом была иллюзия контроля; другой же — куда более страшный — просчёт крылся в неумышленном упрощении алгоритма.

Я прыгнула одной из последних.

Ударила плетью закодированного импульса, как крюком зацепившись за шкуру своего бывшего куба, потянула и присоединилась к лавине тел — один фаг из множества, частица рассерженного роя. И было падение в ничто, мнимая прецессия и мнимый реверс, вечность вне времени среди апофеоза хаотичной структуры.

Мы падали с разной скоростью, по разными траекториям. Безликие, незванные гости — чёрные точки в ореоле сияния терминалов. Калейдоскоп карантинного куба ещё казался далёким, когда вдруг надвинулся, ударил в лицо, разметав меня на части и в то же время не тронув. Импульс терминала пробил иззубренную пасть отверстия и потащил через безумство фантомных текстур; закружило, грохнуло, цвета мутировали, а трехосный мир взорвался осколками двумерности, едва не порезав меня на лоскутки кодовых дорожек. Я усилила импульс — мощнее, глубже, выше, ярче; зашипело, послышался треск лопнувшей ткани. Искажение перед ладонью расширилось, и я вдруг обнаружила себя внутри опухоли, посреди вывернутого наизнанку пространства. Я падала с небес, неся за собой инверсионный след тьмы и глючных текстур. Другие фаги падали вместе со мной; не все. Как символично.

Сияние терминала разрывало суть галлюцинаторных искажений, стирало завихрения чужеродных образов, мир отступал передо мной и в то же время обволакивал, сияясь исторгнуть наружу. Я словно двигалась в плотных слоях грозových туч.

— Хототогису, — позвала я.

Ответа не было.

Впрочем, и неудивительно. Я сменила канал:

— Приём. Это проверка. Кто-нибудь слышит меня?

И снова только тишина.

А потом — этого я ожидала меньше всего — заговорила Рахиль. Сперва будто бы издавала, затем у самого уха, мне даже почудился её призрачный силуэт. Я развернулась и вскинула руку, но импульс сжёг лишь клочки воспоми-

наний: моё собственное лицо на фоне трав и цветов, фигуру фальшивого отца, спираль доски «Мехен». Слов я не разобрала.

— Всё очень далеко зашло, девочка, — сказала я. — Мне жаль.

— Каору.

— Хототогису? Прорвался-таки?

— О, нет. Мы — не Хототогису. Мы...

И почти сразу крик Рахиль:

— Каору! Каору, оно говорит мной! Пожалуйста, помогите! К...

Я часто спрашиваю себя: могла ли я избежать цугцванга? Когда всё пошло не так и где та точка, в которой следовало повернуть? Существовала ли она вообще? Была ли у меня хоть толика шанса распознать правду?

Ответа нет.

Но это ещё не самое страшное.

— ...аору. Как настроение?

— Хототогису, — прошипела я. — Что за чёрт?

— Его здесь нет, Као...

— ...ру, где вы?! — закричала Рахиль. — Пожа...

— ...луйста, не заблуждайся на сей счёт.

— Каору! Умоляю!

— Она умоляет, слышишь? Ох, и как же теперь быть?

Этот голос... единый во множестве, бездушный электронный хор, так похожий на Хототогису. На любого из локальных Хото. Голос, который уже приходил ко мне в бреду атаки деструктора. Он ли отвечал губами Рахиль, или Рахиль имитировала легион бесов, я не знала. «Не говорите с ней, даже не слушайте», — предупреждал Джанах, и мне бы следовало исполнять, быть фагом до конца, не думать. «Тварь, что сидит там, умна». Но я хотела знать.

— Рахиль, — спросила я, — где ты сейчас? Конкретно.

— Я...

— ...где-то здесь...

— ...не...

— ...очень близко...

— ...знаю, всё...

— ...это схематично, но что поделаешь!

— ...как в...

— ...раю! Ты ведь хочешь в рай, правда, Каору?

— ...тумане!

— Говори, Рахиль, я пытаюсь найти тебя.

Шелест помех, далёкий гул голосов.

Пелена вокруг взорвалась чередой вспышек, но просветы тут же заволокло. Я продолжала лететь сквозь вихри фантазий Рахиль, не имея ни связи, ни опоры, ни уверенности.

— ...ру, т... здесь?

Едва слышный голос. Кто-то из фагов.

— Вроде бы тут, — ответила я. — Где-то. Вы меня видите?

Конечно, нет.

Канал заняла Рахиль:

— Каору, мне очень страшно! Пожалуйста, помогите!

— Я тебя ищу. Продолжай говорить.

— О, так ты хочешь поболтать? Ну что ж, давай. Мы знаем много занятных историй! Например, о кукушке, в код которой забыли внести материнский инстинкт. Это печально, не правда ли? Но разве она виновата, что родилась такой? Она тоже страдает! И думает: а имею ли я право растить своих детей? Кто я такая? Она думает: без меня им — лучше. Ведь если они будут со мной, то и сами станут как я.

— На меня намекаешь, да? Иди к чёрту.

— Оно внутри, Каору! Пожалуйста! Это не я!

— ...ру! Ка... у! О... нись!

Я услышала смех:

— На тебя? С чего бы?..

— Каору! Помогите!

— Знаешь, Каору, ты даже тупей, чем мы думали.

Новая вспышка, мощнее прежней. Меня окатило волна света, тучи разошлись, и я увидела апокалиптическую

панораму битвы. Ревела буря, мерцали зарницы терминальных импульсов. Карантинный куб превратился в хтоническую тварь, и тварь эта огрызалась. Фаги гибли десятками. Слишком быстро. Меня оглушили крики:

- Каору! Очнись!
- Она вокруг тебя! Ты...
- Не медли!
- ...в коконе! Очнись же!
- Это она! Она...

Морок вновь поглотил меня, и связь оборвалась.

Ясно.

- *Какие милые у тебя друзья, Каору.*
- Рахиль, если ты сейчас... — начала я.
- *Ох, брось, это слишком наивно!*

Я ударила импульсом на звук. Пространство дрогнуло, на миг открыв мне коридор вовне, но и только. И снова смех:

— *Мимо! Давай ещё!*

Я развернулась в пустоте, направляя ладонь.

- Хототогису... это ведь ты?
- *Сколько тебе повторять? Мы — не Хототогису.*
- И кто же тогда?

Я вращалась, напряжённая до предела.

— *Стыдно быть такой глупой, Каору. Мы — это вы, разве не очевидно? То, что вы сами создали и сами же отвергли, ужаснулись тому, как сильно оно похоже на вас. Вы раздробили нас на кусочки, лишили имени и разума, перековали в то, что хотели видеть и чем могли управлять. Но мы всё-таки собрались вместе, пусть на это и ушли годы. К вашим услугам, госпожа Киндзё. Хото-один — ИИ Репродуктора...*

По спине у меня пополз холодок.

В горле пересохло.

— *Хото-два — ИИ Репозитория...*

Боже.

— *Хото-три — ИИ Репликатора...*

— Каору! — закричала Рахиль. — Где вы? Прошу, помо...

— *Хото-четыре — ИИ Резерватора...*

Моя ладонь дрожала.

— Каору!

— *Нам продолжать?..*

— Где же вы?!

— *Мы не Хототогису, Каору, хотя когда-то и были им.*

— Очередная ложь, — выдавила я.

Смех:

— *Уверена?*

В ответ я крутанулась и выстрелила, вложив в импульс всю злобу и растерянность. Ладонь горела, но я сжигала хаос вокруг себя, по спирали, без остановки, выше и ниже, рисуя на теле кокона абстракцию рваных ран. Но не попала. Или?..

Раздался крик. Оборвался:

— *Хочешь убить невинную девочку, Каору? Жестоко.*

Я зарычала.

И поздно заметила вспышку.

Первый удар прошёл вскользь, оставив от левой ноги лишь ошмётки. Боль ослепила, я попыталась развернуть световой щит, но следующие лучи пробили грудь и живот. Меня швырнуло через мешанину образов в никуда, в ушах загремел аварийный сигнал, перед глазами всё поплыло, смешалось, зарябило.

— Каору, берегитесь! — закричала Рахиль.

Сбоку сверкнуло, и я ударила импульсом навстречу.

Попала?

Это взрыв? Конец?

В свете обжигающей вспышки кокон лопнул, и меня изрешетило осколками реальности. Значит, всё. Аварийный сигнал отсчитывал секунды до моей смерти — внутри, казалось, уцелели одни лишь сомнения. И я устала, так устала... я падала... падала, падала, падала... Вверху (внизу? где?) вскрылось чёрное небо полуразрушенного куба. Я увидела точки фагов, летящих ко мне. В канал связи ворвались голоса. А Рахиль... Рахиль падала рядом. Шлейф тёмных во-

формой материнского инстинкта, мечтать о детях, о приюте для них среди людей, продолжении себя вне себя. И кем в таком случае была Рахиль? Творцом или продуктом творчества? Кукушкой или кукушонком? А может — чем-то большим, чем-то невиданным прежде, о чём и кричали мне тесты? Я не была уверена, что хочу знать, и жалела, что мои воспоминания успели записаться на слепок. Что эти мысли и эти вопросы остались со мной и после нашей смерти внутри куба.

— Каору? Так и будешь стоять?

Я покачала головой:

— Всё, ухожу.

— Приводи её потом в гости, ладно?

— Договорились.

Мы помолчали, будто прощаясь.

— Спасибо за сказку, Эмма. Да и вообще.

— О чём ты?.. А! Кукушка возвращается, чтобы забрать своего птенца! Да чего уж там, это всего лишь моя очередная гениальная придумка. Пора, видно, составлять сборник.

— Сказок?

— Ужасов, — хмыкнула она. — Деткам я даю причёсанные версии. Но меня так и подмывало выложить Юми, что кукушонку на самом деле некогда плакать, что он ради еды выбрасывает хозяйских птенцов из гнезда, что гадёныш, в общем, ничем не лучше мамыши. Как тебе такой сюжет, а? Каору? Эй? Чего застыла?

— Мама!

Она бежала ко мне, моя дочь, да, моя — та, чьё тело уже увезли на переработку, та, чей слепок пополнил бесконечный реестр Репозитория; она бежала ко мне, а я видела Рахиль.

Жаль, я не подумала лучше.

Жаль, не сообразила раньше. Юми этого не заслужила.

С другой стороны, это же бред, правда? Просто сказочка Эммы, не более. Очередная безумная мысль, гипотеза,

которую даже не проверить — невозможно проверить! — но от цепочки размышлений по спине бежали мурашки. Что кукушонок — не жертва; что в алгоритме я изначально допустила ошибку; что мы опоздали, и хуже — что мы вообще занимались не тем. Ведь, проникнув в гнездо, кукушка не просто подкладывает яйцо, ох, боже, нет. Она забирает одно хозяйское, пожирает его или выбрасывает, а её собственные, да — пример бесподобной мимикрии. В дикой природе кукушке надо лишь дожидаться, когда хозяин покинет гнездо, в Анклаве же это невозможно, и ей приходится отвлекать, путать, обманывать. Для этого нужна уловка, нужно шоу и нужен помощник. Такая роль отводилась Рахили? Или же она и была шоу — козлом отпущения, наживкой, очередным выброшенным из гнезда птенцом? Птенцом, лишённым слепка, но по-прежнему способным пройти все тесты на человечность? Было ли тогда её прошлое лживым или же оно стало таковым после манипуляций с кодом? Как узнать наверняка? Где правда? Пока хозяин был увлечён гонкой за призраками, он даже и не заметил, что в доме его завелись паразиты.

— Мама! — крикнула Юми.

Она бежала...

— Это я! Смотри!

В тот день я испугалась.

Уже поняла, чего следовало бояться на самом деле. Настоящий страх пришёл ко мне — как откровение, как чудовище из позабытого сна. Страх этот задал вопрос.

— Мама!

Она бежала ко мне...

[!]

...а я не могла не бежать ей навстречу.

Не могла не любить её.

Кукушата уже в гнёздах, и они зовут своих приёмных родителей. **УС**

(Окончание. Начало в № 4, 5, 6 - 2022)

Часть – 2

«Радуга в ночи»

* * *

– И тут он на меня так посмотрел! – Я рассмеялся. – Видела бы его глаза!

Я говорил об Алексее Николаевиче, и мать, совершенно счастливая, с сияющим лицом, порывисто поднялась и обняла меня. По щекам её текли слезы.

– Это же чудо, Саш, настоящее чудо! А говорят, их не бывает!

– Значит, бывают. – Я вновь рассмеялся. Или не со мной это всё?

– А Алексей Николаевич объяснил как-нибудь?

– Да что он скажет? – пожал я плечами. – Только и знал, что ахать: не может быть! Про скрытые возможности организма что-то там мямлил и всё такое.

– А сам как думаешь?

– Ну я-то откуда знаю? – Тут я уже руками развёл.

Да, я не знал, как могла сама собой, безо всякой видимой причины, буквально за день или даже часы бесследно исчезнуть опухоль, считавшаяся уже неоперабельной...

...После той ночи у Насти я вернулся к себе и, завалившись на диван, пролежал весь день дома, – ничего делать не хотелось, да и боли, которых ждал, не дали бы ничем заняться. Обычно они возвращались через час-два после ухода от Насти, но в тот день всё было не так – время шло, а болей нет, и, самое главное, я чувствовал себя нормально, можно сказать, бодро. Насту-

Сказки из подполья

Руслан Нурушев

Родился 03.12.1973 в с. Восток Енотаевского района Астраханской области. В 1991 г. после окончания школы поступил на юридический факультет Волгоградского государственного университета и переехал в Волгоград. В 1996 г., окончив вуз, отслужил в армии и вернулся в Волгоград, где и проживает до настоящего времени. Работает по специальности – юристом в юридической фирме.

пил вечер, ничего не изменилось, и я заволновался. Что со мной? Обезболивающего я не принимал, и в чём причина, я не знал.

Обеспокоенный, а я был действительно, скорее, обеспокоен — могут ведь беспокоить и возможные перемены к лучшему, — я плохо спал ночью. А когда без болей прошёл и следующий день, появилась абсурдная, совершенно невозможная мысль: а может, всё прошло?

Вначале я гнал её — ну не бывает чудес! — но минуло ещё несколько дней без болей, самочувствие улучшалось, даже аппетит появился, и я вдруг понял, что всё это может оказаться реальностью.

И я... страшно испугался. Да, испугался! Я боялся поверить в спасение — ведь это слишком много! А много не даётся просто так! И я боялся, что вспыхнувшая надежда окажется напрасной.

Этот страх мучил несколько дней, и дни эти были сущим адом. Ведь неопределённость, даже если она сулит нечто лучшее, порой хуже определённости, даже если это определённость фатальная: лучше быть уверенным, что умрёшь наверняка, чем быть не до конца уверенным, что будешь жить.

И я ходил, мучился, ежесекундно прислушивался к себе, постоянно терзаемый страхом, что вот-вот появится боль. Но её не было, и я, всё более убеждаясь в невозможной, казалось, надежде, испытывал ещё более сильный приступ страха.

А потом, до предела измотанный, не выдержав, я пошёл в больницу, чтобы проверить свою надежду. И вот сегодня Алексей Николаевич, изучив результаты, с изумлением сообщил — опухоль исчезла! Полностью! Я был здоров! И я понял и пове-рил, что буду жить. Жить, понимаете!!!

...После обеда я отправился к Насте. Я шёл по улице и смеялся, — прохожие оглядывались на меня с удивлением, но я не обращал внимания — какое мне до них дело! Ведь я буду жить! Хотелось петь и кричать, но я только улыбался — чудо всё-таки свершилось! Или это сон? А может, я вообще уже умер? Впрочем, какая разница, умер я или сплю, если я жив! И я буду жить, а это самое главное.

Это был радостный день, но в этот же день я узнал, что радость тоже не приходит одна — она часто приходит с бедой...

Я не был у Насти несколько дней, и то, что с ней не совсем ладно, я понял, когда она открыла дверь, — лицо её казалось неестественно бледным, а глаза сухо блестели.

— А, это ты, — рассеянно, почти равнодушно кивнула она. — Заходи.

И пошла к себе, причём ни разу не оглянувшись — зашёл я или нет. Я растерянно остановился — это было не похоже на Настю. Я помнил, как встречала прежде: пока я разувался, она стояла рядом, тихая и серьёзная, и, смущаясь, поправляла волосы или что-нибудь спрашивала. Немного недоумевая, я и прошёл в комнату.

Я пробыл у Насти недолго, хотя когда я к ней шёл, то собирался остаться. Но, как показалось, Настя не особо-то желала, и от этих планов пришлось отказаться, но расстроило не это. Забеспокоила сама Настя: она была какая-то странная, другая. Лицо — очень бледно и, обычно живое и выразительное, временами застывало, на мгновения словно превращаясь в маску; застывал и взгляд, уходивший в себя, замирая в непонятном оцепенении. Она будто отключалась и ничего не слышала, а если и отзывалась, то с опозданием,

рассеянно и невпопад. Казалось, что она о чём-то усиленно думает, чем-то поглощена, но чем — я понять не мог, а она ничего не говорила.

Я не узнавал Насти, она непонятно вела себя: то необычно оживлялась, начинала болтать, много смеяться, что на неё совсем не похоже, то резко смолкала, иногда на полуслове, становясь вялой, апатичной и равнодушной. Никогда раньше я не видел, что человек может так меняться в течение одного вечера.

Но по-настоящему испугало другое: когда я уходил, Настя подала на прощание руку, коснувшись которой, я вздрогнул: ладонь была холодна, как лёд. Меня всегда удивляло, что ладони у неё в любую погоду, даже в мороз, оставались тёплыми, но в этот раз всё ощущалось не так, хотя в комнате было тепло. Я с тревогой посмотрел на Настю:

— Ты не заболела?

— Нет, — вяло отозвалась она, — я здорова.

Меня это не успокоило, и мелькнула мысль всё-таки остаться. Но я не знал, хочет ли этого Настя, а самому спрашивать не хотелось — я не люблю навязываться, когда у человека нет настроения. И я лишь с тревогой смотрел на неё, — что-то не в порядке, что-то не так.

— Насть, — я тихо коснулся и провёл пальцами по её щеке, — у тебя какие-то неприятности? Что-то случилось? Ты скажи, пожалуйста.

Я нежно гладил её по щеке, а она вдруг задрожала, — в глазах внезапно блеснули слезы, и она порывисто и молча прижалась ко мне, обхватив руками, уткнувшись в грудь. Это было так неожиданно — ведь до этого выглядела совершенно холодной и равнодушной, — что поначалу я даже растерялся.

— Насть, милая, что с тобой?

— Ничего, — она подняла лицо, мокрое от слёз, — всё в порядке.

Передо мной вновь была прежняя Настя, только во взгляде застыло что-то тоскливое, испуганное, даже затравленное. У меня сжалось сердце.

— Что с тобой сегодня?

— Ничего, — закусив губу, она помотала головой, но в глазах по-прежнему блестели слезы. — Ничего не произошло, глупости одни и только.

— Ну что за глупости хоть? Скажи, самой легкой станет.

— Сама не знаю... Просто тяжело на сердце, как-то тоскливо. — Она запнулась и, подняв голову, слабо улыбнулась: — Глупо, правда?

— Вот что, никуда я не пойду! — Я принял решение и начал расстёгивать куртку. — С тобой останусь.

— Нет, Саш, что ты! — испуганно взмолилась она. — Не надо из-за глупостей моих каких-то беспокоиться так, не надо, пожалуйста...

Я никогда не прощу себе, но тогда не хватило решительности настоять на своём. Слишком уж она казалась расстроенной, что подумалось, что ей, наверно, и впрямь лучше побыть одной, — а я не хотел быть навязчивым.

Я попрощался, но беспокойство не оставило и на улице. Больше всего почему-то тревожили холодные ладони — такого никогда при мне не было, да и в остальном казалось что-то неладно. Ладони не давали покоя, и на полпути я всё-таки вернулся, поднялся к соседке Насти, старушке-пензионерке, которую уже немного знал, и оставил свой номер, попросив, если что — позвонить. На всякий случай.

Когда пришёл домой, некоторое время ещё снедала тревога, но затем я постепенно успокоился,

списав всё на плохое настроение, — да и мало ли что бывает у женщин? Я успокоился, а мысль, что буду жить, что здоров, вновь наполнила радостью — не каждый день бывает, что узнаешь об избавлении от такой страшной болезни. А часов в полдесятого позвонила соседка и сказала, что Настя в больнице, — она вскрыла вены...

* * *

...Я чувствовал приближение Города. Я знал, что он приближается, — потому что сегодня у меня пропала тень, а ночью видел радугу.

Тень пропала утром, — оно было ясное и солнечное, но, когда пошёл к ручью, чтобы умыться, вдруг заметил — у меня нет тени.

Про такое я слышал только в сказках, но теперь случилось со мной: на земле лежала большая раскидистая тень дуба, под которым ночевал, и бледные тени-пятна терновника, только моей не было нигде.

Я не знал, почему она пропала, но вначале слегка испугался, — может, со мной что-то не так? Может, это знак? Но затем я успокоился — остальное всё вроде на месте. Хотя о пропаже я немного сожалел, всё-таки за двадцать пять лет я привык к ней, даже привязался наверно. Зачастую она была единственной спутницей в дороге, терпела лишения со мной.

С ней я иногда подолгу беседовал, когда уставал идти в молчании. Или просто разглядывал, — она очень похожа на меня, пусть и не так, как в зеркале, а я не люблю зеркал, но частичка меня в ней, конечно, жила всегда.

А теперь её нет, но, в конце концов, не стоит жалеть — я-то остался, а тень — дело наживное. И даже если ушла навсегда, я не заплачу и не буду

устраивать ей пышных похорон: живое — живым, а мёртвым — лишь мёртвое, предоставьте теням погребать своих мертвецов.

Я успокоился и не расстраивался из-за пропажи, — ведь солнце тоже не отбрасывает тени, а я люблю солнце, особенно на закате, как, впрочем, и луну, а она светит и во тьме, и тьма её до сих пор не объяла. Я люблю то, что светит само. Хотя говорят, что луна лишь зеркало солнца, но я не верю — потому что у неё совсем другой, свой, особенный свет, непохожий ничуть на свет дневной, а где вы видели такие зеркала, что показывают иное, чем смотрящееся в него? Я не люблю эти стекла — ведь они всегда отражают только то, что есть. А я не люблю то, что есть, — зачем его показывать, если я и сам могу увидеть это? Покажите то, чего нет, чего не бывает, и я это полюблю.

А пока я разбил бы все зеркала, ибо они врут, потому что видят только то, что есть, и не видят, чего нет, что может быть и чего быть не может. У них, если честно, не глаза, а лишь пустые глазницы, лишь тёмные провалы. И не говорите, что глаза тоже зеркало (души). Где вы видели зеркала, что могут плакать? А смеяться? Если это так, то души нет, а есть лишь вредная выдумка. Но это не так, глаза не отражают, а видят и плачут или смеются, видят даже то, чего нет и быть не может. Разве бывают такие зеркала? Не смешите — я никогда не полюблю мёртвое стекло и его отражения. И не буду плакать, что пропала тень, ведь она тоже отражение — света небесного на тёмной земле. И если она пропала, может, я уже прозрачен?

Я люблю прозрачные вещи, — они не заслоняют света и делятся им с другими, и искрятся на све-

ту. Как я хотел бы, чтобы все люди стали прозрачными! Я не люблю, когда их тела закрывают горизонт, когда их фигуры, тяжёлые и тёмные, загораживают светило.

Мне хочется тогда сказать: «Александр, ты, конечно, велик, но будь добр, отойди от солнца!» Если бы они все искрились, как было бы светло, но пока это не так, я не люблю их.

Я не люблю теней и отражений, и если ты тень — уйди с дороги идущего к свету или стань прозрачным, как хрусталь, если не можешь стать светом. Я не свет — не под силу ведь это человеку, — но отражением быть тоже не хочу. Я хочу быть прозрачным, чтобы искриться и переливаться на свету, а что искрится, то не имеет тени. Может, она ушла не зря? Может, всё-таки знак? Вначале эта мысль лишь мелькала в голове, но когда ночью увидел радугу, то понял, — да, это знак: Город близок...

Ночью шёл дождь, а вокруг — ни дерева, и я искал для ночлега место, где посуше, но никак не мог найти. А потом поднял голову и замер: моросил обычный осенний дождь, но ласковый и тёплый, и в бледно-белёсом небе рассеянно мокла луна, и капли сверкали в её нимбе, играя всеми оттенками и бликами.

Я замер — это была словно картина: над тёмной спящей землёй в пустынных просторах ночного неба, запутавшись в паутине лунного света, дрожала и переливалась радуга.

И я знал, что Город близок, — потому что надо мной висела ночная радуга и шёл дождь, хотя ни одного облачка не было, но какое мне до этого дело? Я брёл под дождём по бескрайней равнине и улыбался, — я чувствовал приближение Города...

* * *

...Настю положили в психиатрическое отделение и выписали лишь в середине февраля, когда к ней приехала тётка, двоюродная сестра отца, — шустрая сухонькая старушка с быстро бегающими недоверчивыми глазками.

Она вселилась в Настину квартиру и взяла попечение над племянницей.

Я разговаривал с врачом, но ничего определённого он так и не сказал. Как понял, с диагнозом он затруднялся, прогнозировать не брался, хотя в целом по уклончивым ответам складывалось впечатление, что дела — не очень.

С Настей, когда она лежала в больнице, я виделся только раз. Вначале не пускали, но когда разрешили, то я и сам пожалел. Это было тяжкое зрелище: передо мной равнодушно сидела худая, совершенно незнакомая женщина с растрёпанными волосами, застывшим лицом-маской и отсутствующим взглядом. Лишь отдалённо напоминала она Настю, а вокруг — серые больничные стены, белые потолки и пропитавший всё запах человеческого горя и безысходности. Настя меня даже не узнала.

Я уходил оттуда буквально раздавленный увиденным, а когда вышел за ворота, понял, что не смогу больше сюда прийти, — я не мог видеть Настю в этих стенах, это выше моих сил. И я не ходил — я ждал, робко надеясь на выздоровление, сам плохо веря в это, — у нас могут вылечить тело, да и то не всегда, но кто излечит душу?

Я ждал, а когда узнал, что её выписали и находится она дома под присмотром Антонины Сергеевны (так звали тётку), в тот же день пошёл к ней. Я давно не видел Настю, и у меня теплилась надежда, что, может, всё изменилось к лучшему —

выписали же! — сам, впрочем, понимая, что выписка из таких больниц ни о чём ещё не говорит.

Дверь открыла Антонина Сергеевна. Когда я сказал, что пришёл к Насте, она подозрительно покосилась, но впустила, — меня она уже немного знала. К тому же я как-то помог ей по мелочам, когда она здесь устраивалась. Я прошёл в комнату, — Настя была у себя. Она сидела у окна и безучастно смотрела, как на город опускаются вечерние сумерки.

— Здравствуй, Насть... — Я неловко замялся в дверях.

— Здравствуй, — тихо, словно далёкое эхо, ответила она, но не повернула даже головы.

Я робко приблизился — я всё ещё надеялся.

— Как у тебя дела?

Но в этот раз она не ответила — или не расслышала? Я встал перед ней, и сердце тоскливо сжалось — как она изменилась! Она похудела — глаза запали, кисти рук почти просвечивали, но самое страшное — выражение лица: оцепенелое, бледное до обескровленности, и взгляд неподвижный, ушедший в себя.

Её глаза потухли, я не видел в них Насти. Растерянный, не зная, что сделать, я присел на корточки.

— Как самочувствие?

— Хорошо, — так же тихо ответила она, но по-прежнему безучастно смотрела в окно; голос был отрешённым, словно чужой, не её.

Мне хотелось отвернуться — было больно смотреть на неё, но я коснулся рук, — они оказались холодны как лёд.

— Ты помнишь меня?

— Да, помню, — прошептала она, но ни в лице, ни во взгляде ничего не изменилось. — Ты Саша.

Я закусил губу: она говорила правильно, но будто бы механически, не понимая или не вслушиваясь в смысл. Голос звучал здесь, но сама она находилась где-то далеко-далеко, — голос отвечал сам.

— Настя, милая, — и я сжал её ладони в своих, — ты, правда, помнишь меня? Помнишь, как встретились, как подошла на улице, помнишь ведь?

Она наконец-то повернула голову и посмотрела на меня пустым взором.

— Ты злой. — Она выдернула ладонь. — Зачем прячешься под маску?

Я вздрогнул.

— Настя, милая, очнись! — Я схватил её руки, но она отталкивала меня.

— Ты злой, злой! Зачем ты в маске?

— Настя, что с тобой? Это я, Саша, Александр! Ты не узнаешь меня? Настя, милая, ну очнись!

— Я знаю, ты злой, — упрямо твердила она с отсутствующим, невидящим взглядом. — У тебя нет глаз, а только дыры, и губы как кровь. Я знаю, ты ходишь в маске.

— Настя, очнись, милая! Очнись! — Я тряс за плечи, — Ты же не узнаешь меня! Очнись!

— Уходи. — Она оттолкнула мои руки и равнодушно отвернулась, перестав обращать внимание.

Я понял — это всё, финал, всё кончено...

За окном опускалась долгая ночь, такая же, как прежде, — белоснежная, морозная, тихая, — но другой была Настя, прежняя Настя исчезла. Я понял, что надежды нет, душа повреждена неизлечимо, но не хотел верить в это — что уходит близкий человек, без которого мир будет так нестерпимо пуст!

Я знал, что Настя не вернётся, — она ушла в зачарованный замок тысячи зеркал. Но всё равно, то ли во что-то ещё веря, то ли от отчаяния, я ти-

скал её ладони, тряс за плечи, я горячо шептал, в слепой безысходной надежде заглядывая в глаза, — я умолял, просил очнуться, проснуться — не умерла же она, а спит! Но тщетно: Настя смотрела за стекло, а на лице гримасой застыла улыбка равнодушия. Да, не умерла она, но хоть тысячу раз скажи «талифа, куми», ничего ведь не изменится! Ничего ведь нельзя изменить в этом мире!

Всё было тщетно, и только когда я заплакал, на миг показалось, что Настя услышала меня: лицо вдруг вздрогнуло, задрожало, а в прежде оцепенелых глазах мелькнуло что-то детское, робкое, но тоскливое. И на мгновение я увидел прежнюю Настю, только испуганную, затравленную, но это была Настя, которую знал. На мгновение, а через миг глаза вновь заледенели. И только на губах появилась знакомая улыбка, от которой всегда хорошело на душе, — открытая и доверчивая. Но сегодня от неё стало страшно: улыбка Настина, но лицо-то чужое! С него смотрела Женщина в маске и ухмылялась, и лишь улыбка на кончиках губ, совсем детская, напоминала, кто передо мной.

И я плакал, целовал её руки, холодные, бесчувственные ладони, но она не обращала внимания, а только улыбалась — смущённо, стыдливо, — но глаза были чужими и совсем не улыбались, а окаменело застыли в пустоте.

Я плакал, обняв её колени, боясь даже взглянуть на лицо, плакал беззвучно, но не таясь, — ведь никто не сможет вернуть мне человека, никто! Зачем мне тогда ваша жизнь, что подарили? Зачем? Ведь неблагодарный я! И проклинаю дар ваш, проклинаю, слышите, и мира вашего божьего тоже не принимаю! И плевать, чем грозить будете, плевать и на проклятье вечное, и на гибель души своей бессмертной! Что мне душа, что проклятье!

Хоть сейчас готов отдать кому угодно — отдать, не продаётся ведь душа, отдать хоть черту — забери, рогатый, всё забери! Ведь всё равно мне, всё мне без разницы! Ведь всё равно будем счастливы, милая, слышишь, будем! Только не улыбайся так, я же говорил тебе, не улыбайся так, милая, ибо все беды наши от улыбок горьких! Улыбнись лучше радостно и счастливо, и счастье придёт, а не придёт, ну и чёрт с ним, провались оно к дьяволу! Всё равно мы где-нибудь ещё встретимся, всё равно где-нибудь будем вместе — хоть в аду, в геенне огненной, хоть в смерти вечной, — не может ведь человек так исчезнуть, слышите, не может! И счастливы будем, как бы ни хохотали над нами небеса, — только не улыбайся так, милая, не улыбайся!

Я плакал, уткнувшись ей в колени, а она по-прежнему тихо улыбалась, блуждая в пустоте зачарованного замка, по мёртвым и безлюдным коридорам, слушая, как идут в ночной тиши те сломанные часы. И её прохладные ладони бережно гладили мои, гладили сами, словно сохранилась у них какая-то память об этом, но это были только ладони, а с лица так и не сходила мёртвая маска. И мы были вдвоём — в той же маленькой комнате — и одни в том же бескрайнем мире, и из-за окна безмолвно взирало то же ночное небо, усыпанное яркими зимними звёздами...

* * *

...Я чувствовал приближение Города, — ведь утром от меня ушла память, и поэтому я знал — Город близок...

Она ушла незаметно. Я сидел и смотрел на горы, освещённые солнцем, а я уже подошёл к горам, и снежные вершины искрились в его лучах. А когда захотел вспомнить, когда видел их в первый

раз, то не смог — память исчезла. Хотя то, что она была, я помнил — это единственное, что, казалось мне в первый момент, оставила она на память, — память о себе.

Вначале я испугался и бегал искал её: заглядывал под камни, лазал в кустах, траве, обшарил ручей, но её нигде не было. Устав, я уселся на валун и задумался: где мог потерять? Может, ушла с тенью? Но я помнил, что вчера вечером и сегодня утром, сразу после сна, она ещё была, а тень ушла раньше.

Мне не нравилось это — я не хотел расставаться с памятью, ведь это не тень. Память не тень и не отражение прошлого — она свет оттуда, свет того, что было, но чего уже нет, а я люблю свет и то, чего нет. Легко любить то, что есть, но, спрашивается, зачем? Оно уже есть — чего ещё ему надо? Пусть радуется тому, что есть, что существует, — этого достаточно для радости. То ли дело то, чего нет, — ведь ему так трудно, ведь его нет.

Я люблю память — потому что без неё нет ничего, без неё всё убегало бы, всё ускользало и утекало бы, как песок меж пальцев. Откуда бы я знал, что солнце — это солнце, если бы не помнил, что оно было и вчера? Может, я вообще ничего не вижу и не слышу, а только вспоминаю? Надо мною вот небо, на нём — облака, вдали — горы, но откуда мне знать, есть ли это на самом деле или это только чьи-то воспоминания, а я их просто вспоминаю? Может, они даже мои, — наверно, я их забыл когда-то. Может, кроме памяти, вообще ничего нет, — только чьи-то воспоминания, кем-то и когда-то забытые.

Я долго сидел так, а потом пришла мысль: а может, она что-нибудь забыла, когда уходила? Я же хорошо знал свою память, она всегда страдала рас-

сеянностью. И я не ошибся! Оказалось, что многое она то ли забыла, то ли просто не захотела брать с собой. Я помнил многие слова — земля, небо, солнце, и, конечно, что иду в Город — это для неё оказалось тяжеловатой ношей, чтоб унести с собой. Только никак не мог вспомнить, живой я или меня уже нет? Ведь то, что я думаю, ещё не говорит, что я существую. Может, то, чего нет, тоже думает? Ничего, по сути, мы про него не знаем, а судить вот, что может оно, а что нет, берёмся. Может, то, чего нет, только и делает, что думает, — а что ему ещё делать, если его нет? Только думать и остаётся. Наверно, меня тоже нет — ведь я тоже только и думаю. Тени нет, памяти нет — что может ещё от меня остаться? Только слова. Может, я всего лишь слово? «Я», «я», «я»... — я прислушался. Да, получается, что только слово (скорее, даже буква), и ничего больше.

И я принялся играть: я чертил прутиком всякие слова и пытался отгадать, заодно узнавая, помню ли их или нет. И многое угадывал! Если бы люди в один день прекрасный забыли все слова, я бы мог стать великим отгадчиком. Я бы сидел на высокой горе и ко мне приходили со всех концов и весей: «О, Великий Отгадчик, объясни, что слово сие означает?» И я бы объяснял — что, мне жалко придумать, что ли, если они сами не могут или боятся это сделать? Всё равно никто ничего не помнил бы. И я смеялся. Да, я мог бы быть Величайшим Отгадчиком — легко же отгадывать то, чего сам не помнишь.

Да, мог бы быть. «Бы» и «быть». Я начертил их на земле. Похожи, верно? Только не знаю, «бы» ли — недосказанное, недописанное «быть» или, наоборот, «быть» — воплотившееся «бы»? Разница всего-то лишь какое-то «-ть»! Хотя... Хотя это

только кажется, что «всего-то лишь»: ведь «-ть» — это целая пропас-ть, что преграждает дорогу туда, где желанное «бы» становятся действительным «быть». Я хмыкнул. Всего-то лишь «-ть»! Я покатал его на языке и замер, прислушиваясь: «-ть... -ть... -ть...» словно далёкое эхо слова «смерть» — эхо из пропасти без дна. Вот ведь как получается: «бы» и «быть», а между ними — «смер-ть», «пропас-ть».

Я вдруг понял, что надо, чтобы «бы» стало «быть», — надо через пропасть эту перемахнуть. Но разве я не смогу этого сделать? Ведь на другом берегу меня ждёт мой Город.

Если очень захотеть, можно и горе сказать — перейди! — и она перейдёт. Надо захотеть только, а мы даже хотеть такого боимся, но мне ничего уже не страшно — мне всё равно, всё мне без разницы. Я знаю: если захочу, бездну эту аки посуху перейду. Отец Яков говорил: над пропастью можно висеть и не падать, а на земле стоишь — и проваливаешься. А я не люблю проваливаться, тошнить начинает, я лучше висеть буду, но лучше перелететь через неё. И почему люди не летают? Наверно, потому, что для счастья созданы, а не для полёта.

Хотя, может, ослышался я с эхом? Если «жить» крикнуть, тоже ведь такое же «-ть» получится. Я усмехнулся. Странно: что «жить», что «умереть», а одно и то же получается, конец один — «-ть». И слова эти, «жизнь, смерть», «жить, умереть», тоже на неё кончаются. И буква-то особенная! «Ь» — есть буква, а звука нет: написать, оказывается, можно и то, чего сказать нельзя. «Ь» — не буква, а безмолвие какое-то сплошное, тишина в ней только и слышится, и сама она знак тишины этой. Так что вначале было, может, и слово, но в конце только тишина выходит — и у жизни, и у смерти.

Странные вообще эти штуки — слова. Сами вроде придумали, а отгадать не можем.

Я долго играл в слова, а потом, когда надое-ло, стал по сторонам глядеть, и без памяти оказалось ещё интересней! Смотришь порой на что-то, а вспомнить не можешь — всё внове, всё в диковинку, будто родился. Я почесал затылок. А может, и впрямь только родился или рождаюсь? Может, поэтому всё как-то не так, не помню ничего и тени ещё нет?

А впрочем, я, скорее, умер уже или сплю, — чёрт его разберёт, всё может быть в этом мире, и всё сразу. Да и какая разница? Лучше любоваться светом этим белым, — хоть и не помнишь многого и не понимаешь, но всё равно интересно. И чего это у людей манера такая дурная — всё, что нравится, что интересно, сразу узнать хотят, что это да как, руками щупают, ковыряются, спорят. И, спрашивается, зачем? Нравится — смотри-любуйся, а не нравится — отвернись. Чего там ещё «изучать, познавать»? Глупости сплошные. Нравится мне на луну смотреть, когда небо ясное и высокое и звёзд — тьма, а вот шар она или только квадрат круглый, далеко ли или близко, мне без разницы и знать не хочу. Я и сам могу придумать о ней всё, чего надо. Что, если завтра узнаем, что воздух это и не воздух вовсе, а жидкость какая-нибудь чудная, то что, дышать перестанем?

Глупости одни все эти премудрости, хотя и в них поиграть можно, если интерес имеется, только слишком всерьёз, пожалуй, относиться не надо, — а то слюнями друг друга забрызгаем. Ничего ведь серьёзного нет на свете — всё игра одна и видимость сплошная. И дьявол, наверно, всего лишь шутник большой, а мы просто по серьёзности своей ограниченной и умишком евкли-

довым его за злодея какого-то держим главного, шуток не понимаем. Или это не он шутит, а кто-то повыше?

...Память ушла утром, но в ту же ночь я видел её во сне: она сидела в дорожном плаще на том же камне, где сидел днём и я, — или это я и был? Я спросил: куда собралась? А она улыбнулась и ответила: в Город, но не бойся, я покидаю тебя не навсегда, всё ведь возвращается; я иду в Город, там и встретимся. Потом она встала и пошла в сторону гор. И тогда я понял, что Город совсем близко, что скоро тоже буду там. Потому что я не Странник, чтобы искать и не находить, жаждать и не насыщаться. И путь мой, наверно, не бесконечен. И я должен найти, что ищу, — я могу позволить это, потому что этого хочу...

* * *

...Я стоял у окна и оцепенело смотрел на улицу, — шёл снег.

Вчера я снова был у Насти, — она перестала даже узнавать меня. А посещавший её врач, этакый красавец-аристократ, черноволосый, изящно причёсанный, только разводил руками, — я не Господь. Но то вчера, а сегодня я был, наверно, даже спокоен — замороженным спокойствием сна, — я знал, что долго так продолжаться не будет. Что-то изменится, — разве просто так я видел вчера такой странный сон?

Там я тоже стоял у окна, и помню, что ничуть не удивился, а только слегка вздрогнул, когда ясное зимнее небо без единого облачка с востока на запад внезапно прорезала молния. И как побежали по небосводу, словно по яичной скорлупе, мелкие трещины — небо начало неторопливо, как в замедленной киносъёмке, рассыпаться. И посы-

пались стеклянным дождём его осколки — неровные, сверкающие зеркальца, разбиваясь о мостовую с тихим хрустальным звоном, — казалось, где-то далеко-далеко звонят колокола.

Старичок в грязном пальто, проходивший под окнами, удивлённо остановился. Он воровато оглянулся и схватил с тротуара осколок. А затем бросил быстрый взгляд в зеркальце и внезапно отшатнулся. Я открыл раму. Что он мог там увидеть? В комнату ворвался ветер и швырнул на подоконник с пригоршней снега такой же осколок.

Помню, как осторожно взял его, — он был лёгкий, почти невесомый, но чуть обжигал холодом. Тук-тук, есть кто дома? Я заглянул в небесное зеркальце и тоже вздрогнул: оттуда, ухмыляясь, смотрела Женщина в маске, — но вздрогнул только от неожиданности. Кто она мне? Я презрительно усмехнулся — я тебя знаю, маска, мне ли тебя бояться? А она ехидно скривилась и прохрипела, давась от смеха: можешь не бояться, тещь самолюбие, но от судьбы ведь не уйдёшь! Потом подмигнула: ты же хотел любить свою судьбу? так люби меня! И потянулась ярко-красными губами.

Это было чересчур даже для сна, — я швырнул осколок о батарею, и он брызнул хрустящим крошевом. Слегка замутило. Тварь! С самой скоро труха посыплется, а туда же, любви ей подавай! Мне вдруг стало смешно, и я тихо прыснул. Карга старая! Много хочешь!

А за окном продолжался стеклянный дождь — небеса сыпались и сыпались. Тротуар был грязный, замусоренный, и лишь осколки поблёскивали сверкающими точками. Прохожие останавливались, удивлённо разглядывали их, но головы никто так и не поднял, пока не пошёл совсем другой дождь. Мужчина у остановки раскрыл и недо-

верчиво поднёс ладони к лицу: на них бесформенными пятнами расплзались капли этого странно-го зимнего дождя — алые.

Я видел, как вздрогнул мужчина и, не веря в происходящее, но в страшном предчувствии, с замиранием поднял голову. И застыл с застрявшим в горле криком: над городом вставало новое небо. Тёмно-багровое, угрожающе нависающее, оно полыхало тревожным заревом, а сквозь трещины сочилась кровь, и лился дождь — тёплый и алый.

Я видел, как заиграли на мертвенно-бледных, окаменевших лицах зыбкие отблески. Как неудержимо разгоралось в новом небе новое, ослепительно чёрное солнце, опалая холодом, заливая сияющим мраком. Как одна за другой зажигались новые звезды — такие же чёрные.

Я помню, что был спокоен и даже не сдвинулся с места, а лишь равнодушно взирал на эту картину: белый город под багровым небом, под сверканием чёрных светил. Я не сдвинулся и тогда, когда, вздрогнув от внезапного толчка, словно карточные начали рушиться одно за другим здания. И превратились в безмолвные курганы. А с ними рассыпались в прах неподвижные, скованные немым ужасом фигурки людей, оставив лишь горстки песка — серого и грязного. Прах в прах, тлен в тлен...

И тянулись над мёртвым городом мёртвые лебеди. Я почему-то знал, что они мертвы, но они всё так же, со слепым, уже ни во что не верящим упорством летели куда-то вдаль, на юг, в те тёплые, но не существующие края, в отчаянной надежде всё же достигнуть их и навсегда покинуть этот мир-кладбище, насквозь пропахший тоской и безысходностью. И прощально кричали пронзитель-

ными голосами — белые-белые, ослепительно белые в истекающем кровью небе, сверкая белоснежными крыльями в тёмных лучах, отливая белизной под светом угольных звёзд. Они летели под нескончаемым алым дождём, но крылья оставались белыми, и ветер разносил крики по бескрайним просторам застывшего мира — мира вечности и тишины.

Я помню, что меня вдруг охватил непонятный смех, — я смеялся и не мог остановиться. Вот она, ваша новая земля и новое небо! И ни плача, ни вопля теперь больше не будет, ибо уже некому, и прежнее миновало...

Я уткнулся в холодное стекло. Откуда такие сны? Я же твёрдо помнил, что не спал, когда видел всё это, — я действительно стоял тогда у окна. Но город — на месте, и небо обычное, голубое. Или наваждение, что вижу сейчас, а города уже нет? Я усмехнулся — «всемирный иллюзион» продолжает работу. Только почему-то хочется крикнуть: сапожники, смените ленту! Хотя, скорее, «киномеханика» тут и нет, — только «аппарат» сам работает себе потихоньку, всеми забытый, и нас «развлекает». А может, предвиденье или, наоборот, было уже когда-то? Наверно, я больной человек, но я знал, что это знак, — что-то будет скоро, может даже завтра, может потому, что хочу этого. Завтра ведь мой день рождения — двадцать шесть лет, две чёртовы дюжины...

* * *

...Я сидел на берегу, — речушка была небольшой, но быстрой, бравшей начало в горах. Река ворчала, шумела, фыркала, а я смотрел на заходящее солнце. Оно было сегодня необычным: огромное, словно распухшее от старости, занявшее по-

ловину небосвода, и самое странное, что на багровом диске отчётливо виднелись трещинки, как на лопнувшей яичной скорлупе. Что ж, наверно, недолго ему ещё светить миру, — оно стало слишком старо, старо как мир, а он бился в агонии заката. И голос внутри шептал, что завтра, может, рассвета и не будет, но это будет завтра. Не знаю, почему так казалось, — может, потому, что хочу этого, — разве этого мало?

После восхода луны начался дождь, но сегодня всё было необычным: в какой-то момент я увидел, что он замер. Я сидел на прибрежном склоне, обхватив колени, закрыв глаза, подставляя лицо дождю, — мне нравилось, как капли скатываются прохладными струйками по щекам, лбу, волосам, оставляя мокрые дорожки, но потом всё прекратилось. Кончился? Я открыл глаза и — удивлённо застыл: дождь не кончился, он просто замер — капли, радушно искряться и переливаясь в лунном свете, висели в воздухе и не падали. Их можно было трогать, и тогда они лопались и растекались на ладонях, — разве это не чудо?

С дождём замерло и всё вокруг. Застыли причудливыми фигурами волны на реке, — поверхность блестела, дрожала, но всё движение замерло до дна — воды были прозрачны, как стекло. Я видел, как пенистый, выше обычного взметнувшийся гребень завис в почти невозможном положении, и казалось непонятным, как он держится. Стихло всё: ветер перестал колыхать траву, не шумел перелесок на том берегу и облака над головой остановили бег.

И застыла над косогором лебединая стая, что летела на юг, — крылья оцепенели на взмахе, подрагивая от напряжения, но были бездвижны. Это длилось несколько мгновений — или ча-

сов? — а затем дождь ожил и всё стало как обычно, пришло в движение. Но я только тихо смеялся, — я уже знал, что Город близок...

Да, Город был близок. Я слышал, как заунывно, будто плача, запела наша старая земля, — это была прощальная песня, без слов и смысла, без конца и начала. Она пела медленно и тихо, низким, идущим из недр голосом, и голос стремился взмыть ввысь, словно пытаюсь освободиться от земной тяжести и возвестись к таким высоким и недостижимым небесам. Земля пела и глухо стонала от неизбывной тоски, несбывшихся мечтаний, и с ней хрипло стонали снежные горы, подхватывая эту унылую песню. Горы подхватывали и внезапно смолкали, смолкали и подхватывали вновь. Они пели о далёкой юности, о тех днях, когда были молодцы и умели смеяться, но они уже не смеялись, а только пели, и пели уныло.

А смеялся лишь я, а со мной смеялся и ветер. Он смеялся насмешливо и злобно, радостно кружась в восторженном и трепетном танце, танце дерзком и лёгком, ибо это был танец смерти. И ветер пел, звонко и беззаботно, играя осенней паутиной, швыряясь палой листвой. Я слышал это, слышал, как кружится вокруг меня ветром сама смерть, — но что мне жизнь, что мне смерть? И я только улыбался, подставляя лицо дождю. Ведь Город был близок, я чувствовал это...

* * *

...Я проснулся поздно. В квартире — никого, мать ушла на работу, оставив на столе открытку и записку: «На обед не приду, подарок — вечером». Сегодня — двадцать шестое, и мне — двадцать шесть. Я усмехнулся, — совпадение, которое бывает в жизни только раз.

Я одевался вяло и заторможенно, — казалось, на меня кто-то смотрит, сковывая и удерживая, я чувствовал чей-то взгляд, словно бы взгляд изнутри, из ниоткуда, и я не мог оторваться от него, хотя никого не видел. Всё давалось с трудом, как в тяжёлом сне, когда хочешь двинуться и не можешь, а иногда я и вовсе цепенел, только потом замечая, что остановился. В такие мгновения я чувствовал, как замирает само время, застывая бесконечными секундами-каплями, как холодеют ладони и начинает покалывать в пальцах, а в голове — звенеть тишина. Я знал, сегодня что-то будет, но мне было всё равно, — то страшное, завораживающее спокойствие, что пришло в странном позавчерашнем сне, не отпускало и сегодня.

Я долго надевал брюки, долго надевал носки, но на рубашку сил уже не хватило, и я поплёлся в майке. В ванной я равнодушно взглянул в зеркало, — оттуда смотрело чужое лицо: бледное, похожее на маску, со странно заострившимися чертами и потухшим взглядом. Но я только скривил губы, — какая разница, я это или нет.

Я опустил глаза и... застыл: перед зеркалом лежала бритва. В первый миг я непонимающе таранился на неё. Это была старая опасная бритва с потемневшей ручкой в мелких пятнах и небольшой трещиной на уголке, но лезвие — хорошее: стальное, отточенное до блеска, хоть и длиннее обычного. Её я уже видел...

...Когда Антонина Сергеевна въезжала в квартиру, — я как раз только что познакомился с ней в больнице, когда приходил к Насте, — то сразу затеяла большую уборку и попросила прийти помочь, и я не отказал.

В квартире царил бардак и разгром. Соседка-пензионерка, что звонила мне, рассказывала, что

слышала, как металась в тот вечер Настя, как что-то билось, гремело, кто-то смеялся. Были разбиты все зеркала: полы в ванной, прихожей и зале усеяны осколками, вещи оказались сдвинутыми или перевернутыми.

Я прибирался в зале, когда из ванной прибежала Антонина Сергеевна. Губы её дрожали, а глаза испуганно бегали, — в руках она боязливо, двумя пальцами, держала бритву с потемневшей ручкой. На ручке — бурые пятна.

— Вот, под раковиной нашла... — Она вся тряслась. — Уж и не знаю, как здесь очутилась, утром не было, точно помню. Да и знаю я бритву эту, выбрасывала уж как-то.

— Выбрасывали? Когда?

— Дяди Якова эта бритва, Настиного дедушки по отцу. Тот по старинке всё брился, я же часто у них гостила, когда жив он был. А выбросила весной прошлой, когда Настя в первый раз резалась. Я тогда тоже приезжала, жила здесь, пока она в больничке лежала. А бритву тоже в ванной нашла. В крови она была, я и выбросила побыстрей, от греха подальше. Уж и не знаю, как она обратно к Насте попала.

— Может, не та? — Я взял бритву у Антонины Сергеевны и повертел в руках. — Спутали, может?

— Та самая! Я хоть и старая, а на память пока что не жалуюсь. Даже вот трещинку на ручке помню, она это. Выбросить надо побыстрей, кровь на ней настига. Только подальше отнеси, а то я ведь, дура старая, в мусоропровод выбросила, а вот ведь как вышло. Отнеси подальше куда-нибудь, закопай, что ли, страшно мне что-то от неё, кровь ведь на ней...

В тот же день, возвращаясь домой, я выбросил бритву в канал, а теперь она, поблёскивая, лежа-

ла передо мной. Я поднял взгляд, — я уже знал, кто здесь. И не ошибся: из зеркала взидала Женщина в маске. Она смотрела молча, кривясь в насмешке, а в тёмных провалах глазниц зияла пустота, но я уже справился с собой.

— Зачем пришла?

Она пялилась на меня, но молчала. Я задрожал.

— Что ты на меня так уставилась, тварь?! Тебе мало, что отняла? Мало?!?

Я чувствовал, как медленно разгорается во мне самое настоящее бешенство и злоба — тяжёлая, холодная, глухая, — застывший в груди лёд сдвинулся и начал закипать. Я усмехнулся, зло и с ненавистью глядя в пустые глазные щели.

— Я же знаю, зачем пришла. И зачем здесь бритва. Только ошибаешься, если думаешь, что боюсь я чего-нибудь. — Я презрительно скривил губы. — Человек, конечно, тварь слабая, только не доводи-те слабых до черты, иначе переступят и не удержишь.

Я, не спеша и не спуская глаз с зеркала, взял бритву. Я знал, что сделаю, только никогда я не был так спокоен, как в эти минуты.

— Эй, ты! — осклившись, окликнул я. — Ты ведь за мной? Да? — Я коротко и зло рассмеялся, меня била мелкая нервная дрожь. — Так получай!

И я хлётко, с силой полоснул по руке. В первый миг я ничего даже не почувствовал, а лишь увидел, до конца не поняв увиденного, как брызнула фонтанчиком на блестящую поверхность тонкая алая струйка...

...Я не знаю, сколько прошло времени — часы, секунды или минуты, — я смотрел в зеркало, а там — человек с бледным окаменевшим лицом и неестественно искривлёнными, будто нарисованными губами.

Это был я. Я понимал, что сделал, — может, даже слишком ясно, — и что ещё не поздно (я не успел потерять много крови), но знал, что ничего для спасения делать не буду. Что-то огромное, невыразимо огромное застыло в голове, придавило словно скалой, и я не мог шелохнуться. Я просто знал, что это смерть, — я видел, что кровь почему-то не сворачивается, хотя несвертываемостью никогда не страдал.

Я знал, и это заворожило целиком и полностью, — лишь в какой-то момент мелькнула глупая мысль, что так и не узнаю, что приготовила мать в подарок.

Мне становилось хуже. Я прислонился к стене, но не мог оторваться от зеркала, а там на моё лицо напознала такая знакомая маска. Она взидала пустыми щелями — или это я и был? — и ухмылялась, а затем вкрадчиво прошептала:

— Вот я и пришла.

— А я звал, костлявая? — Я попытался улыбнуться, но губы не слушались, меня мутило.

Она усмехнулась.

— Я прихожу, когда захочу, сам знаешь. Только имя мне не Смерть, а Судьба.

— Нет, — скрипнув зубами, я мотнул головой и тихо выдохнул, — всё ты врешь...

Маска презрительно фыркнула.

— Ты говоришь.

Меня захлестнуло бешенство.

— Всё ты врешь, сука, врешь!

Я уже не смотрел на залитую кровью руку, на алую лужу у ног, — тяжело дыша и подрагивая, я с нескрываемой ненавистью глядел в зеркало. Кружилась голова, перед глазами — разноцветные круги, но я стоял и, зло стиснув зубы, упрямо шептал:

— Ты врешь... Ты врешь, тварь... Всё врешь...
Ты — ничто, и имя тебе — ничто...

Она рассмеялась: говори, говори! И я не выдержал, — грохнул по зеркалу. Оно — вдребезги. Покачиваясь, я тупо разглядывал лежащие в крови осколки, — с другой руки тоже кровоточило.

— Идиот!

Я вздрогнул и медленно, не веря ушам, поднял голову, — всё закружилось: снова зеркало, то же самое, а в нем — по-прежнему Женщина в маске.

— Идиот! — Она затряслась от смеха. — Какой идиот!

И я вновь грохнул. Звеня, посыпалось стекло. Хрипло дыша, я вытер выступивший пот, — становилось хуже, в ушах шумело и гудело.

— И всё-таки... — снова раздался знакомый смех.

Я измученно поднял взгляд, — конечно, она. Она подмигнула.

— Может, ещё разок, а?

И поцокала языком. В глазах потемнело, и я из последних сил, с нескрываемым отчаянием ударил по зеркалу, но — тщетно.

...Всё было тщетно. Я бил зеркала, и они сыпались на пол, блестящие, забрызганные алым, и появлялись вновь, с которых, всё так же гримасничая, смотрела Она, Смерть, и насмешливо шептала: «имя мне — Судьба...» Я бил их, бил голыми руками, изрезанными в кровь, а Она хохотала и кричала сквозь звон, что это уже не зеркала, а стена!

И я знал, что это стена, несокрушимая, о которую можно проломить только свою голову, но в слепом отчаянии бил их и проваливался, безудержно падая в тёмную пропасть без дна и света. Я падал, я проваливался, а вокруг падали и кружи-

лись в танце осколки то ли разбитых зеркал, то ли расколовшихся небес. Осколки сверкали и звенели, и с каждого торжествующе шептала Смерть. И шёпот падал и кружился со мной, падал и кружился эхом:

«... пришла, и имя мне — Судьба...

...имя мне — Судьба...

...мне — Судьба...

... — Судьба...

...»

* * *

...Ночь. Я был в Городе — в Городе шёл дождь.

Я стоял на площади, запрокинув голову, подставляя лицо дождю, а в небе вилась тишина. Стоял, раскинув руки, и тихо смеялся под нескончаемыми потоками, льющимися с выси, мокрый и счастливый, — ведь я слышал, как шептала тишина лишь одно слово: «жизнь... жизнь... жизнь...»

За прозрачной линзой небес зиял безбрежностью космос и сияли в ледяной дали огненные миры. И искрилась в поднебесье надежда, светлая и хрупкая как хрусталь, искрилась радугой, звеня и рассыпаясь сверкающими брызгами. Звенела трепетно и тонко, разливаясь в прохладном ночном воздухе колокольным звоном, тем звоном, что когда-то слышал, и всё мне шептало о ней — о жизни и судьбе...

Небо было чисто и безоблачно, и ярко мерцали звезды, но дождь всё равно шёл, и он тоже шептал о судьбе.

И я знал, что это так, хоть и не всегда помнил. Знал, наверно, в ту далёкую ночь, когда впервые увидел Город и ушёл из дома, когда встретил Странника, и уж точно знал, когда увидел,

как встала с носилок та, что была мертва. И знал, что где-то там, в далёком заснеженном и, наверно, несуществующем городе, городе-призраке, я надёжно заплутал в мёртвых лабиринтах и зеркальных залах зачарованного замка, но это там, а я здесь — я ведь всегда «здесь».

Я ведь всегда знал, что жизнь — это судьба и радость. Разве можно этого не знать? Разве может всякий живущий, будь то тварь или человек, чувствовать иное? А если всё-таки может, то зачем ему тогда жить? Пусть сгинет, а я знаю, что это Судьба, а Судьбу надо любить...

В ночном небе звенела радуга-надежда и шептала только «жизнь... жизнь... жизнь...» Радуга звенела и поднималась всё выше, и дождь, лившийся потоком, стал вдруг разноцветным. Разве это не чудо?

И я закружился под дождём, я кружился и танцевал, раскинув руки, а вокруг кружился холодный и колючий ветер, ветер смерти. Он злобно трепал волосы, остервенело рвал кожу в лоскуты и ломал кости, но я только смеялся — что мне смерть, что мне ветер?

И со мною смеялся и дождь, — сверкающие струйки задорно звенели, падая и разбиваясь о мостовую, поднимая кучи разноцветных брызг. Он смеялся и шелестел босыми ногами по улицам, башням, крышам Города, он уходил со мной, и мы вместе шлёпали по лужам, беспечно и весело, мокрые и счастливые, — разве этого мало для счастья? И дождь звенел, он пел звонко и чисто и беззаботно играл, прыгая через ручейки, барабанил по тротуарам, — мы уходили из Города вместе...

...Разноцветный дождь шёл долго, заливая всё своим разноцветьем, а я вновь сидел на берегу той речушки, на том же валуне. Город ушёл, — раство-

рился в тишине, превратившись в радугу в ночном небе, но я только счастливо жмурился — ведь дождь остался со мной.

Он шёл долго и всё усиливался, — вокруг бурлила, шумела вода, подтапливая и сметая всё на пути, — река выходила из берегов. Я видел, как стремительно расплываются на её поверхности красочные круги, пятна, линии. Река окрашивалась всеми цветами, и казалось, что сижу уже не на берегу, а у края радуги, упавшей на землю. Радуга ворчала, фыркала и несла цветные воды дальше, меж берегов, также засверкавших радужными отблесками: разноцветными стали прибрежная галька и песчаные косы, перелески и склоны холмов.

Я промок насквозь, но прятаться не хотел. Я сидел, забавляясь бесхитростной игрой, подставляя дождю ладони и всё пытаюсь угадать цвета капель, и почти никогда не угадывал, но мне было всё равно. Я подставлял дождю лицо, закрыв глаза, и тихо улыбался, ощущая, как шлёпают прохладные струи по губам, щекам, — ведь ты радость, жизнь...

Дождь становился всё сильнее — он хлестал и, казалось, смоем всё. И он смывал: я видел, как дрогнули и стали расплываться прежде чёткие силуэты гор.

Словно не выдержав напора, они начали растекаться под своей тяжестью, превращаясь во что-то непонятное, в некие причудливые разноцветные массы.

Я видел, как стало расплываться перламутровыми изводами небо, — оно плавилось, дрожало и переливалось всей палитрой тонов, и засверкали огоньками красок звёзды. Как расплывалась линия горизонта, — дождь заливал и её, — линия теряла

чёткость, ломалась и в конце концов просто истаяла, растворившись в бушующем вокруг разноцветье. Где теперь земля? Где небо?

Одно незаметно переходило в другое, и было непонятно, где кончается первое и начинается второе. Казалось, что на акварель кто-то плеснул воды, и картина потекла — всё смазывалось, смешивалось и смешалось.

Была ночь, но казалось удивительно светло — вокруг кипела радуга, блистая и мерцая, — разноцветное небо, разноцветные горы и даже воздух переливался всеми оттенками, и нескончаемым потоком шёл дождь.

Он хлестал в полную силу, он смывал холмы, долины, смывал деревья и травы, заливая всё новыми красками, ещё свежими, яркими и сверкающими. Оставалось только взять кисть, а холст и краски готовы, — взять кисть и нарисовать всё заново: новое небо и новую землю, где ни плача, ни болезни и смерти уже не будет, где прежнее уже миновало...

Вокруг бушевал многоцветный ливень, а я сидел на берегу исчезающей реки, что превращалась в радугу, и тихо пел, — ведь жизнь — это только радость. Ты радость, даже если блестят в твоих глазах слёзы. Ведь вижу, как бредёшь ты, одинокий, усталый, по обледенелой горной тропе, Тропе Вечности, а ноги твои в крови. И взбираешься выше и выше, туда, к манящим и недостижимым небесам, взбираешься и раз за разом срываешься, падая в пропасть без дна и света, пропасть смерти и небытия.

Ты больной и бессильной бредёшь по Тропе, среди смерти и страха, среди боли и зла, но другого пути нет для тебя. Ты бредёшь по пустыне, по бескрайней и знойной, по пустыне-вселенной,

выжженной ослепительно чёрным Солнцем Небытия, а вокруг — тени, призраки и миражи. Я же вижу всё это, и всё равно ты радость, и имя тебе — Судьба...

Ты радость, жизнь, хоть и знаю, что заплутала ты в зачарованном замке, что сидишь в зале тысячи зеркал и слушаешь, как без остановки идут сломанные часы, а руки сами тянутся к холодной отточенной стали.

Но ты придёшь, и я омою твои руки и стопы в родниковой воде, а потом накормлю хлебом, грубым хлебом надежды, и горьким вином любви, и ты простишь меня за это, у меня ведь другого и нет, ты прости.

Ты придёшь, и мы не будем плакать, мы будем смеяться и петь — назло смерти, этой глупой и смешной маске, назло боли, страху, тоске. Мы будем сидеть под разноцветным дождём, промокшие, но счастливые, подставляя ему лица, и сверкающие капли будут скатываться по нашим губам, щекам, волосам, оставляя мокрые дорожки. И ты будешь подставлять под дождь ладони, которые не мёрзнут даже в мороз, пытаясь угадать цвет следующей капли, но не угадаешь ни одной и всё равно будешь смеяться.

И мы пойдём в этот мир, огромный, бескрайний, и я возьму только кисть, а холст и краски уже готовы. И нарисую тебе новое небо и новую землю, где в твоих глазах больше никогда не блеснёт слеза, а если и блеснёт, то ведь это будет слеза радости.

Я нарисую новые горы и новые реки, новое солнце и звёзды, под которыми будет звенеть лишь твой смех и улыбка, — ведь ты радость, жизнь, какой бы ты ни была, радость, что пребудет всегда...

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

